

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

УДК 327(560)

На правах рукописи

СУЛТАНМУРАТОВ НУРИДДИН НЕГМАТОВИЧ

**Внешиполитическая концепция Турецкой Республики на
современном этапе**

6D0505000 – Регионоведение

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты:
кандидат исторических наук, и.о. доцента
Чукубаев Е.С.
PhD, Ferit Belder

Республика Казахстан
Алматы, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ	20
1.1 Основные теоретические подходы в изучении внешней политики государства: геополитика, неореализм, баланс сил, взаимозависимость, секьюритизация.....	20
1.2 Концептуально-теоретическое обоснование внешней стратегии Турецкой Республики в рамках комплексного исторического обзора.....	35
1.3 Методы анализа как важный инструмент выявления ключевых аспектов международной стратегии Турции	48
2 СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЕЦКОГО ГОСУДАРСТВА ПОСЛЕ РАСПАДА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ	50
2.1 Факторы изоляционизма во внешней политике Ататюрка	50
2.2 Турецкая политика нейтралитета и балансирования во время второй мировой войны	70
2.3 Трансформация внешней стратегии Турции в период Холодной войны и биполярного мирового порядка: поворот на Запад	81
3 ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ ПРИ РЕДЖЕПЕ ТАЙИПЕ ЭРДОГАНЕ	108
3.1 Феномен Партии справедливости и развития и социально-политические преобразования в Турции	108
3.2 Западный вектор внешней политики Турции при правлении ПСР.....	122
3.3 Концепция неосманизма в контексте усиления ближневосточного направления во внешнеполитических приоритетах современной Турции	136
3.4 Турция в Центральной Азии: казахстанско-турецкие отношения как фактор интеграции тюркоязычных государств	141
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	149
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	151

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

АНТАНТА	Военно-политический блок Великобритании, Франции и Российской империи в начале XX века
АСЕАН	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
БРИКС	Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка
ВВП	Валовой внутренний продукт
ВМФ	Военно-морской флот
ДП	Демократическая партия
ЕС	Европейский союз
ЕСПЧ	Европейский суд по правам человека
ЕЭС	Европейское экономическое сообщество
МВФ	Международный Валютный Фонд
НАТО	Организация Североатлантического договора
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОИС	Организация исламского сотрудничества
ООН	Организация Объединенных Наций
ОТГ	Организация тюркских государств
ПБ	Партия благоденствия
ПНД	Партия националистического движения
ПНС	Партия национального спасения
ПО	Партия отечества
ПС	Партия справедливости
ПСР	Партия справедливости и развития
РНП	Республиканская народная партия
РПК	Рабочая партия Курдистана
СНБ	Совет национальной безопасности
ТЮРКСОЙ	Международная организация тюркской культуры

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика диссертационного исследования. Данная научно-исследовательская диссертация посвящена изучению внешней политики современной Турции с момента образования республики в 1923 году и до настоящего времени. В рамках этой работы автор анализирует развитие и эволюцию международной стратегии Турции за указанный период. В ходе исследования одновременно рассмотрены причинно-следственные связи между внешней политикой и внутренними процессами в турецком обществе по каждому отдельно взятому историческому этапу. Особое внимание было уделено выявлению основных принципов внешней политики государства в годы правления Реджепа Тайипа Эрдогана.

Актуальность темы исследования. За последние полтора десятилетия внутри международной системы наметилась устойчивая тенденция усиления геополитической роли ряда региональных держав. В современном мире еще преждевременно говорить об окончательном переходе к многополярному порядку, тем не менее, постепенное изменение баланса сил становится совершенно очевидным. Например, возникновение неформального объединения крупнейших развивающихся государств БРИКС следует рассматривать как попытку создания противовеса традиционному доминированию Запада.

При этом круг претендентов на позицию новых самостоятельных центров не ограничивается только указанным блоком стран. В данном контексте весьма показательным выглядит кейс Турции, которая после прихода к власти Реджепа Тайипа Эрдогана в начале двухтысячных годов пережила кардинальную трансформацию с точки зрения повышения собственного экономического и военно-политического статуса на мировой арене. Рост внешних амбиций нынешнего турецкого руководства потенциально может оказать серьезное воздействие на всю геополитическую архитектуру вокруг Турции.

Потенциальное расширение турецкой зоны влияния так или иначе затронет регион Центральной Азии, где интересы Турции широко представлены. В связи с этим актуализируется исследование внешней политики Турции, как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе в условиях формирующейся новой глобальной реальности.

Изучение исторических этапов теории и практики внешней политики Турции от Ататюрка (активный изоляционизм), А.Мендереса (интеграция с Западом), Т.Озала (диверсификация международных связей) до Эрдогана (неосманизм) способствует пониманию формирования и проведения внешнеполитической стратегии современной официальной Турции.

В процессе анализа современной внешнеполитической стратегии Турции следует сфокусироваться на продвигаемой правительством Эрдогана концепции неосманизма. Под этим термином подразумевается политическая идеология, главным образом направленная на восстановление в той или иной форме былого могущества Османской империи.

Практическая актуальность диссертационного исследования заключается в сотрудничестве Республики Казахстан с Турецкой Республикой, которая носит

характер стратегического партнерства. В октябре 2009 года в ходе визита первого президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в Турцию между двумя странами был подписан договор о стратегическом партнерстве [1]. Данное событие продемонстрировало большую значимость Турции во внешней политике РК. С самого начала независимости казахстанские лидеры на системной основе выстраивали многовекторный курс, предполагающий установление доверительных связей со всеми ключевыми международными игроками. Следовательно, выведение двусторонних контактов на более высокий уровень полностью соответствовало указанной задаче.

Формированию стратегического партнерства способствовал целый ряд факторов культурно-цивилизационного и исторического характера. Общие исторические корни, в частности принадлежность к единому тюркоязычному пространству всегда выступали важным скрепляющим аспектом в формировании особых отношений двух государств. Турция первой признала независимость и суверенитет Казахстана. С тех пор сотрудничество во всех отраслях активно укрепляется.

Так, в гуманитарной сфере взаимодействие происходит по линии таких коллективных структур как ТЮРКСОЙ, Тюркская академия, Фонд тюркской культуры и наследия и других подобных специализированных органов. Кроме того, культурное и научное сотрудничество также строится на основе двусторонних соглашений. Здесь необходимо особо выделить образовательный аспект. В Казахстане функционирует разветвлённая сеть престижных школьных учреждений – лицеи «Білім-Инновация», которые были открыты в начале девяностых годов прошлого века при непосредственной поддержке правительств обеих стран. За годы своего существования указанные заведения приобрели огромную популярность среди местного населения благодаря высокому качеству обучения. Стоит отметить работу и партнерских вузов в лице университета имени Ходжи Ахмета Ясауи в городе Туркестан и расположенного в алматинской области СДУ.

Процесс сближения Турции и Казахстана напрямую отразилась на углублении экономических связей. На сегодняшний день Турция входит в пятерку крупнейших торговых партнеров Казахстана [2]. В 2021 году товарооборот между государствами составил 5 млрд долларов. При этом поставлена цель об удвоении данного показателя в ближайшем будущем. Между прочим, за годы независимости турецкие предприниматели вложили значительную сумму денег в казахстанскую экономику. К сегодняшнему дню валовый объем привлеченных инвестиций достиг 5 млрд долларов [3]. Важно подчеркнуть, в свете последних событий вокруг украинско-российского конфликта для РК высокую значимость приобретает дальнейшая диверсификация транспортных маршрутов. В этом плане транскаспийский коридор видится очень перспективным направлением. Кстати говоря, об этом моменте упомянул президент Токаев во время его официальной встречи с Эрдоганом в турецкой столице в мае 2022 года [4].

Не в последнюю очередь именно совместные экономические и гуманитарные проекты послужили фундаментом к интенсификации

политических связей. В этом плане достаточно знаковым моментом стало преобразование Совета сотрудничества тюркоязычных государств в полноценную организацию осенью 2021 года. Напомним, что изначально инициатива такой реформы исходила как раз от казахстанского руководства [5]. Подобный факт следует воспринимать в качестве индикатора заинтересованности страны к переходу к более высокому формату взаимоотношений с тюркским миром в целом и главным образом с Турцией, которой априори отводится лидирующая роль в новом объединении. Таким образом, турецкий вектор все сильнее превращается в неотъемлемый компонент казахстанской концепции внешнеполитического балансирования.

Цель диссертационного исследования - на основе анализа теории и практики эволюции внешнеполитической концепции Турецкой Республики выявить приоритеты, проблемы и возможности в реализации основных целей современной внешней политики Турции.

В рамках указанной цели автором были поставлены следующие **задачи**:

1. На основе анализа основных теорий международных отношений определить методологию в изучении внешней политики Турецкой Республики.

2. Исследовать эволюцию внешней политики турецкого государства от изоляционизма президента Ататюрка до политики нейтралитета в годы Второй мировой войны.

3. Выявить факторы трансформации внешнеполитической стратегии по сближению Турции с Западом в годы Холодной войны.

4. Изучить фактор Партии справедливости и развития в контексте эволюции внешней политики страны при правлении президента Реджепа Тайипа Эрдогана.

5. Изучить роль концепции неосманизма в формировании государственной стратегии Турции на международной арене.

6. Выявить факторы, которые определяют отношения Турции с Западом, имеющие сложный и многозначный характер.

7. Изучить современное состояние, возможности и перспективы стратегического партнерства Казахстана и Турции.

Объектом исследования является внешнеполитическая концепция Турецкой Республики в условиях трансформации международного порядка.

Предмет исследования: основные тенденции и особенности внешней политики Турции в изучаемый период

Методы исследования: в ходе анализа исследуемой в диссертационной работе проблематики автором был использован комплекс теоретико-методологических подходов, направленных на изучение различных аспектов внешней политики государства. В данном контексте в качестве основного теоретического подхода определена теория геополитики, которая позволяет выявить ключевые факторы, влияющие на формирование внешнеполитических концепций Турецкой республики в те или иные исторические периоды. Таким образом, геополитическое расположение Турции рассматривается одним из решающих факторов в разработке и реализации внешнеполитической стратегии государства.

В процессе анализа внешнеполитической концепции Турции автор диссертационной работы обратился к теориям неореализма и баланса сил, которые способствуют обнаружению ключевых факторов, приведших к значительной трансформации внешнеполитической стратегии Турции во время правления Эрдогана.

Теории либерализма и взаимозависимости предоставляют возможность объяснить стремление ТР одновременно оставаться в западном (членство НАТО, продолжающийся процесс вступления в ЕС) и восточном (участие в ОИС, тюркский мир) политических, экономических и культурных пространствах.

В свою очередь теория секьюритизации способствует осмыслению главных мотивов и целей Турции в рамках ее внешнеполитической стратегии, где вопросы безопасности, в том числе связанные с темой курдского сепаратизма, рассматриваются турецкими властями в качестве одного из приоритетных направлений.

В целом заявленную проблематику следует рассматривать с использованием общепринятых теорий международных отношений, которые наиболее актуальны в современном международном научно-экспертном сообществе.

Автор диссертационной работы также обратился к методу сравнительного анализа. Здесь объектами сравнения, с одной стороны, выступала, история внешней политики Турции в двадцатом веке, с другой стороны, процессы во внешней политике страны в предыдущий период.

Еще одним методом, выступало интервьюирование различных экспертов, главным образом казахстанских специалистов. Было важно выяснить взгляд из Казахстана на внешнеполитическую концепцию Турецкой Республики, так как в диссертации будет уделено внимание и внешней политике Турции по отношению к региону Центральной Азии и Казахстану в частности.

Таким образом, использованные автором диссертации теоретико-методологические подходы в изучении внешнеполитической концепции современной Турции способствовали комплексному исследованию заявленной в диссертации проблематики. В первую очередь на повестку дня выходит вопрос о целях и задачах внешней стратегии Турции. Вторым важным моментом представляется сам процесс реализации внешнеполитической концепции страны. Иначе говоря, необходимо выявить основные механизмы данной политики. В-третьих, следует рассмотреть фактор влияния современной внешней стратегии Турции на процессы в регионе Ближнего Востока и в мире в целом. Предложенные автором диссертации подходы обеспечивают возможность повторения исследования при изучении внешнеполитических концепций схожих с Турцией по параметрам государств.

Научная новизна. В диссертационном исследовании представлены следующие научные результаты, определяющие новизну работы:

- впервые в казахстанской историографии был сделан системный и комплексный анализ внешнеполитических концепций турецкой республики на современном этапе ее развития.

- использованные автором диссертации теоретические подходы (геополитика, баланс сил, секьюритизация) позволяют раскрыть особенности формирования внешней политики Турции как евразийского государства. Эти характеристики сохраняют свою актуальность в любой исторический период и могут быть применены к анализу внешней политики других евразийских государств.

- впервые в казахстанской историографии проанализированы факторы, концептуализирующие формирование и проведение турецкой внешней политики в исторической ретроспективе.

- автор предлагает собственный научный взгляд на идеологию неоосманизма президента Эрдогана в условиях меняющейся геополитической реальности.

Хронологические рамки исследования охватывают период с момента создания турецкой республики до сегодняшнего дня. Это обусловлено тем, что еще в начале образования республиканской Турции формировались внутренние и внешние факторы, определившие современные тенденции во внешнеполитической концепции республики.

Источниковая база исследования. При написании диссертации был использован широкий круг источников, которые можно разделить на несколько больших групп.

В первую группу источников входят законодательные акты и программные документы Турецкой Республики по внешней политике, в первую очередь это Конституция ТР [6], документы МИД Турции, внешнеполитических комитетов, которые позволяют определить правовые и концептуальные основы формирования внешней политики Турции в заданных хронологических рамках.

Сюда же следует отнести международные договоры и соглашения, в частности договоры между государствами, конвенции, межправительственные соглашения, декларации, дипломатическая переписка, официальные заявления властей, выступления глав государств [7] и внешнеполитических ведомств.

Эти источники информативны в концептуальном плане и выражают направления и приоритеты внешней политики ТР.

Вторую группу источников составляют документы, определяющие участие Турции в политических, военных, культурных и др. Членство Турции в ООН, НАТО, заявки Турции о вхождении в ЕС, членство Турции в ОИС и ТЮРКСОЙ и др. В частности, Североатлантический договор о создании НАТО [8], Соглашение об ассоциации Турции с Европейским экономическим сообществом, договор о таможенном союзе между Турцией и ЕС [9].

В третью группу источников входят официальные речи и выступления политических деятелей, официальных лиц государства и глав, представителей внешнеполитических ведомств. Особое внимание было уделено выступлениям турецких президентов и премьер-министров (выступление Эрдогана на 69 сессии генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке в 2014 году [10], выступление Эрдогана на 8-конференции послов в Анкаре 2016 года) так как эти выступления концептуализировали внешнеполитическую стратегию Турции.

Указанная группа источников позволяет рассмотреть официальную точку зрения касательно приоритетов турецкой внешней политики в различные исторические периоды.

Четвертую группу составляют материалы саммитов и конференций, документы комиссий и рабочих групп, позволяющие проанализировать сотрудничество на политическом, экономическом, гражданском уровнях. Охватывает международные договоры и соглашения, в частности договоры между государствами, конвенции, межправительственные соглашения, декларации, дипломатическая переписка, официальные заявления властей, выступления глав государства и внешнеполитических ведомств.

Пятая группа источников включает материалы периодической печати и сообщения информационных агентств Турции. (Анадолу, Хабертюрк, Демирорен). Данная группа источников содержит огромный фактологический материал, позволяющий выявить особенности турецкой внешней политики в современных международных отношениях. Большая часть этих источников была найдена во всемирной сети ИНТЕРНЕТ, на официальных сайтах МИД ТР, а также научных центров Турции, западных стран и РК.

Шестая группа источников состоит из теоретических исследований внешней политики государства, которые способствовали раскрытию темы исследования. Например, работы Ратцеля, Маккиндера, Моргентау, Уолтца, Швеллера, Миршаймера, Челлена, Хаусхофера, Мэхэна, Генца и других теоретиков позволили более точному пониманию внешнеполитической концепции современной Турции.

Таким образом, использованные автором источники представляются достаточными для анализа поставленных в дипломной работе проблем и позволяют раскрыть поставленную цель и задачи исследования.

Степень научной разработанности темы исследования.

В настоящее время изучению внешней политики Турецкой Республики посвящено большое количество научных работ. Помимо турецких авторов данный вопрос активно рассматривается в трудах иностранных специалистов. В особенности за последние два десятилетия указанная тема стала привлекать все большее внимание исследователей, что в значительной степени связано с тенденциями в развитии международной стратегии турецкого государства. В период правления Партии справедливости и развития Реджепа Тайипа Эрдогана, которая непрерывно находится у власти с 2002 года, наблюдается объективный рост геополитического влияния страны на мировой арене. В итоге вместе с укреплением регионального статуса республики параллельно усиливался интерес со стороны экспертной среды, где различные внешнеполитические аспекты Турции становятся объектом анализа.

Турецкая историография. На сегодняшний день внутри турецкой историографии сложилось несколько ведущих направлений касательно изучения внешней политики Турции на современном этапе. Одним из главных векторов является оценка роли лидера в формировании международной стратегии республики, где акцент главным образом делается на всестороннем анализе деятельности того или иного руководителя.

С этой точки зрения во многих трудах детально обсуждаются тренды при правлении Мустафы Кемала Ататюрка. Например, Х.Косебалабан в своей книге делает глубокий анализ внешнеполитических принципов первого президента республики за годы его нахождения на руководящей позиции (1923-1938) [11]. Так, он характеризует международную стратегию Ататюрка как активный изоляционизм, что стало следствием внутренней ситуации. В первые годы своего образования современная Турция столкнулась с рядом проблем, связанных с развалом Османской империи и необходимостью строительства государства на новых началах. Негативные последствия в результате тяжелой народно-освободительной войны, невыгодного севрского договора, курдского восстания на востоке страны и другие неблагоприятные процессы оказали серьезное воздействие на мировоззрение первых руководителей современной Турции, в том числе и на Ататюрка. Поэтому на первом этапе правительство было больше озабочено внутренним восстановлением и экономической реконструкцией страны. Следовательно, это в некотором смысле означало целенаправленное дистанцирование от международных событий. Внутренняя политика рассматривалась в качестве приоритета, где наиболее актуальным вопросом виделось нацистроительство. Соответственно, Турция отказывалась от ревизионизма и ирредентистских целей на международной арене.

Подобного же мнения придерживается также и Х.Юкселен, который в своей работе указывает, что президент Ататюрк полностью осознавал объективную слабость турецкого государства на тот момент. В связи с этим обстоятельством он был заинтересован в достижении внутренней стабильности, который способствовал бы созданию благоприятных условий для развития республики. Главным образом Ататюрк не хотел отвлекаться на внешние события, поскольку его основной задачей являлась стратегия модернизации турецкого общества и восстановление мощи государства. Поэтому он стремился к мирному сосуществованию со всеми соседними странами и регионами, а также установлению дружественных отношений с главными мировыми игроками, при этом не особо вовлекаясь в международные процессы [12, с. 98].

Тем временем несколько иную точку зрения высказывает Н.Б. Крисс. Согласно ее взглядам, внешняя политика президента Мустафы Кемала помимо отказа от авантюризма предполагала и недопущение международной изоляции республики. Такая установка стимулировала проведение проактивной дипломатии, направленной в том числе на решение наиболее проблемных вопросов в рамках двусторонних связей с другими государствами. В качестве яркой иллюстрации подобного подхода исследователь приводит в пример начавшийся в конце 1920-х годов процесс урегулирования взаимных конфликтов с Грецией. Аналогичным образом Турция предпринимала усилия по налаживанию сотрудничества со всеми крупными европейскими державами. В то же время турецкое правительство тогда всячески пыталось стать членом Лиги Наций, что также демонстрировало его намерение интегрироваться с внешним миром [13, с. 21].

Кроме того, исследования по внешней политике Турции в двадцатые и тридцатые годы прошлого столетия также отражены в работах таких авторов как

О.Куркчуоглу [14], Б.Оран [15], Г.Е.Акташ [16], Б.Дичле [17] и С.Ераслан [18], где проводятся исследования основных факторов и принципов международной стратегии Турции за указанный этап.

Тем временем в книге С.К.Халыса «Turkey's cold war: foreign policy and western alignment in the modern republic» [19] освещаются события во время холодной войны, официально начавшейся во второй половине сороковых годов двадцатого века. В указанном труде развитие внешней политики страны рассматривается в динамике. Прежде всего анализируются действия второго президента республики Исмета Иненю, пришедший к власти после смерти Ататюрка в 1938 году. В данном контексте отмечается, что он полностью продолжил стратегический курс своего предшественника в международных делах. Соответственно, обозначенные еще при прежней администрации приоритеты Турции в этой области оставались неизменными. В дальнейшем автор останавливается непосредственно на ситуации в годы холодной войны. В данном контексте последовательно обсуждаются характеристики и особенности, а также эволюция внешней политики Анкары во время правления А.Мендереса, С.Демиреля, Б.Эджевита, Т.Озала и других руководителей. Отметим, что международная стратегия данных политических лидеров широко охвачена и в исследованиях М.Атаман [20], С.Лачинер [21], Г.Т.Дагчи и К.Диярбакирлиоглу [22], А.Б. Билир [23].

Следует отдельно отметить работы, посвященные изучению внешней политики действующего президентства Турции Реджепа Тайипа Эрдогана. С этой точки зрения особый интерес представляют труды С.Чагаптая. В вышедшей в 2020 году книге «The new sultan: Erdogan and the crisis of modern Turkey» он в хронологическом порядке описывает все этапы становления международной доктрины Партии справедливости и развития. В конце данный эксперт приходит к выводу, что внешняя политика Эрдогана обернулась проблемами для государства. В связи с этим Анкаре необходимо переосмыслить свою амбициозную внешнеполитическую повестку дня, сформированной за последнее десятилетие. Эрдоган стремился превратить Турцию в региональную державу на Ближнем Востоке, которая обладала бы высокой степенью автономности. Однако такая стратегия в конечном счете привела, с одной стороны, к изоляции республики на Ближнем Востоке, с другой стороны, возникновению конфликтов с влиятельными мировыми и региональными центрами, а также с соседними странами [24, с. 25]. Книга С.Чагаптая «A Sultan in autumn: Erdogan faces Turkey's uncontrollable forces» рассматривает основные приоритеты в международной стратегии Эрдогана. В частности, автор исследования высказывает мнение, что турецкий лидер больше ориентируется на регион Ближнего Востока и мусульманский мир в целом. Он пытается восстановить былое могущество государства за счет возвращения влияния над бывшими территориями Османской империи, где подразумевается не только Ближний Восток, но и Балканы [25, с. 109]. В свою очередь в своей другой книге «Erdogan's empire: Turkey and the politics of Middle East» С.Чагаптай отмечает, что Эрдоган с самого начала стремился диверсифицировать внешнюю политику страны. Поэтому он

направил свои усилия на развитие отношений с государствами вне Запада, расценивая данный процесс сквозь призму концепции баланса сил [26, с. 18].

Тем временем турецкий исследователь Х.Явуз анализирует фактор неосманизма в политике Эрдогана. Как считает данный эксперт, для турецкого лидера ислам и османское прошлое являются не только главными элементами идентичности, но и источниками мотивации в его международной стратегии. Ученый указывает на взаимосвязь между процессами исламизации и османизации. Следовательно, неосманизм подразумевает исламизацию внешней политики республики. На этом фоне на сегодняшний день наблюдается тектонический сдвиг в ориентации государства в сторону более консервативной османской традиции. При Эрдогане Турция отворачивается от своих исторических союзников на Западе, что видится одним из главных геополитических перестроек нашего времени. В результате внутренней трансформации в экономической, политической и социальной сферах изменились и внешнеполитические цели Анкары [27, с. 181].

Внешняя политика Турции в эпоху Партии справедливости и развития также изучена такими авторами как Е.Ф.Кейман и С.Гумусчу [28], М.Екши [29], К.Кириши [30], А.Чоскун [31] и С.Демир [32].

Еще одним важным направлением в турецкой историографии представляются исследования о взаимоотношениях между Турцией и конкретными государствами и регионами. В частности, множество работ рассматривает состояние и перспективы двусторонних контактов с Западом. Например, Ф.К.Ата в своем труде делает анализ итогов отношений Анкары и ЕС за период с 1999 по 2016 года. В данном контексте главным образом обсуждается процесс вступления республики в Европейский союз. Одним из главных препятствий на пути интеграции с данным объединением называется нерешенность конфликта вокруг Кипра [33, с. 105]. Тем временем А.Р.Усул объясняет усиление евроскептических настроений в турецком обществе нежеланием европейских партнеров принимать Турцию в ЕС, несмотря на достигнутый во время первых лет правления Эрдогана значительный прогресс в реформах. Рост исламофобии в Европе и критические заявления некоторых западных лидеров против присоединения республики в организацию в существенной степени способствовали чувству разочарования и закономерному снижению интереса к идее о вхождении в ЕС среди турецких граждан [34, с. 176]. Ситуация с турецко-американскими отношениями описывается в работе А.Айдынташбаша, где акцентируется внимание на существующих противоречиях и разногласиях между двумя сторонами. В материале особо выделяется роль НАТО как механизма по улучшению взаимного сотрудничества [35]. Западный вектор во внешней политике Турции дополнительно отражена в трудах А.О.Атмака [36], М.Киначиоглу [37] и С.Ульгена [38].

Турецкая политика по отношению к ближневосточному региону исследована Х.Ишиксалом. Он анализирует изменения внешнеполитических приоритетов Анкары после установления правительства ПСР. Если на предыдущих этапах главными принципами турецкой международной стратегии были вестернизация и статус-кво, теперь при новой администрации центральное

место отводилось к сотрудничеству с Ближним Востоком. С точки зрения Х.Ишиксала экономический подъем республики в двухтысячных годах стал важным предусловием ее активности на данном направлении. Он также характеризует доктрину Эрдогана как неоосманизм, то есть восстановление прежнего статуса страны в прошлом в подконтрольных Османской империи районах. Одним из главных мотивов такой политики выступало желание турецкого руководства обеспечить безопасность страны посредством стабилизации приграничных государств и регионов [39, с. 18-19]. Д.Гюнай указывает на тот факт, что в качестве первостепенного фактора в вопросе сближения с Ближним Востоком выступала общая история. Именно этот аспект расценивался турецким руководством основанием для усиления здесь роли Турции. Кроме того, растущая обоюдная взаимозависимость также подталкивала правительство ПСР более активно участвовать в делах Ближнего Востока [40, с. 199].

Е.Севин в своей книге изучает публичную дипломатию Турции в Центральной Азии. В данной монографии рассматривается история развития отношений республики с данным регионом после распада СССР. В том числе автор подробно остановился на различных организациях, созданных для продвижения сотрудничества между тюркскими государствами. С этой точки зрения внимание уделяется роли ТЮРКСОЙ как инструмента налаживания связей в культурной сфере [41, с. 148]. В свою очередь Б. Балчи определяет различные сложности, возникшие в процессе интеграции Турции с центральноазиатскими республиками. В частности, он отмечает нежелание последних стран приобретать в лице Анкары нового «старшего брата» [42, с. 36]. А.Тутумлу подробно рассказывает об особенностях в подходах Турции по развитию отношений с ЦА на различных этапах истории. [43].

Западная историография. Западные специалисты активно занимаются изучением Турции, в том числе в их фокусе внимания находятся и вопросы внешней политики. Следует отметить глубоко проработанный труд У.Хэйла «Внешняя политика Турции с 1774 года», который детально раскрывает все аспекты исследуемой темы. Анализ проводится на основе периодизации истории, начиная с османского периода и заканчивая сегодняшней ситуацией. При этом в книге отдельно рассматриваются двусторонние отношения Анкары с теми или иными государствами и блоками. Например, одна из глав посвящена турецко-американским связям после окончания Холодной войны. Весьма интересными представляются рассуждения автора о том, что в особенности с 1950-х годов основными факторами, оказывающим воздействие на международную позицию Турции, являлись ее географическое расположение, человеческие ресурсы и экономическое развитие. В силу определенного местонахождения на карте мира республику тесно взаимосвязана с происходящими процессами в юго-восточной Европе, восточном средиземноморье, Закавказье, в северной части Ближнего Востока и Центральной Азии. Таким образом, географическое положение повышает глобальный вес страны. Кроме того, относительно большое население с потенциалом к дальнейшему росту также видится преимуществом Турции. В

экономическом плане Анкара за последнее время вошла в число наиболее крупнейших по уровню ВВП. С точки зрения У.Хэйла все эти моменты позволяют отнести турецкое государство к группе «средних держав» [44, с. 5-7].

Б.Парк в своей книге среди прочего затрагивает роль бывшего турецкого министра иностранных дел А.Давутоглу в формировании новой внешней политики Турции в период правления ПСР. Именно он многими считается «интеллектуальным архитектором» международной стратегии правительства Эрдогана, когда республика стала уделять все большее внимание сближению с окружающими государствами и регионами. Собственно говоря, благодаря А.Давутоглу турецкая внешняя политика по сравнению с прежними этапами стала значительно более проактивной и многосторонней. С его точки зрения республика занимает выгодную геостратегическую позицию, что придает ей статус центрального государства. Такая картина позволяет Турции одновременно маневрировать в нескольких разных регионах, соединяя их друг с другом и в то же время оказывая на них свое влияние. Подобный подход в некотором смысле можно было назвать многовекторной политикой. Согласно доктрине А.Давутоглу, центральность Турции предполагает ее интенсивное участие в вопросах установления мира и стабильности на примыкающих территориях. Тем самым Анкара в новых условиях должна обеспечивать не только собственную, но и безопасность соседних регионов. При этом фактор общего османского прошлого рассматривается как ценный актив в рамках реализации внешнеполитических целей республики [45, с. 107-109].

А.Рабаса и Ф.С.Ларраби обращают внимание на курдский фактор в рамках турецко-американских отношений. Итоги войны в Персидском заливе в начале девяностых годов прошлого века стали поводом для беспокойства среди турецкого истеблишмента. Возникновение де-факто автономного курдского образования на севере Ирака, находящегося под защитой Запада, вызывало недовольство Анкары, поскольку это увеличивало вероятность появления в будущем официально независимого курдского государства на южных рубежах республики. Учитывая собственную проблему с курдским сепаратизмом, такая перспектива представлялась крайне нежелательной для Анкары. Поэтому интервенция коалиционных сил в Ирак в 2003 году привела к серьезной напряженности с Вашингтоном. Турецкие власти изначально выступали против военного вторжения из-за возможности формирования очага нестабильности на границах страны и раскола Ирака. Дальнейшие события после свержения президента С.Хуссейна только укрепили опасения турецкого руководства об усилении рисков безопасности, о чем свидетельствовал резкий рост количества атак со стороны террористической организации Рабочая партия Курдистана. Отказ США от сотрудничества в борьбе с РПК превратился в камень преткновения в двусторонних отношениях. Нормализация контактов случилась лишь в конце 2007 года, когда во время визита премьер-министра Эрдогана администрация Буша согласилась оказать поддержку турецкой стороне в противодействии угрозе терроризма [46, с. 81-82].

Между тем Н.Данфорц обсуждает деятельность Т.Озала, который по сравнению с его предшественниками проводил достаточно энергичную

внешнюю политику. Надо сказать, начало президентства Т.Озала совпало с окончанием Холодной войны. Вместе с распадом СССР завершилось противостояние двух конкурирующих систем в рамках биполярного мирового порядка. Поскольку стратегическая значимость Турции в глазах Запада после второй мировой как раз была связана со сдерживанием Советского государства, теперь же ситуация кардинально менялась. В связи с этим правительство Т.Озала стремилось продемонстрировать США и НАТО геополитическую ценность республики, несмотря на нейтрализацию советской угрозы. Это подтолкнуло Анкару к активизации внешней дипломатии страны в различных регионах, в том числе в только что получивших независимость республиках Центральной Азии и Закавказья [47].

В исследовании М.Киршнер и С.Ж.Фланэгэн утверждается, что Турция остается полностью приверженной к принципам НАТО. Данное объединение является краеугольным камнем в доктрине безопасности республики. Тем не менее, среди определенной части местного населения и элиты, в особенности в националистических кругах растут сомнения в необходимости членства страны в североатлантическом альянсе. Этому способствовали в том числе расхождения в позициях касательно партнерства США и других европейских союзников с курдскими вооруженными формированиями в Сирии. В свою очередь интенсификация военных контактов между Турцией и РФ, вылившаяся в покупку Анкарой российской системы ПВО С-400, вызывает серьезное беспокойство стран НАТО. Но, как считают авторы, вопреки существующим противоречиям для турецких властей значимость участия в коллективном альянсе Запада в конечном счете перевешивает имеющиеся политические разногласия [48, с. 169].

Российская историография представлена работами различных специалистов. В своих работах российские исследователи акцентирует внимание на региональных амбициях турецкого государства. В частности, В.Аватков отмечает тот факт, что в настоящий момент Турция становится неким соединяющим звеном между Западом и Востоком, Севером и Югом. В данном контексте наблюдается изменение внешней политики Турции при правлении Партии справедливости и развития Эрдогана. На нынешнем этапе Анкара пытается вести активную региональную политику, одновременно взаимодействуя с разными игроками. Страна все чаще использует механизм мягкой силы. Здесь можно сказать, что произошла определенная диверсификация международного сотрудничества республики. Кроме того, Турция пытается расвивать связи с другими странами не только в политической, но и в экономической и военной сферах [49].

Тем временем О.Барнашов особо выделяет фактор США во внешней политике Турции. Согласно его утверждению, в начале двадцать первого века в процессе становления Турции региональной державой в ее внешнеполитическую доктрину вернулись идеи неоосманизма. На этом фоне стало очевидным стремление Анкары играть более активную роль на Ближнем Востоке. Это происходило в рамках многовекторной политики республики, что означало отказ от традиционной ориентации на интересы Вашингтона. Действия Турции на

Ближнем Востоке, а также частично в Сирии и Ираке демонстрирует желание Анкары превратиться в самостоятельного актора на международной арене [50].

Р.Алекперов отмечает роль ислама в общественно-политической жизни Турции. Реформы первого президента республики Ататюрка превратили эту страну в светское государство. В конституции от 1937 года закреплялся принцип лаицизма, подразумевавшего отделение религии от государства. При этом использование религии в политических целях официально запрещалось. Тем не менее, ислам продолжал оказывать влияние на внутренние процессы. В свою очередь в результате перехода Турции на многопартийную после второй мировой войны религиозные движения через собственные партии начали активно участвовать в государственной политике. Усиление происламских движений вынудило военных совершить переворот в 1980 году. Однако, как считает данный исследователь, полностью вытеснить ислам из политической жизни страны было невозможно. В 1996 году Партия благоденствия Н.Эрбакана вошла в коалицию с Партией верного пути, вследствие чего они образовали правительство. Главой кабинета министров тогда стал именно лидер ПБ, что стало важным событием в политической жизни государства [51].

М.Колесникова исследует внешнюю политику Турции по отношению к африканскому континенту. С этой точки зрения эксперт указывает на исторический фактор длительного османского присутствия в данном регионе, что служит весомым аргументом для активной деятельности Анкары здесь. С конца двадцатого столетия республика реализует стратегию расширения связей с африканскими странами. Причем в этом деле ей помогают местные элиты. Экономические успехи Турции в отношениях с этими государствами выглядят впечатляющими, что проявляется в значительном росте турецкого экспорта товаров и технологий [52].

В свою очередь И.Саатов подробно анализирует внешнеполитические принципы Н.Эрбакана, который в 1996 году на непродолжительное время стал премьер-министром Турции. Здесь прежде всего отмечается тот факт, что Н.Эрбакан отрицательно относился к идее интеграции с ЕС. В целом он выступал за тесное сближение с мусульманским миром. Его позиция в итоге подтолкнуло военных вмешаться в политику, в результате чего Н.Эрбакан был смещен с поста главы правительства, а его оказалась под запретом по решению конституционного суда [53].

Казахстанская историография. Прежде всего надо отметить, в Казахстане за годы независимости стремительное развитие получило направление по исследованию восточных стран. К сегодняшнему дню существует множество работ казахстанских специалистов в этой сфере. Труды ученых востоковедов и международных способствовали пониманию внутренней и внешней политики восточных государств. При этом они сформировали собственный казахстанский взгляд в рамках данного вопроса. Но в то же время за прошедшие годы должного внимания не уделялось к изучению Турции. В связи с этим в казахстанской экспертной среде актуальным является проблема нехватки производства качественных аналитических работ по турецкой тематике. Такого рода пробел прежде всего затрудняет выработку собственного видения ситуации. В этом

случае анализ и прогнозирование внешней политики Турции во многом осуществляется на основе выводов зарубежных авторов, которые часто могут быть идеологически мотивированными в их оценках.

Среди различных работ казахстанских авторов следует отметить труд Л.Абжапаровой, посвященной изучению казахстанско-турецких отношений. В данной диссертации автор анализирует историю дипломатических связей между двумя государствами. В частности, отмечается фактор культурных контактов, что способствует сближению обществ на индивидуальном уровне. Таким образом, в данной работе рассмотрены факторы и механизмы, а также изучение влияния народной дипломатии на динамику международной дипломатии и межгосударственного сотрудничества, где в качестве примера приводятся казахстанско-турецкие отношения [54].

Также следует отметить диссертацию М.Иембековой, посвященной исследованию казахстанско-турецких отношений в 90-х годов двадцатого столетия. В работе анализируются принципы и особенности развития двусторонних связей. Основной упор делается на фактор принадлежности обоих государств к тюркской цивилизации, что является важной основой для расширения сотрудничества [55].

В свою очередь С.Акимбеков утверждает, что на сегодняшний день отношения Турции Европейского союза являются достаточно сложными. В Брюсселе не скрывают критического отношения к политике нынешнего руководства Анкары. Но все равно они тесно связаны с друг другом, и в некотором смысле даже взаимозависимы. Например, от Анкары зависит развитие ситуации с потоками беженцев в ЕС. Как отмечает ученый, в конечном счете реальная политика и ее интересы все равно возобладают [56].

Ф.Кукеева и К.Байзакова исследовали фактор казахско-турецких лицеев в рамках сотрудничества между Турцией и Казахстаном. В данном контексте авторы отмечают роль этих школ в продвижении двусторонних связей на первом этапе независимости. Однако, когда в Турции правительство Эрдогана решило закрыть связанные с Ф.Гюленом учреждения, казахстанская сеть лицеев также оказалась в фокусе внимания. Тем не менее, в конце концов стороны нашли определенный компромисс [57].

Е.Чукубаев провел анализ публичной дипломатии Турции по отношению к Казахстану на современном этапе истории. Он выделяет различные организации, которые способствовали укреплению контактов между двумя государствами. В частности, созданная в начале 1990-х годов организация ТИКА оказала положительно влияние на расширение экономических и торговых связей [58].

Е.Пастухов проводит анализ роли Турции на Ближнем Востоке. Касательно сирийского кризиса указывается на тот факт, что изначально турецкие власти выступали за свержение режима Б.Асада. Однако в дальнейшем по прагматическим соображениям турецкое руководство изменило свою позицию. Здесь важным стало обретение сирийскими курдами фактической автономии, что угрожает национальной безопасности республики [59].

А.Смаилова в своем исследовании акцентирует внимание на деятельности такой организации как ИСЕСКО, активным участником которой является

Турция. В данном контексте эксперт изучает механизм совместного реагирования на гуманитарные кризисы [60].

Тем временем А.Амребаев в своем аналитическом материале подробно останавливается на институционализации сотрудничества тюркских государств. Как считает автор, фактором организационного объединения тюркских государств, с одной стороны, стал распад Советского союза, с другой стороны, само историческое культурное стремление тюркских стран к объединению, что вызвано глубокими культурными основаниями [61].

Практическая значимость исследования состоит в том, что представленные в диссертации выводы и результаты могут быть применены при подготовке последующих исследований по вопросам внешней политики Турции. Материалы работы могут представлять интерес для внешнеполитических структур РК при разработке национальной стратегии в сфере двусторонних отношений с Турцией, а также специалистов в области международных отношений, политологов и историков, преподавателей и студентов профильных факультетов высших учебных заведений.

Диссертация может быть использована экспертами исследовательских центров для составления аналитических материалов, касающихся вопросов внешней политики Турции, и может послужить основой при подготовке учебников по соответствующим дисциплинам.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту положения.

1. При анализе заданной в диссертации проблематики следует опираться на основные теории как геополитика, баланс сил, секьюритизация, которые раскрывают особенности формирования и реализации внешнеполитических концепций Турецкой Республики, определяемых ее геополитическим расположением на стыке Европы и Азии. Эти характеристики сохраняют свою актуальность при исследовании любого этапа республиканского периода истории Турции. Данный подход позволяет выработать методологию исследования внешней политики государств со схожими турецкими параметрами, что означает ее повторяемость (методология).

2. Анализ развития внешнеполитических концепций турецкого государства начиная с Ататюрка выявил основной курс на модернизацию и вестернизацию, что означало стремление интегрироваться в западное сообщество. Этот вектор в той или иной степени был поддержан последующими правящими элитами. Однако президент Эрдоган отошел от данного направления, что может изменить внешнеполитическую стратегию Турции.

3. Базовой идеологией/концепцией внешней политики Эрдогана является неоосманизм, характеристика которого носит дискуссионный характер от определения его как неоимперского проекта до инструмента естественного расширения влияния Турции на региональном и глобальном уровне. Автор диссертации считает, что неоосманизм Эрдогана следует рассматривать как стремление достичь статуса ведущей региональной державы, при этом сохраняя взаимодействие с Западом.

4. В меняющейся геополитической реальности стратегическое партнерство с Турцией открывает для Казахстана перспективы, что означает новые возможности сотрудничества в геополитическом, экономическом и культурно-цивилизационном плане. В геополитическом отношении это подразумевает усиление турецкого вектора, в экономическом – диверсификация торговых связей и транспортных маршрутов, в культурно-цивилизационном – укрепление тюркского единства.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения выводы диссертации изложены в 4 статьях, опубликованных в отечественных и зарубежных изданиях, из них 3 статьи – из списка, рекомендованного Комитетом по контролю в сфере образования и науки МОН РК, 1 в зарубежных журналах, входящих в базу данных СКОПУС, апробированы на научном семинаре диссертационного совета, обсуждены на заседании кафедры международных отношений и мировой экономики КазНУ им. аль-Фараби. Многие положения диссертации нашли свое отражение в выступлениях на научно-практических конференциях и круглых столах, а также в различных отечественных печатных и интернет изданиях.

Структура диссертационной работы обусловлена логикой достижения поставленной цели и задач исследования и состоит из введения, трех разделов, заключения и списка использованных источников.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

С точки зрения решения поставленных в рамках докторской диссертации задач и целей автором были рассмотрены соответствующие научные теории и подходы, которые способствовали более точному пониманию процессов во внешней политике Турецкой республики в изучаемый период. Прежде всего, обращение к основополагающим концепциям международных отношений дает возможность оценить стратегию официальной Анкары сквозь призму сформированных и широко применяемых моделей. Следовательно, в зависимости от степени корреляции между теоретическими исследованиями и реальной динамикой можно попытаться выявить главные мотивы и принципы внешнего развития турецкого государства. В свою очередь использование различных методов анализа выступает еще одним важным инструментом в достижении качественного результата касательно всестороннего раскрытия темы работы. Таким образом, в первой части указанной главы автором будет проведен обзор ряда классических теорий. В следующем подразделе эти концепции применяются в контексте интерпретации внешней политики турецкого государства. В последнем параграфе описываются использованные автором ключевые методы исследования.

1.1 Основные теоретические подходы в изучении внешней политики государства: геополитика, неореализм, баланс сил, взаимозависимость, секьюритизация

Геополитика. На сегодняшний день слово «геополитика» воспринимается в качестве одного из наиболее содержательных понятий, характеризующих современное состояние международных отношений. Действительно, данная концепция довольно широко употребляется научным сообществом и политическим истеблишментом в рамках обсуждения внешней политики государств. Подобное утверждение в значительной степени относится также к Турции, которая выступает центральным объектом настоящего исследования. Собственно говоря, на протяжении всего периода существования республиканской Турции геополитический фактор во многих случаях оказывал серьезное влияние на траекторию движения страны. Местным властям достаточно часто приходилось подстраиваться под постоянно меняющуюся окружающую среду, что во многом предопределило развитие здесь тех или иных социально-политических тенденций. Ввиду указанного обстоятельства изучение вопроса геополитики становится особенно актуальным в рамках темы диссертации.

В целом термин геополитика впервые была введена в обращение шведским ученым Рудольфом Челленом в 1899 году. Если коротко сформулировать его основную теоретическую мысль, то в формировании потенциала государства первостепенную роль играют территория и ресурсы. Именно от географического расположения в первую очередь зависит могущество страны [62, с. 24]. Правда, важно подчеркнуть, хотя он первым и представил специальное обозначение применительно к взаимосвязи между географией и политикой, тем не менее, идея

Челлена не была своего рода инновационной и уникальной. Предложенная им концепция главным образом базировалась на работах известного немецкого профессора Фридриха Ратцеля.

Последний выдвигал тезис о том, что государство должно рассматриваться в качестве некоего суперорганизма, перманентно находящегося в условиях неопределенности и борьбы с другими подобными конкурентами. На его взгляд государство является геополитической силой, которая формируется прежде всего под воздействием окружающей среды. При этом государства обязаны всегда стремиться к территориальному расширению в целях обеспечения собственного «жизненного пространства». Как считал Ратцель, именно приобретение новых территорий и ресурсов лежит в основе развития и выживания любой страны. Здесь стоит обратить внимание на тот факт, что он был активным сторонником дальнейшего усиления Германской империи. Поэтому концепцию Ратцеля в некотором смысле следует рассматривать в качестве теоретического обоснования для территориального продвижения второго рейха [62, с. 28-29]. Другим ярким представителем немецкой геополитической школы является Карл Хаусхофер, который также как его предшественник поддерживал необходимость экспансионизма для процветания государства.

В вопросе изучения геополитики огромный вклад внес известный британский эксперт Хэлфорд Маккиндер, который в свое время предложил знаменитую идею так называемого Хартленда. В 1904 году он написал статью «Географическая ось истории», где утверждал о вхождении мира в совершенно иную эпоху. Согласно его концепции, в новых обстоятельствах доминирование морских держав, таких как Британия, закончится. Соответственно, на первые роли будут выходить континентальные государства, в частности Германия и Россия. Катализатором данного процесса представлялось развитие железной дороги, что позволяет сухопутным державам решить традиционную проблему освоения обширных наземных территорий.

Отметим, под Хартлендом подразумевалась большая площадь евразийского пространства, находящаяся в северо-восточной части материка, и обладающая значительным ресурсным и демографическим потенциалом. В соответствии с концепцией Маккиндера, владеющая указанным регионом страна способна стать гегемоном всего мира [62, с. 123]. Между прочим, контроль над Хартлендом возможен только через господство в Восточной Европе, которая является важнейшим плацдармом для доступа к географической оси истории. Иначе говоря, кто управляет восточноевропейскими землями, тот контролирует и Хартленд [63, с. 108].

Еще одним классиком геополитической школы считается американский адмирал и историк Альфред Мэхэн. В контексте глобальной конкуренции между крупными державами Мэхэн выступал за активное распространение сферы влияния Соединенных Штатов Америки, в том числе за счет приобретения дополнительных территорий. С его точки зрения реализацию данной задачи может обеспечить наличие военно-морской мощи. Именно боеспособный флот выступает самым важным фактором, определяющим геополитическую силу

государства. Если американское правительство хочет укрепить свои позиции в Атлантическом и Тихом океанах, а также сдерживать соперников, необходимо иметь хорошо подготовленный ВМФ. При этом Мэхэн называл морские амбиции Германии и России основными угрозами для США [62, с.27].

Характерно, что высокий интерес к геополитике внутри научного сообщества возник на стыке девятнадцатого и двадцатого веков. Вышеперечисленные фундаментальные исследования Маккиндера, Мэхэна, Челлена и Ратцеля как раз относятся к данному периоду. Подобный факт обусловлен объективными причинами. Прежде всего, это связано с установившейся на тот момент политической обстановкой на международной арене. Напомним, тогда шла довольно жесткая борьба между ведущими колониальными державами, такими как Великобритания, Германия, Франция, Россия и США, за приобретение новых территорий и ресурсов. На этом фоне начался поиск теоретического обоснования экспансионизма, что в конце концов и подстегнуло развитие геополитики в качестве отдельной дисциплины.

Кроме того, в этом деле важную роль сыграл рост университетского образования на европейском континенте в тот временной отрезок. Поскольку ядром геополитического учения считается география, открытие географических факультетов в стенах высших учебных заведений также способствовало становлению геополитики как научного предмета.

С окончанием второй мировой войны значение геополитики среди специалистов несколько снизилось. Не в последнюю очередь это объясняется с наблюдавшимися тенденциями внутри гитлеровской Германии, где государственная машина использовала данную концепцию для оправдания собственной экспансионистской стратегии. Поэтому геополитика в некотором смысле стала ассоциироваться с Третьим рейхом. Однако в результате усиления напряженности во время Холодной войны, когда соперничество между двумя противоборствующими капиталистическими и социалистическим лагерями находилось в самом разгаре, дисциплина вновь оказалась в фокусе внимания западных исследователей. Здесь стоит обратиться к идеям американского профессора Колина Грея. Отталкиваясь от концепции Маккиндера, он попытался проецировать его теорию на советско-американское противостояние второй половины прошлого века.

Продолжая мысль классических представителей геополитики Грей соглашался с тем, что география воздействует на стратегическую культуру, то есть территориальное расположение того или иного государства формирует вектор внешней стратегии страны. В соответствии с идеями Маккиндера он ставил особый акцент на конкуренции между континентальными и морскими державами, где подобные роли отводились к СССР и США соответственно. При этом различия в стратегических культурах главным образом вызваны именно географическим аспектом. В частности, территориальная изолированность Америки обеспечивает стране определенную внешнюю безопасность. В то же время противоположная картина складывалась в СССР, где проблема безопасности, наоборот, виделась наиболее актуальной. Это прежде всего связано с континентальным статусом Советского союза. Поэтому Грей считал,

что находящиеся в Хартленде государства всегда будут стремиться к расширению своих территориальных владений, прежде всего имея в виду Россию. В качестве данного аргумента он указывал на Восточную Европу, которая в эпоху Холодной войны оказалась под внешним контролем советской империи [63, с. 108].

Кроме того, Грей отмечал корреляцию стратегической культуры с формой правления в стране, когда география практически предопределяет особенности политической системы. Безопасное положение США создало предпосылку для установления свободного режима, тогда как в СССР ситуация диктовала внедрение более жесткого централизованного строя.

Говоря о глобальных целях американского правительства, Грей призывал активнее вовлекаться в европейские дела, выступая против политической изоляции страны. Как и в случае с Альфредом Мэхэном касательно военной стратегии он выделял необходимость наличия у Вашингтона самой мощной морской силы в мире [63, с. 112].

Неореализм. В процессе анализа внешней политики государства часто можно обнаружить принцип политического реализма или так называемого Realpolitik (реалполитик). В общем смысле последнее понятие означает проведение руководством страны реального/реалистического курса в той или иной ситуации. Важно отметить, реализм считается одной из самых старых теорий международных отношений. Но, как и в случае с другими классическими концепциями здесь со временем появилось новое ответвление в виде структурного реализма, который по-другому еще называется неореализмом. В рамках данной диссертации автор использовал именно последний подход для интерпретации практических шагов турецкого государства.

Приверженцы классического реализма такие как американский политолог Ганс Моргентау рассматривают человеческую природу в качестве движущей силы в стремлении государств к расширению своего влияния и могущества. Именно индивидуальный фактор лежит в основе международной политики [64, с. 77]. В свою очередь структурные реалисты ссылаются на архитектуру международной системы, которая и стимулирует государства к умножению своих возможностей.

С точки зрения неореализма международным отношениям характерны абсолютное доминирование интересов безопасности, приверженность государств к самосохранению и отказу от сотрудничества. В условиях отсутствия некоего мирового правительства, который устанавливал бы общие для всех акторов правила и нормы поведения, а также при необходимости с помощью применения силы обеспечивал бы их соблюдение, государства обречены постоянно жить в состоянии незащищенности, связанных с намерениями окружающих соседей. Поэтому страны всегда должны быть готовыми к наихудшему варианту развития ситуации, в частности вовлечению в военные конфликты [65, с. 37].

Основоположником школы неореализма является американский политолог Кеннет Уолтц. Вышедшая в 1979 году его книга «Теория международных отношений» до сих пор остается главным научным ориентиром для

исследователей указанного течения. Собственно говоря, концепция Уолтца вытекает из традиционного классического реализма Ганса Моргентау. Главное отличие между двумя направлениями состоит в том, что реалисты объясняют причины происхождения войны исключительно человеческой натурой, тогда как неореалисты категорически отвергают данный постулат. Уолтц, вступая в заочный спор с основными тезисами Моргентау, указывает, что «хотя человеческая природа без сомнения играет роль в развязывании войны, она сама по себе не может объяснить и войну, и мир, кроме как простым утверждением, что природа человека такая, что иногда он воюет, а иногда не воюет» [65, с. 37].

Традиционные реалисты преподносят свое учение как теорию внешней политики. Тем временем Уолтц ориентировался на разработку теории международных отношений. Поэтому фокусом исследования неореализма выступает международная система, в частности поведение государств на фоне ее структуры. Поэтому концепция иногда еще называется структурным реализмом.

Зарождение неореализма исторически связано с конфликтом между условными Западом и Востоком. Когда в 1970-х годах в период Холодной войны начался процесс сближения и потепления отношений двух противоборствующих центров теория реализма в некотором смысле потеряла свою актуальность касательно международной политики, поскольку уже не была в состоянии адекватно объяснить развивавшуюся тенденцию в мире [65, с. 38]. Таким образом, подобное обстоятельство потребовало формирования новой модели. В соответствии с этой задачей и возникла концепция Уолтца, которая относилась к событиям на международной арене совершенно иначе по сравнению с классическим реализмом. В рамках усиливающегося сотрудничества США и СССР именно неореалистический подход виделся более релевантным для трактовки таких изменений.

Хотя с завершением биполярного порядка казалось, что неореализм теперь сам оказался в кризисе, тем не менее, возобновление глобальной напряженности в результате терактов 11 сентября 2001 года, а также развернувшиеся в начале нового тысячелетия военные действия в Афганистане и Ираке вновь сделали концепцию Уолтца привлекательной. На современном этапе многочисленные конфликты в разных регионах мира, напрямую затрагивающие вопросы национальной безопасности, делают такие теории как неореализм, где именно государства воспринимаются в качестве главных акторов международной системы, весьма востребованными в среднесрочной перспективе.

Если более подробно остановиться на основных аспектах теории Уолтца, международная система состоит из двух базовых элементов. Во-первых, это так называемые акторы или единицы системы, в роли которых выступают государства. Во-вторых, это собственно говоря сама структура международной системы. При этом указанные компоненты следует рассматривать строго по отдельности. Здесь важно подчеркнуть, что все единицы расцениваются как полностью идентичные друг другу, даже несмотря на заметные несхожести внутреннего характера. Тем самым отрицаются все культурные различия, в том числе игнорируется факт неоднородности государств в плане политической формы правления. Либеральные, авторитарные, монархические и иные режимы

воспринимаются одинаково с неореалистической перспективы [65, с. 40]. Более того, совершенно никакого значения не имеет, кто лично ответственен за проведение внешней политики страны [64, с. 78].

По сути, неореалистическое учение основывается на трех ключевых принципах: наиболее важным приоритетом для любого государства является выживание, что соотносится с сохранением политической и территориальной целостности; в реализации собственных стратегических задач государства в целом действуют рационально; акторы несопоставимы относительно их потенциала, то есть страны обладают разными уровнями могущества. Примечательно, что с точки зрения неореалистов структура международной системы складывается самостоятельно без воздействия со стороны единиц. Более того, именно структура оказывает влияние на траекторию движения государств. Подобный механизм функционирует следующим образом. В силу сложившейся в рамках структуры анархической среды акторы вынуждены прилагать максимальные усилия по обеспечению собственной безопасности. Однако это возможно только в случае установления баланса сил внутри системы международных отношений, когда риски поражения в войне являются сдерживающим фактором для агрессивно настроенных игроков.

Уолтц отмечает тот факт, что действия акторов изначально не предопределены. Хотя государства и подстраиваются под структуру, тем не менее, они свободны в принятии решений. Поэтому иногда они могут поступать вполне иррационально. Но как правило под давлением международной системы акторы традиционно склонны делать шаги в соответствии с балансом сил. «Для страны, которая хочет выжить и действует рационально крайне важной целью является постоянно сопоставлять свои возможности с другими игроками, а также определить свою позицию внутри международной системы. Государство может компенсировать перераспределение сил в пользу другого государства благодаря усилению собственной военной мощи или созданию альянсов» [65, с. 43]. С точки зрения Уолтца биполярный порядок видится наиболее подходящим вариантом международной структуры в плане установления прочного баланса. Он ссылается на историю Холодной войны, когда двум мировым центрам удалось избежать прямого крупномасштабного столкновения.

В свою очередь многополярность делает уязвимым участников системы, поскольку акторы чувствуют угрозу от большого количества государств. Одновременно альянсы становятся неустойчивыми, так как страны сталкиваются с огромным выбором по выстраиванию сотрудничества. Поэтому союзы могут быстро и часто распадаться. В конечном счете увеличивается вероятность вооруженных конфликтов между единицами. Опасность также исходит и от однополярной конструкции, когда государство-гегемон представляет ощутимую угрозу другим акторам. В качестве ответной реакции остальные игроки будут стремиться к некоему объединению против единственно доминирующей силы, что опять же усиливает риски войны [65, с. 43-44]. В общем смысле неореалисты придерживаются крайне пессимистических взглядов относительно развития международных отношений. Главным образом обусловленное международной системой давление вынуждает государства

сосредоточивать ресурсы для обеспечения собственной безопасности, что значительно затрудняет мирное сосуществование стран.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что неореализм в определенной степени пересекается с теорией баланса сил. После выхода книги Уолтца разные исследователи с упором на этот аспект предложили свое видение ситуации. Так, согласно мнению американского политолога Рэндалла Швеллера, в некоторых обстоятельствах слабые акторы стараются создать альянсы с более сильными игроками, особенно если первые получают конкретные дивиденды от углубленного партнерства, что соотносится с концепцией *bandwagoning* (примыкание). Между тем как полагает Стивен Уолт, формирование странами различных коалиций направлено не на самого сильного игрока, а против представляющего наибольшую опасность страны [65, с. 45].

Впоследствии теория Уолтца по мере появления все новых исследований стала трактоваться некоторыми специалистами в качестве так называемого защитного неореализма. Тем временем известный американский ученый Джон Миршаймер разработал концепцию наступательного неореализма. В своих работах Уолтц отмечает, что тому или иному актору нецелесообразно обладать непропорционально огромной силой в международных отношениях, так как в итоге это приведет к негативным результатам для самого гегемона ввиду ответной реакции системы. Между прочим, Миршаймер придерживается противоположного мнения. Стремление государств к достижению максимального могущества при благоприятных условиях стратегически вполне оправданно. Данный аргумент объясняется тем, что подавляющее доминирование видится лучшим способом защиты от внешних рисков [64, с. 78]. Чем могущественнее государство сравнительно с конкурентами, тем больше шансов не подвергнуться военной атаке. Ни один игрок не может допустить перераспределения силы в пользу оппонентов. Поэтому такая ситуация провоцирует постоянное соперничество за усиление своего могущества за счет других.

Кроме того, проблема дополнительно усложняется из-за незнания акторами об истинных намерениях остальных государств, что в некотором смысле приводит к кризису недоверия. В связи с этим структура международной системы подталкивает крупные державы к отказу от статус-кво и действовать с позиции ревизионизма. С этой точки зрения весьма уместным представляется обсуждение понятия дилеммы безопасности, впервые предложенного Джоном Херцем в 1950-х годах прошлого века. Смысл указанного принципа заключается в том, что каждое государство в результате увеличения собственной военно-политической и экономической мощи параллельно снижает потенциал конкурирующих сил. Последние воспринимают подобное развитие как риск для их выживания. Естественно, в данном случае другие единицы обязаны реагировать на усиление противника посредством наращивания собственных возможностей [64, с. 81]. Таким образом, создается некий замкнутый круг, характеризующийся бесконечным противостоянием государств. При этом образование альянсов не является гарантией безопасности. В критических обстоятельствах страны прежде всего руководствуются собственными

национальными интересами. Следовательно, способности альянса в области коллективной защиты резко сокращаются.

Если коротко суммировать все вышеизложенное, сторонники наступательного реализма связывают предрасположенность государств к доминированию над остальными игроками с задачей собственного выживания в анархической среде. Такое положение дел служит источником сохраняющейся напряженности в международных отношениях. Например, подобный тренд проявляется в непрерывной гонке вооружений. Приверженцы же защитного реализма негативно относятся к возникновению единоличного господства какого-либо актора. При подобном раскладе другие участники системы выбирают стратегию совместного сдерживания чрезвычайно сильного игрока. В конце концов это может привести к перенапряжению гегемона.

Баланс сил. В процессе написания данного исследования автор рассматривал внешнюю политику Турции в том числе сквозь призму теории баланса сил. Надо сказать, как и в межвоенный период, так и во времена Холодной войны, Анкара во многом действовала как раз с учетом этого аспекта. Поэтому вполне логичным видится более подробно остановиться на этой концепции. Выше в тексте уже упоминалась об относительной совместимости баланса сил и неореализма. Следовательно, здесь прослеживается определенная параллель в тезисах.

Собственно говоря, политика балансирования активно эксплуатировалась еще древними государствами как определенный механизм сосуществования. Однако концептуализация данного принципа произошла намного позже. Попытку системного изучения этого вопроса первым предпринял немецкий писатель Фридрих фон Генц. Он формировал свои мысли на основе сложившейся в начале девятнадцатого века ситуации на европейском континенте, когда после разрушения Вестфальской системы в регионе установилось французское доминирование в эпоху наполеоновских завоеваний. Причем лично Генц отрицательно воспринимал новый порядок, что и побудило его изложить собственное видение той конъюнктуры.

Если обратиться к основным тезисам Генца, все страны имеют равное право на существование. В то же время государства обладают разным потенциалом. Поэтому в международной системе могут присутствовать как крупные державы, так и сравнительно маленькие акторы, которые способны достаточно конструктивно взаимодействовать между собой ради общих интересов. Образуется пространство для всестороннего сотрудничества, которую Генц условно называет сообществом или конфедерацией. Причем надлежащее функционирование такого формата отношений требует наличия нескольких равносильных держав, вследствие чего нельзя допускать чрезмерного усиления того или иного центра. В противном случае нарушится баланс сил [63, с. 30-31]. Как раз это и произошло в Европе на фоне возвышения наполеоновской Франции.

С точки зрения Генца государства могут поступать не только рационально, но временами совершают и иррациональные шаги. В первом случае они руководствуются стремлением обеспечить свою защиту, тем самым принимают

правильные меры. Тем не менее, иногда задача выживания отходит на второй план, создавая риск подвергнуться нападению внешних сил, или же актор намеревается расширить свое влияние и стать гегемоном, что в свою очередь представляет угрозу остальным игрокам. В результате резко увеличивается вероятность войны [63, с. 31-32]. Таким образом, в соответствии с рациональным мышлением наивысшей целью любой страны должно быть сохранение независимости и суверенитета. Нарращивание же своего могущества имеет второстепенное значение, и лишь является инструментом достижения безопасности. Устойчивый баланс предполагает хотя бы минимальный консенсус среди крупных держав.

Между прочим, понятие баланса сил по-разному трактуется экспертами. С одной стороны, некоторые воспринимают данную концепцию сквозь призму распределения власти внутри международной системы. Вместе с тем последний процесс не обязательно подразумевает равномерного разделения влияния. При определенных обстоятельствах допускается доминирование одной страны или же блока, что также может расцениваться в качестве некоего баланса. С другой стороны, часть исследователей наоборот понимают суть термина как раз в установлении полного равновесия между двумя или более игроками мировой политики, что коррелирует с вышеописанными суждениями Генца.

Третья же группа ученых приравнивает баланс сил к гегемонии. Иначе говоря, все государства так или иначе хотят занять лидирующее положение в структуре международных отношений. Согласно известному американскому политологу Николасу Спикмэну, страны заинтересованы только в балансе, который в их пользу. Реальная безопасность невозможна, когда имеется равносильный соперник [66, с. 481-483]. Поэтому каждая держава в своей стратегии ориентируется на достижение позиции гегемона. Лишь превосходство над конкурентами может гарантировать защиту от внешних угроз.

Тем временем ряд специалистов рассматривают теорию баланса сил в контексте реалполитик [66, с. 484]. Здесь главная идея сводится к тому, что задача выживания актора в сложных международных условиях требует применение силы. Поэтому государства всегда борются за власть в рамках общей системы. Именно этот принцип закладывается в основу реализации баланса сил.

Либерализм. С завершением второй мировой войны в Европе и во многих других регионах земного шара начался новый этап демократизации обществ. Данный процесс в той или иной степени развивался также и в Турции. Здесь местные власти стали постепенно проводить либеральные реформы, в том числе и в политической сфере. В результате подобных преобразований произошла определенная корректировка внешней стратегии государства. На этом фоне целесообразным видится анализ теории либерализма.

В целом концепция либерализма в международных отношениях тесно соотносится с появлением современных либеральных государств. Еще в семнадцатом веке известный английский философ Джон Локк рассматривал важным фактором прогресса гражданское общество и капиталистическую экономику, которые способны процветать только в государствах с индивидуальной свободой [67, с. 100]. Обусловленная научной революцией

модернизация создает благоприятные условия для качественного улучшения жизни социума во всех областях. Именно человеческий прогресс лежит в основе либеральной теории.

Твердо веря в человеческий разум и рациональность, либералы в некотором смысле переносят указанное мировоззрение в плоскость международных отношений. Так как индивиды разделяют общие интересы, они готовы идти на сотрудничество, как в внутригосударственных вопросах, так и на глобальной арене. В общем смысле рациональное поведение граждан позитивным образом отражается на международных делах. Во многом поэтому в либеральной идеологии центральное место отводится не к государству, а прежде всего к индивидам и их благополучию. Ключевая роль конституционных правительств заключается в обеспечении верховенства закона и соблюдении всех прав граждан. В свою очередь индивиды в качестве главных акторов системы определяют состояние межгосударственных контактов посредством демократических институтов.

Многие известные представители либерального течения такие как Кант, Кобден, Руссо, Шумпетер и Дойл придерживаются точки зрения, что войны развязываются милитаристскими и недемократическими правительствами. Военная каста затевает вооруженные действия в целях расширения собственной власти посредством территориальной экспансии [68, с. 58]. Как считает Шумпетер, война является результатом агрессивных инстинктов непредставительных элит. Другими словами, в ситуации отсутствия влияния электората на решения властей, в недемократических обществах правительствам легче инициировать войны. Между тем как полагает Кант, формирование республиканских по форме стран, где правители подотчетны населению и индивидуальные права полностью соблюдаются, в конечном счете приведет к установлению мира в международных отношениях, поскольку мнение граждан будет критическим по поводу войны. В обоих этих случаях главная идея ученых сводится к тому, что вооруженные конфликты всегда становятся решением правящего меньшинства.

С подобным утверждением соглашается и известный американский ученый современности Майкл Дойл. При этом он добавляет, что мирное сосуществование либеральных государств является прямым следствием разделяемых ими общих политических ценностей, которые базируются на демократических принципах и институтах. В то же время Дойл особо подчеркивает, что последний факт не означает, что демократии совсем не склонны вступать в войну. Они всегда проявляют готовность воевать главным образом с авторитарными государствами [68, с. 60].

Теперь обратимся к различным интерпретациям либерализма внутри научного сообщества. К настоящему моменту сформировалось множество подходов в изучении данной теории.

В социологическом либерализме движущей силой мировой политики считаются так называемые транснациональные отношения, подразумевающие связи между людьми, группами и организациями из разных стран. В данном контексте один из ведущих либералов девятнадцатого века Ричард Кобден

высказывал мнение, что «чем меньше общения между государствами, тем больше взаимодействия между нациями мира», где под нацией он имел в виду как раз общество и их членов. В свою очередь известный американский социолог Карл Дойч, в 1950-х годах активно занимавшийся исследованием темы транснациональных отношений, пришел к выводу, что высокий уровень транснациональных контактов между социумами являются залогом мирного сосуществования стран и недопущения войны. В результате образуется некая зона безопасности, где группа индивидов взаимно интегрируются. Это позволяет решать конфликты и проблемы мирным путем без применения физической силы. Примером подобного механизма сотрудничества может выступать североатлантический регион [67, с. 103].

С точки зрения сторонников социологического либерализма контакты между транснациональными акторами в силу их взаимозависимости более устойчивые, тогда как интересы государств могут часто вступать в противоречие. Разумеется, в последнем случае риски конфронтации значительно возрастают. Соответственно, большое количество транснациональных сетей способствуют укреплению сотрудничества и мира в рамках международной системы.

Тем временем взаимозависимый либерализм предполагает, что модернизация усиливает степень и масштабы взаимозависимости государств. На протяжении всей истории территориальная экспансия рассматривалась странами как главный источник распространения собственной сферы влияния, где инструментом реализации подобной стратегии виделась армия. Однако со второй половины двадцатого столетия, когда во многих регионах начался интенсивный процесс индустриализации, наиболее приоритетным средством достижения стратегической задачи оказались экономика и торговля [67, с. 106]. С одной стороны, в современном мире применение военной силы чревато со значительными издержками для государства. С другой стороны, по сравнению с прошлыми периодами в сегодняшних условиях оккупация новых земель с их ресурсами не выглядит привлекательным, поскольку на первый план выходят совершенно другие экономические аспекты, в частности квалифицированная рабочая сила, финансовый рынок и т.д.

Американские политологи Роберт Кохейн и Джозеф Най в своем совместном анализе выдвинули тезис о комплексной взаимозависимости. Сложившаяся в послевоенный период обстановка привела к кардинальной трансформации международных отношений. Раньше критические решения, относящиеся к межгосударственным делам, во многом принимались лидерами стран. Теперь же в этот процесс вовлекаются другие акторы, в том числе и транснационального характера. Несвязанные с государством индивиды и различные группы обладают значительным весом в данном вопросе [67, с. 107]. В новой ситуации правительства не могут не учитывать мнение транснациональных игроков. Соответственно, внешняя политика в некотором смысле становится продолжением внутренней политики. Важно подчеркнуть, что Кохейн и Най в качестве иллюстрации подобной конструкции указывали на современный демократический западный мир.

В целом комплексная взаимозависимость предполагает усиление роли различных транснациональных акторов параллельно снижению значимости военной силы. В итоге вместо проблемы безопасности приоритетом государства становится экономическое процветание, что благоприятствует укреплению сотрудничества на глобальной арене.

Тем временем институциональный либерализм выделяет особую роль международных институтов в урегулировании конфликтов. Согласно данной концепции, разного рода организаций существенно способствуют налаживанию доверительных связей между государствами. Европейский союз, Всемирная торговая организация, ООН, НАТО, ОБСЕ, АСЕАН и другие региональные и мировые площадки облегчают диалог, главным образом среди участников тех или иных объединений. В особенности это актуально в ситуации многополярности, которой свойственен высокий уровень анархии внутри системы. В данном контексте институты прежде всего обеспечивают свободный поток информации между членами определенного блока, тем самым увеличивая прозрачность в отношениях между странами [67, с. 112]. Собственно говоря, подозрения по поводу намерений конкурентов часто находятся в основе страха государства за собственную безопасность, что подталкивает страну к наращиванию своего военного потенциала.

Республиканский либерализм утверждает, что либеральные демократии более миролюбивые и склонны соблюдать законы по сравнению с другими политическими системами. Однако это не означает, что либеральные режимы никогда не ввязываются в войну. Главным образом демократические государства не вступают в вооруженный конфликт между собой. Первым подобное наблюдение сформулировал И. Кант еще в конце восемнадцатого века. Правда, он использовал данный тезис применительно к государствам республиканского характера [67, с. 113]. Именно указанная мысль является источником оптимизма среди либералов. Соответственно, в связи с активным ростом демократий начиная с двадцатого века, со временем прямые военные столкновения в мире будут параллельно сокращаться. Согласно мнению Майкла Дойла, во-первых, такая перспектива обусловлена особенностями политической культуры, когда в либеральных странах действия правительства находятся под контролем электората, который не поддержит войну с другими подобного рода обществами. Во-вторых, свойственная всем демократиям общие моральные ценности, где стремление к мирному разрешению локальных конфликтов переносится и на сферу межгосударственных отношений. Кроме того, мирное сосуществование демократий вызвано вопросом тесного экономического сотрудничества и взаимозависимости [67, с. 115].

Взаимозависимость. В условиях сегодняшней глобализации внутри системы возникла некая зависимость между акторами, что напрямую относится и к Турецкой республике. В связи с этим следует рассмотреть теорию взаимозависимости.

Один из ранних исследователей вопроса и сторонников теории взаимозависимости Норман Эйнджелл в 1911 году опубликовал свою знаменитую книгу «Великая иллюзия», где он говорил, что результаты

покорения новых территорий за счет военных действий обернется негативными экономическими последствиями для завоевателя. Он считал, что по сравнению с прошлым периодом, на тот момент ситуация изменилась. Главным образом возникла взаимозависимость капитала в мире. В результате покорения новая территория значительно ослабнет, что не даст дивидендов оккупантам. Он считал, что субнациональные акторы (банки, фонды, торговые и транспортные компании) становятся такими же важными как министерства обороны и иностранных дел [63, с. 67-70]. Надо сказать, что теория взаимозависимости так или иначе базируется на идеях либерализма, где расширение торговли между государствами считается катализатором установления мира в международных отношениях. Снятие всяческих барьеров и тарифов в коммерции заставит правителей переосмыслить свою стратегию, когда военные конфликты не будут отвечать их интересам. Торговые дивиденды представляют большее преимущество нежели территориальная экспансия. В итоге формируется взаимозависимость между участниками глобальной структуры.

Здесь можно привести пример современной экономической интеграции на европейском континенте. С самого начала предполагалось, что усиление экономического сотрудничества, следовательно, возникновение общих интересов сделают вероятность военного конфликта минимальной между странами внутри одного географического региона. Таким образом, эти страны будут заинтересованы в стабильности, безопасности и процветании своих экономических партнеров.

Согласно Роузкрансу, развитие экономической взаимозависимости будет идти параллельно снижению значимости территориальной экспансии для государств. В нынешних условиях положительный эффект от сотрудничества и торговли превосходит выгоду военного соперничества. Исторически национальные государства видели в приобретении новых территорий фактор увеличения собственного могущества. Однако теперь этот аспект потерял актуальность с точки зрения повышения конкурентоспособности страны. На сегодняшний день в международной системе прежде всего доминируют именно так называемые «торгующие державы» [68, с. 65]. Примечательно, что с данным тезисом не согласны представители неореализма. Так, американский политолог Джозеф Грико считает, что вопросы безопасности в любом случае будут превалировать над экономическим благополучием, так как государства в первую очередь озабочены именно целью выживания в анархической среде. Между прочим, даже в случае экономической взаимозависимости со временем появляется один определенный гегемон. Маленькие игроки оказываются под влиянием крупных держав, что опять же приводит к разного рода конфликтам [68, с. 66].

Секьюритизация. На протяжении всего периода существования современной Турецкой республики одной из движущих сил внешней политики Анкары был фактор безопасности. С этой точки зрения важным видится анализ теории секьюритизации. Данная концепция была разработана в 1990-х годах Копенгагенской школой исследований безопасности, где основой послужили работы Б. Бузана, О. Вейвера и Я. де Вильде. В том числе вышедший в 1998 году

совместный труд указанных специалистов «Безопасность: новая система анализа» все еще рассматривается в качестве наиболее фундаментального произведения по данной тематике.

В общем смысле теория секьюритизации подразумевает, что конкретные вопросы национальной безопасности не зарождаются естественным образом, а артикулируются прежде всего политиками и принимающими государственные решения людьми. Именно указанные лица выступают ключевыми акторами, которые секьюритизируют определенную проблему. Таким образом, приоритеты в сфере безопасности в большей степени расставляют сами власти за счет целенаправленного внешнего конструирования. При этом здесь главным механизмом выступает речевой акт. Риторические действия занимают центральное место в продвижении секьюритизируемого вопроса. Но последний процесс зависит от признания аудиторией выдвинутой правительством проблемы, соответственно, ее поддержки по принятию экстраординарных мер по противодействию нависшей угрозе [69, с. 106]. Только при таком условии референтный объект может выйти на уровень национальной безопасности. В результате государство ввиду экзистенциальной угрозы получает право действовать чрезвычайно решительно, не оглядываясь в том числе на необходимость соблюдения демократических норм и принципов.

Между тем Бузан выделяет пять основных сфер, а именно политическую, военную, экономическую, социетальную и экологическую, в соответствии с которыми и классифицируются те или иные опасности [70]. Таким образом, согласно теории секьюритизации, национальные угрозы не связаны исключительно с военным аспектом, но также возникают и в других секторах. Соответственно, вопросы миграции или климатических изменений вполне способны перерасти в одну из самых приоритетных угроз общества, если население готово принять такую точку зрения.

Собственно говоря, отличительная черта концепции секьюритизации заключается в том, что референтный объект не всегда представляет жизненную угрозу для страны. Иницируя дискурс вокруг какой-то проблематики, государственные акторы могут исходить из собственных интересов политического характера.

Империализм. В последние годы множество экспертов, рассуждая о внешней политике действующих турецких властей, довольно часто указывают на ее экспансионистский характер. В связи с этим целесообразным видится рассмотрение некоторых аспектов теории империализма в рамках данной диссертационной работы.

Если говорить вкратце, империалистическая доктрина означает политику центральных властей, направленную на распространение сферы влияния государства за пределами собственных границ как за счет прямого территориального расширения, так и косвенным путем в виде установления политического, экономического и военного доминирования. Надо сказать, точкой отсчета классического империализма считается последняя четверть девятнадцатого века, когда в 1880-х годах началась жесткая конкуренция США, Японии и ведущих европейских держав за контроль над новыми регионами,

главным образом находившихся в Азии, Африке и Латинской Америке [71, с. 179]. Вследствие этого фактора тогда возникла определенная напряженность в международных отношениях, что в том числе проявлялось в гонке вооружений между крупными игроками. Похожая картина наблюдалась и накануне Первой мировой войны.

В свою очередь эпоха классического империализма завершилась на фоне мирового процесса деколонизации в шестидесятых годах прошлого века. Хотя даже после этих событий борьба за расширение зоны влияния внутри участников системы продолжилась. Правда, теперь данная политика приобретала иные формы реализации. Именно тогда в обиход вошел термин неоимпериализм. В новых условиях акцент в исследованиях смещался в сторону экономической зависимости развивающихся стран от развитых капиталистических центров. Первая группа включала в себя бывшие колонии, которые даже после обретения официальной самостоятельности по объективным причинам так или иначе оставались в зависимом положении от прежних метрополий. Многие рассматривали такую ситуацию как новую модель империализма, где периферии все еще подвергаются тотальной экономической эксплуатации. Важно подчеркнуть, вьетнамская война сыграла роль некоего катализатора в усилении интереса к данной тематике, в особенности среди западных экспертов. В данном контексте многие авторы выдвигали идею о том, что слабая развитость стран так называемого Третьего мира связана не с их внутренними проблемами, а с действиями развитых капиталистических государств [71, с. 188].

В 1990-х годах изучение империализма развивалось под влиянием совершенно других факторов. С одной стороны, в результате окончания холодной войны произошло кардинальное изменение международного порядка. Противостояние двух антагонистических лагерей завершилось распадом СССР, что заложило основу для интенсификации взаимодействия на мировой арене. Указанный процесс характеризовался понятием глобализации. В данном контексте некоторые специалисты расценивали такую тенденцию как возникновение одной огромной имперской конструкции, когда отдельные государства теряют собственную автономию в рамках единого для всех экономического пространства [71, с. 190]. С другой стороны, даже в новых условиях вооруженные конфликты в разных точках земного шара не прекратились. В частности, военные компании Вашингтона в Афганистане и Ираке в начале 2000-х годов вновь привлекли внимание наблюдателей к вопросу империализма. В рамках дискуссии часть экспертов в целом положительно относится к концепции американской империи, говоря о позитивных эффектах от существования единственного гегемона, который поддерживает действующий мировой порядок. В свою очередь другие ученые критически расценивают действия американских властей, приравнивая их политику к новому империализму [71, с. 190].

Кроме того, в последние годы модели поведения отдельных развивающихся государств спровоцировали активные дискуссии вокруг возвращения на мировую повестку дня имперской парадигмы развития. Наступательная внешняя политика ряда крупных игроков, которая часто

сопровождается открытой демонстрацией военной силы, а в некоторых случаях и вооруженными интервенциями, дает основания для подобных утверждений. Все это в итоге ослабляет современную архитектуру безопасности, что не может не вызывать озабоченности не только на региональном уровне, но и в глобальном масштабе.

1.2 Концептуально-теоретическое обоснование внешней стратегии Турецкой Республики в рамках комплексного исторического обзора

В предыдущем подразделе автором диссертации был проведен анализ различных теоретических оснований международной политики государства. Теперь же выявленные в ходе первого этапа исследования тенденции и подходы будут рассматриваться сквозь призму турецкого кейса.

Геополитика. С самого начала образования современной республиканской Турции в 1923 году географическая позиция выступала одним из переопределяющих факторов в формировании внешней концепции Анкары. С одной стороны, стратегическое расположение государства на стыке множества различных регионов всегда являлось неоспоримым преимуществом с точки зрения геополитической ценности этой территории. Подобное обстоятельство сыграло существенную роль в условиях Холодной войны. Так, в вопросе вступления Турции в организацию Североатлантического договора важным подспорьем стало как раз ее непосредственное соседство с СССР. Кроме того, республика представлялась в некотором смысле воротами к ближневосточному региону. Соответственно, при принятии Анкары в НАТО западные лидеры среди прочего руководствовались политикой сдерживания Москвы и стремлением усилить собственное влияние на Ближнем Востоке через нового члена военного блока, который в известной мере должен был выполнять роль моста и посредника между Западом и мусульманским миром.

Даже, несмотря на изменение баланса сил в результате развала Советского Союза, Турция на сегодняшний день продолжает выступать неотъемлемым компонентом архитектуры безопасности НАТО. Особенно если учитывать возросшие глобальные риски, связанные в том числе с усилением вооруженных конфликтов на восточных границах альянса. Исходящие от продолжающейся нестабильности в Сирии, Афганистане, Ираке разного рода угрозы, а также сохраняющаяся напряженность вокруг Ирана и на Кавказе повышает значимость республики в глазах западных партнеров. Больше того, военное вторжение России в Украину в феврале 2022 года фактически ознаменует возобновление старой конфронтации Вашингтона и Москвы. Следовательно, данное событие в некотором смысле подразумевает восстановление статус-кво периода Холодной войны, когда Турции отводилось важное место в стратегии НАТО по противодействию российскому влиянию.

Здесь также нельзя забывать о том, что в соответствии с конвенцией Монтре от 1936 года республика контролирует важные водные артерии в виде черноморских проливов, следовательно, при необходимости может закрыть проход иностранным военным кораблям через Босфор и Дарданеллы. Кстати

говоря, правительство Эрдогана воспользовалось этим правом после начала войны между Украиной и Россией.

Между прочим, в свете последних тенденций в мировой энергетической сфере, когда Европа стремится избавиться от зависимости от российских поставок, огромный потенциал Анкары в качестве транспортного маршрута по перевозке углеводородов из прилегающих государств еще раз демонстрирует ее преимущество в плане географии. С точки зрения торговли сырьевыми товарами турецкое направление действительно является весьма удобным коридором.

Тем не менее, с другой стороны, расположение Турции исторически всегда было сопряжено с серьезными вызовами внешнеполитического характера. Например, вопреки своему статусу участника североатлантического договора, местным властям часто приходится действовать с учетом сложившихся геополитических реалий. В данном контексте следует сказать о российском факторе. Как показали события последних лет интересы Анкары и Москвы часто вступают в противоречия касательно региональных процессов. Развитие ситуации в Ливии, Сирии и Нагорном Карабахе четко продемонстрировало противоположность приоритетов двух стран.

Но в то же время турецкое руководство видит риски в прямой конфронтации с большим соседом, поэтому стремится прийти к общему компромиссу по наиболее сложным вопросам. Следовательно, это требует углубления взаимодействия и координацию с РФ. Яркой иллюстрацией такого подхода выглядит инцидент со сбитым российским военным самолетом в 2015 году, что вызвал кризис в двусторонних связях. Тогда в конечном счете именно турецкая сторона была вынуждена идти на отдельные уступки для разрешения возникшего конфликта. Как известно, впоследствии страны подписали крупный контракт о закупке противовоздушного комплекса С400. В свою очередь тогда примирение с Россией в дальнейшем создало условие для проведения турецкой военной операции в Сирии. Также стоит упомянуть и о тесных экономических связях двух стран, разрыв которых сильно ударит по экономике Анкары. Характерно, что турецкие власти не присоединились к введенным из-за вторжения в Украину санкциям против России. Тем не менее, надо признать, тактическое сближение Анкары с Москвой создает серьезные сложности в контактах с Западом.

Аналогичная тенденция наблюдается и в турецко-иранских отношениях. Несмотря на международную ситуацию, Анкара продолжает сотрудничать с режимом аятолл по многим направлениям, поскольку здесь на первый план выходят собственные национальные интересы республики. В их основе главным образом лежат торговля, курдский вопрос, сирийский конфликт и другие актуальные темы.

Если говорить по поводу тезиса о расширении государства в рамках теории геополитики, Турция с первых лет своей республиканской эпохи была вовлечена в территориальную борьбу. После прихода к власти Ататюрк приступил к реализации так называемого Национального пакта. Указанный проект был направлен на возвращение в состав страны некоторых бывших османских

владений. Главным образом здесь вопрос касался иракского Мосула и сирийской Александретты (Хатай).

В случае Мосула краеугольным камнем выступало наличие здесь огромных запасов черного золота, поэтому провинция представляла большую экономическую ценность. При этом арабское население составляло меньшинство. Большая часть жителей состояла из этнических курдов, что рассматривалась турецкой стороной весомым аргументом в пользу ее попытки присоединить указанную область. После развала османской империи внутри Турции оказалась достаточное количество граждан курдского происхождения, которые в особенности населяли приграничные к Мосулу юго-восточные регионы страны. Хотя усилия Анкары в данном вопросе в конце концов не увенчались успехом, тем не менее, этот пример демонстрирует политику республики по приобретению дополнительных ресурсов за счет экспансии.

В свою очередь вышеупомянутый Хатай все-таки официально вошел в состав Турции в 1939 году. Надо сказать, этому процессу способствовала сложившаяся накануне второй мировой войны геополитическая конъюнктура. Европейские державы в лице Британии и Франции в обмен на присоединение Анкары к их альянсу пошли на встречу турецким территориальным требованиям, тем более Сирия тогда находилась под протекторатом Парижа.

Тем временем в основе современной кипрской проблемы изначально также лежала геополитика. После обретения данным средиземноморским островом независимости в 1960 году среди местного греческого населения активизировалось движение за объединение с материковой Грецией. Подобный сценарий рассматривался Турцией сквозь призму угрозы национальной безопасности. Дело в том, что в случае реализации так называемого энотизиса, страна в некоторой степени оказывалась бы заблокированной в плане выхода к международным территориальным водам. Естественно, турецкие власти никак не могли допустить такого развития. В связи с этим в 1974 году на волне очередного кризиса внутри Кипра, когда была высока вероятность присоединения данного государства к Греции, Анкара вмешалась в ситуацию путем ввода своих вооруженных сил. Тем более что присутствие этнических турок на Кипре, которые становились жертвами межнациональных столкновений, виделось важным основанием военной интервенции.

Позднее в 1983 году местное турецкое население объявило собственную независимость на северной части острова. Правда, до сегодняшнего дня кроме Турции данный статус никем еще не признан. Таким образом, решительные действия турецких властей тогда предотвратили сценарий объединения двух греческих территорий. Несмотря на последовавшее за этим событием резкое ухудшение отношений с Западом, что в том числе привело к введению американским конгрессом санкций против республики, Анкара в дальнейшем строго придерживалась собственной позиции по этому вопросу. В настоящее время кипрская тематика продолжает оставаться камнем преткновения в контактах с Грецией в частности и с ЕС в целом.

В последние годы ситуация вокруг этой проблематики обострилась на фоне спора по поводу освоения энергетических ресурсов в районе средиземноморья,

где правительство Эрдогана не признает исключительное право греко-киприотов на разведанные запасы углеводородов. Здесь стоит особо отметить зависимость Анкары от внешних поставок энергоресурсов, главным образом нефти и природного газа. Соответственно, турецкие власти надеются за счет фактора Северного Кипра получить долю в будущих проектах по добыче полезных ископаемых на этих территориях.

Тем временем продолжающийся конфликт в соседней Сирии напрямую затрагивает турецкие интересы. Здесь одним из главных моментов является получение сирийскими курдами фактической автономии в свете ослабления центральной власти в Дамаске. Учитывая длительную борьбу Анкары с сепаратизмом со стороны собственного курдского меньшинства, такое развитие обстановки рассматривается локальным истеблишментом и обществом в качестве экзистенциальной угрозы государству. Поэтому за прошедшие годы турецкая армия неоднократно проводила военные операции, где основной целью являлось создание некоей буферной зоны.

Аналогичная картина наблюдается и на приграничных северных регионах Ирака, традиционно выступающие плацдармом Рабочей партии Курдистана для проведения террористических атак на Турцию. Некоторое время назад вооруженные силы республики в результате очередного наступления установили контроль над еще одним участком, тем самым фактически полностью отодвинув повстанцев РПК от границы.

Все эти вышеуказанные примеры поведения в известной мере соотносятся с идеей жизненного пространства Фридриха Ратцеля. Иначе говоря, турецкие руководители в контексте решения о военном вмешательстве в Сирию, Ирак и Кипр не в последнюю очередь руководствовались именно стратегией выживания. В каждом случае Анкара расценивала складывающиеся тенденции и тренды как переход красной линии, что оправдывало принятие экстренных мер, даже если это может привести к противоречиям с другими глобальными и региональными игроками.

При этом геополитические угрозы всегда представлялись важным моментом в формировании внутри части турецкого общества запроса на сильное государство. В данном контексте связанные с безопасностью страны проблемы довольно часто становились приоритетными перед социально-экономическими вопросами.

Неореализм. В процессе анализа внешней политики Турции за прошлые периоды можно обнаружить достаточно эффективное применение подхода реалполитик в тех или иных ситуациях. В целом последний термин вытекает из теории реализма, следовательно, подразумевает проведение реалистического курса в зависимости от действующей конъюнктуры.

В свое время образовавшаяся на месте Османской империи современная турецкая республика сразу же оказалась в достаточно сложном положении. Участие в длительной изнурительной войне истощила экономику страны. С учетом ослабленности государства Ататюрк направил все усилия на внутреннее восстановление. Однако подобная задача предполагала установление относительной стабильности во внешней сфере в целях концентрации средств на

одном приоритетном направлении. Поэтому особенно на первом этапе Анкара стремилась всячески избегать вовлечения в новые конфликты и споры на международной арене, что в свою очередь наложил свой отпечаток на внешнеполитическую концепцию Мустафы Кемаля, которую многие наблюдатели вполне обоснованно приравнивают к изоляционизму. Такая позиция во многом стала следствием реальной оценки турецкими властями своих возможностей. Ввиду ограниченности ресурсов Анкара не могла себе позволить параллельно заниматься активной внешней политикой.

Турецкий прагматизм проявился и в годы второй мировой войны, когда до последнего момента президент Иненю придерживался нейтралитета. Только в 1945 году Анкара официально вступила в конфликт на стороне союзнических сил. К этому времени стало окончательно ясно о неизбежности тотального поражения немецкой армии. Следовательно, принимая во внимание данный факт, решение турецкого руководства было тактически вполне верным. Вскоре республика формально оказалась среди групп победителей войны, что принесло определенные дивиденды, в том числе имиджевого характера.

В целом политика нейтралитета тогда обуславливалась соображениями безопасности. На первом этапе войны существовала высокая угроза совместного вторжения вермахта и советских войск на турецкую территорию. Таким образом, могла повториться ситуация с Польшей, которая была разделена между Германией и СССР в результате их согласованной военной операции. В связи с этим обстоятельством Иненю действовал весьма осторожно в целях максимального недопущения внешней агрессии против собственной страны. Правда, вероятность повторения польского сценария значительно снизилась в 1941 году после нападения немецкой армии на Советский Союз. Но даже в этом случае опасность иностранной вооруженной интервенции все еще сохранялась. Принимая во внимание тот факт, что Германия к тому периоду оккупировала Румынию, Болгарию, Грецию и Югославию, объявление правительством Иненю войны Берлину вполне могло спровоцировать ответную реакцию последних в виде прямой атаки на Турцию.

Между прочим, Анкара крайне негативно относилась к потенциальному разгрому Германии антигитлеровской коалицией. При таком раскладе СССР становился доминирующей силой в восточной части Европы. Соответственно, расположенные в данном регионе государства в перспективе полностью могли оказаться в зоне влияния нового гегемона со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тем более Москва имела территориальные притязания к Турции касательно стамбульских проливов и ряда восточных областей страны. Поэтому до последнего турецкие власти рассчитывали, что западные лидеры достигнут соглашения с Гитлером о перемирии. Естественно, когда исход конфликта был уже предрешен, Иненю официально отказался от нейтралитета и примкнул к союзникам. Благодаря реалполитик республика вышла из второй мировой войны относительно без военных потерь.

Надо сказать, после 1945 года с точки зрения безопасности советский фактор воспринимался турецким руководством наибольшей угрозой, что подталкивало Анкару на тесное сближение с Западом. В данном контексте

ключевым шагом являлось вхождение в состав НАТО. Указанная организация виделась в качестве защитного зонтика от возможного нападения со стороны красной армии. В этом случае крайне актуальным видится вышеприведенное мнение американского эксперта Р. Швеллера о том, что в сложных обстоятельствах слабые игроки стремятся войти в альянс с более сильными акторами международной системы в целях обеспечения собственной безопасности.

Когда в шестидесятых и семидесятых годах прошлого века появились явные признаки ухудшения двусторонних отношений Турции с ее натовскими союзниками, в том числе из-за кипрской проблематики, республика осознала необходимость некоторой диверсификации международных связей. Здесь особый акцент делался на развитии сотрудничества с советским государством, а также с мусульманским миром. В общем смысле Анкара стремилась сбалансировать свою внешнюю политику, поскольку исключительная ориентация на Запад в целом сужала пространство для маневрирования. Хотя, важно подчеркнуть, расширение контактов с другими игроками в большей степени происходило в экономической плоскости. В военно-политическом плане США и европейские союзники всегда рассматривались в качестве наиболее приоритетного направления.

Если же говорить о сегодняшних условиях, вопреки серьезной напряженности между правительством Партии справедливости и развития и западными странами, турецкая сторона так или иначе демонстрирует приверженность к общим интересам участников североатлантического альянса. В том числе об этом может свидетельствовать недавняя история с заявкой Швеции и Финляндии о вступлении в НАТО. После первоначальных возражений Анкара в конце концов дала официальное согласие на принятие в организацию двух новых членов, в противном случае блокирование Эрдоганом данного решения непременно привело бы к глубокой изоляции республики от американских и европейских партнеров. Подобный итог связан с реалистической оценкой ситуации турецкими властями. В настоящий момент страна экономически сильно зависит от Запада. Между тем начавшаяся российско-украинская война резко актуализировала проблему безопасности. Разумеется, теперь статус нахождения в составе НАТО вновь приобретает особую ценность как во времена противостояния капиталистического и социалистических лагерей. В силу указанных обстоятельств Анкара по всей видимости будет стремиться к укреплению взаимодействия с Вашингтоном и Брюсселем, в особенности в военной сфере. Об этом может свидетельствовать в том числе недавняя активизация переговоров по приобретению Турцией новейших американских истребителей.

Тем не менее, вопреки текущим геополитическим тенденциям, можно предположить, что турецкие власти до последнего не откажутся от своей политики внешнего лавирования. Подобная тактика объясняется вполне прагматическими мотивами, а именно перспективами различных экономических и политических дивидендов. Здесь ситуация в некоторой степени напоминает период Второй мировой войны, когда Анкара с самого начала придерживалась

нейтралитета, поддерживая отношения со всеми основными участниками конфликта. В условиях неопределенности главной задачей воспринимался выход из кризиса с наименьшими потерями. Так и в сегодняшней обстановке турецкое правительство главным образом руководствуется этой целью. Помимо прочего сотрудничество с Россией, Китаем, Ираном и другими крупными игроками видятся Эрдоганом как противовес отношениям с Западом, тем более что нынешнее турецкое правительство стремится к многовекторному внешнему курсу. Хотя, надо признать, что такая стратегия Анкары создает серьезные сложности в двусторонних контактах с Вашингтоном, где ярким примером можно считать историю вокруг приобретения республикой российских противоборонных систем.

В целом вышеописанные события укладываются в логику неореализма, когда для турецкого государства главным приоритетом является выживание в условиях анархической международной системы. Сохранение политической и территориальной целостности становится первоочередной задачей. В данном контексте внешнеполитические шаги Анкары соответствуют рационализму. В то же время, учитывая обострение геополитической обстановки в мире, турецкое правительство в последние годы активно усиливает собственный военный потенциал. Особенно на фоне давних сложных отношений с соседней Грецией, а также в связи с продолжающейся нестабильностью в окружающих регионах, местные власти уделяют чрезвычайное внимание укреплению своей армии.

Балансирование. Реалистический подход во внешней политике современного турецкого государства исторически часто выражался в балансировании между ведущими игроками на международной арене. Так, в период президентства Ататюрка страна пыталась поддерживать дружеские отношения со всеми крупными европейскими державами. В условиях военно-экономической слабости Турции подобная стратегия виделась наиболее целесообразной с точки зрения обеспечения национальной безопасности и выживания республики. Данная позиция становилась все более актуальной на фоне назревающего масштабного вооруженного конфликта на европейском континенте. Как было сказано выше, политика балансирования продолжилась и в годы второй мировой войны, что позволило Анкаре напрямую не вовлекаться в боевые действия, следовательно, выйти из кризиса с относительно минимальными потерями.

Впоследствии даже на фоне биполярного порядка, где статус члена североатлантического альянса накладывал определенные обязательства на всех участников этой структуры, тем не менее, Турция время от времени переходил на лавирование между натовскими партнерами и большим соседом в лице СССР. С одной стороны, Анкара в некотором смысле стремилась эксплуатировать контакты с Советским союзом в качестве рычага с целью добиться уступок от Запада по тем или иным вопросам. С другой стороны, выстраивание прямого диалога с Москвой объяснялось практическими соображениями. В частности, тогда налаживание двустороннего сотрудничества вылилось в экономические дивиденды в виде советских инвестиций в турецкую экономику. Кроме того, с учетом геополитических реалий того времени в кипрском конфликте позиция

советского государства была одной из решающих. Надо сказать, военная интервенция турецких вооруженных сил на остров в 1974 году потребовала предварительных консультаций с советским правительством.

Если же говорить о современном состоянии политики балансирования турецких властей, когда в условиях резкого ухудшения связей между Москвой и Вашингтоном многие эксперты говорят о новом витке холодной войны, Анкара продолжает придерживаться традиционной стратегии маневрирования. Это особенно заметно на фоне украинско-российской войны. Напомним, правительство Эрдогана не присоединилось к западным санкциям против РФ. Более того, с начала данного конфликта наблюдается наращивание экономических связей Анкары и Москвы. Естественно, такая позиция турецкого руководства вызывает недовольство членов НАТО. Тем не менее, ради справедливости следует отметить тот факт, что Турция оказывает военную помощь Киеву. При этом, несмотря на изначальные возражения, страна в конечном счете не стала блокировать совместную заявку Швеции и Финляндии на вступление в организацию североатлантического альянса. Подобную стратегию нужно рассматривать в контексте исторического нейтралитета турецкого государства. Складывающаяся картина в некоторой степени напоминает ситуацию в годы второй мировой войны. С этой точки зрения главным мотивом всегда выступал фактор прагматизма со стороны Анкары.

На сегодняшний день Эрдоган не заинтересован в разрыве отношений с Россией. Во-первых, это связано с его концепцией многовекторной внешней политики. Действительно, анализ внешней стратегии Турции за последнее десятилетие позволяет говорить о стремлении республики к диверсификации внешнеполитических контактов. Не в последнюю очередь это связано с возникшим кризисом в двусторонних контактах Турции с Западом. В то же время сохранение контактов с Москвой видится объективно выгодным. В экономической плоскости Турция сильно зависит от импорта российских энергоресурсов. Кроме того, каждый год несколько миллионов российских туристов посещают страну. В целом туризм занимает важное место в турецкой экономике. Естественно, остановка поставок газа и нефти, а также прекращение потока туристов может значительно ухудшить финансовое положение республики, тем более что на июнь 2023 года здесь намечено проведение президентских и парламентских выборов. Действующее турецкое правительство пытается увеличить свои шансы на переизбрание. Следовательно, экономическая обстановка остается важным критерием оценки работы властей со стороны избирателей. Нельзя забывать и о Сирии, где напрямую пересекаются интересы Турции и России. Как известно, до этого момента турецкая армия проводила несколько военных операций на севере сирийской территории. Учитывая присутствие российских военных, такая интервенция требовала определенной координации с российской стороной. Можно ожидать, что Эрдоган будет продолжать эту внешнеполитическую линию, хотя со временем давление на его правительство будет только усиливаться.

Собственно говоря, идеи балансирования в определенной степени переключаются с неореализмом, поскольку в обеих концепциях упор делается на

рациональное мышление актора. В основе турецкой стратегии балансирования между крупными игроками также находится данный принцип. Это относится как к прошлым периодам, так и современному этапу истории.

Либерализм. С точки зрения изучения турецкой внешней политики с применением международных теорий, важным видится анализ концепции либерализма. Как известно, с образованием современной республики в 1923 году в стране установилась сравнительно жесткая модель правления с концентрацией власти в руках президента Ататюрка. Главным образом, это было обусловлено негативным опытом на поздних этапах существования Османской империи. Тогда инициированные руководителями государства реформы, главным образом постепенная либерализация политической сферы стала залогом ослабления центральной вертикали, что ускорило процесс дезинтеграции большой страны.

Таким образом, Ататюрк в целях укрепления государственности целесообразным видел сосредоточение властных полномочий в своих руках. Данный факт позволил в кратчайшие сроки провести необходимые реформы, в том числе принятие секуляризма на государственном уровне. Надо особо подчеркнуть, что большинство местного населения тогда негативно относилось к подобному нововведению. Даже после смерти первого лидера республики данная конструкция сохранялась. Действительно, при следующем президенте Иненю наблюдалась полная преемственность курса.

Однако геополитическая конъюнктура резко изменилась после окончания второй мировой войны. Учитывая курс турецкого истеблишмента на тесное сближение с Западом, что не в последнюю очередь было связано с исходящей от СССР угрозы военной интервенции, внедрение демократических принципов стало одним из главных критериев интеграции с Западом, и что немаловажно пропуском в НАТО.

Впоследствии данное обстоятельство оказало огромное воздействие на внешнюю политику республики. Если раньше решение по тем или иным вопросам принималось небольшой группой людей, теперь в процесс принятия решений вовлекалось и население. Иначе говоря, конкурирующие за власть политические группы так или иначе должны были ориентироваться на мнение электората. Таким образом, в соответствии с теорией либерализации, с этого момента индивиды начали закрепляться в роли одного из ведущих акторов системы. В связи с этим политики в целях повышения собственного рейтинга часто обращались к популистской политике. В данном контексте тема защиты национальных интересов на международной арене всегда являлась выигрышным вариантом. Здесь стоит отметить историю вокруг военной интервенции в Кипр в 1974 году. Тогда большинство турецких граждан придерживалось мнения о необходимости вмешательства в обстановку на данном острове на стороне местного турко-киприотского меньшинства.

Тем временем в шестидесятых и семидесятых годах прошлого века по мере активного распространения здесь социалистических идей, среди турецкого общества стали усиливаться антиамериканские настроения. Между прочим, сторонники правых взглядов также выступали против зависимости Анкары от западных партнеров. С этой точки зрения известное письмо тогдашнего

президента США Л.Джонсона своему турецкому коллеге в 1964 году, где он в жесткой форме пригрозил Анкаре серьезными последствиями в случае вооруженной операции против Кипра, что спустя некоторое время стало достоянием общественности, вызвало волну протестов среди турецких жителей. Естественно, турецкому правительству приходилось действовать с учетом мнения большинства граждан. Таким образом, в кризисных ситуациях властям нужно было реагировать на внешние события, напрямую затрагивающих интересы Анкары. Естественно, данный фактор вносил свои корректировки в динамику турецкой внешней политики. В том же 1974 году премьер-министром был сторонник социалистического развития Б.Эджевит, а его коалиционным партнером по правительству являлся Н.Эрбакан. Последний возглавлял партию с доминирующей религиозной повесткой дня.

В сегодняшних условиях фактор либеральных выборов продолжает оказывать огромное влияние на действия властей. Правительство Эрдогана не может не учитывать общественное мнение касательно государственных вопросов, в том числе и в сфере международной политики. Соответственно, определенные внешние шаги правящей Партии справедливости и развития, а также ее коалиционного партнера в лице Партии националистического движения следует интерпретировать именно сквозь призму данного фактора.

Здесь важно обратить внимание, что на текущий момент внутри турецкого населения сильно укоренился антиамериканизм, что проявляется по результатам различных социологических опросов. Так, недавние исследования показали, что только 39% местных жителей видят приоритетным развитие отношений с США и Европейским Союзом. В свою очередь 30% отдают предпочтение сотрудничеству с Россией и Китаем. Еще 31% опрошенных не определились с ответом [72]. Более того, согласно данным известного американского аналитического центра Pew Research, в 2019 году 55% турецких граждан негативно относились к НАТО. Позитивно рассматривали эту организацию лишь 21% респондентов [73].

Антизападное настроение наблюдается и в контексте украинско-российской войны. Почти половина населения Турции возлагает ответственность за начало широкомасштабного вооруженного столкновения на НАТО и США. Тем временем Россию в качестве основного источника конфликта видят только 34% участвовавших в интервьюировании людей [74]. При этом около 80 процентов турецких граждан выступают за нейтралитет Анкары касательно украинско-российской войны, тогда как 19 процентов говорят о необходимости поддерживать позицию натовских партнеров [75].

И самое примечательное, как продемонстрировали результаты проведенных в марте нынешнего года опросов, несмотря на военное вторжение России в Украину, 52 процента турецких граждан рассматривают Соединенные Штаты Америки в качестве угрозы для безопасности собственного государства. Россию же угрозой назвали только 19 процентов респондентов [72].

Подобная оценка в известном смысле обусловлена исторически сложившимися тенденциями внутри турецкого социума. С одной стороны, здесь присутствует фактор исторической памяти, когда борьба за независимость

Турции велась против именно западных держав. С другой стороны, события второй половины двадцатого столетия также сыграли свою роль в формировании негативного отношения к Вашингтону и европейским державам. Различные двусторонние кризисы создали плацдарм для укрепления подобного настроения в обществе.

Естественно, в условиях относительно свободной избирательной системы общественное мнение становится одним из определяющих моментов для турецких политиков с точки зрения выстраивания стратегии внешнего поведения республики. Неудивительно, что в последние годы на фоне различных голосований в качестве предвыборной агитации действующие власти стремились объяснить внутренние проблемы страны вмешательством внешних сил, под которым главным образом подразумевался Запад. Это было своего рода тактическим ходом с прицелом усиления шансов на победу в голосованиях.

На это дополнительно накладывается и собственная позиция действующего турецкого лидера Эрдогана, что отражается в его антизападной риторике. Надо сказать, что давно культивируемая им идеология неосманизма предполагает возвращение Турции статуса мировой державы с независимой внешней политикой, где краеугольным камнем является многовекторный курс.

Главным итогом либерализации турецкой политической системы являлось превращение населения в непосредственного участника процесса принятия решений. Таким образом, если говорить в соответствии с идеями Р.Кокейна и Д.Ная, внешняя политика стала продолжением внутренней политики. Турецкие власти в международных делах часто руководствуются именно общественным мнением внутри страны. Данный тезис особенно актуален на фоне приближающихся президентских и парламентских выборов в Турции в июне 2023 года.

Взаимозависимость. Теория взаимозависимости выделяет приоритетную роль экономических связей в рамках сложившейся на сегодняшний день международной конъюнктуры. Если в прошлом государства были больше нацелены на территориальную экспансию для увеличения в том числе собственного экономического могущества, теперь же завоевание новых земель не выглядит особо привлекательным с этой точки зрения. В условиях современной глобализации источником повышения экономической конкурентоспособности являются совсем иные факторы. При этом, как показал случай с вторжением российской армии в Украину, в ситуации тесной интегрированности мировой экономики, вероятные санкции из-за военной интервенции могут привести к весьма серьезным издержкам.

Между прочим, в своей истории Турция уже сталкивалась с воздействием ограничительных мер. Напомним, после инцидента с вводом турецких вооруженных сил в Кипр в 1974 году США приняли санкции против Анкары. Тогда помимо сокращения объема ежегодной безвозмездной помощи, американское правительство еще запретило поставки оружия в республику. Поскольку Вашингтон был основным финансовым донором страны, а также главным поставщиком военной техники, это стало достаточно чувствительным ударом.

Однако по сравнению с тем периодом сегодня мировые страны в экономическом плане более тесно переплетены. В частности, это проявляется в развитии так называемых производственных цепочек. Аналогичным образом финансовые рынки также крепко взаимосвязаны между собой. Например, любые резкие изменения на тех или иных крупных биржах моментально отражаются в мировом масштабе. Здесь следует отметить центральную роль Запада как глобального экономического центра, в частности доминантную позицию США. Следовательно, в руках Вашингтона и его партнеров имеется мощный рычаг воздействия на других акторов.

При этом перспективы турецкой экономики как раз сильно зависят от внешних факторов. Дело в том, что здесь дефицит текущего счета давно превратился в хроническую проблему. На протяжении многих лет ежегодные объемы импорта товаров и услуг превышают экспортные показатели, что оказывает давление на местную финансовую систему, в частности посредством ослабления национальной валюты и исторической высокой инфляции. Основным источником отрицательного платежного баланса являются поставки энергоресурсов из других стран. Соответственно, в случае роста мировых цен на нефть и газ дефицит также увеличивается. Именно это происходит сейчас на фоне резкого повышения стоимости полезных ископаемых. Поэтому администрация Эрдогана всегда уделяла особое внимание вопросу расширения экспорта и притока зарубежного капитала в республику. Примечательно, что на сегодняшний день более половины внешних поставок приходится на западные государства: ЕС, США, Великобритания и др. Это также относится к доходам от туризма и прямым иностранным инвестициям. Естественно, с учетом такой картины можно утверждать о критическом значении отношений с Западом для Турции. Данное обстоятельство не может не влиять на внешнюю политику республики, особенно на фоне имеющихся противоречий вокруг Сирии и Кипра. В данном контексте экономические дивиденды выступают сдерживающим фактором с точки зрения каких-либо решительных действий Анкары в указанных направлениях.

Секьюритизация. Теория секьюритизации весьма актуальна в рамках анализа динамики турецкой внешней политики. В частности, здесь одним из референтных объектов становится проблема сепаратизма, которую официальные власти и большинство местных жителей воспринимают в качестве экзистенциальной угрозы существованию государства. Суть конфронтации заключается в том, что на протяжении нескольких десятилетий местные курды ведут вооруженную борьбу против правительственных сил с целью создания собственного независимого территориального образования на юго-востоке Турции.

Собственно говоря, за долгие годы противостояния тысячи гражданских лиц стали жертвами кровопролития, в том числе вследствие террористических атак со стороны курдских повстанцев. Не в последнюю очередь с этим аспектом обусловлен высокий накал страстей в турецком обществе вокруг данного конфликта, что способствовало радикализации позиции определенной части

населения. Последние требуют от руководства в Анкаре более жестких действий для нейтрализации рисков безопасности и обеспечения стабильности.

Подобная картина не может не влиять на внешнеполитические приоритеты турецкого правительства. Например, это проявляется в стратегии касательно сирийского конфликта. На данный момент главной задачей Анкары является предотвращение здесь возникновения самостоятельного курдского государства в условиях потери Дамаском управления над приграничными с Турцией регионами, в частности районами с компактным проживанием курдов. Таким образом, ряд недавних интервенций турецкой армии на территорию соседней страны как раз были направлены на формирование буферной зоны под собственным контролем. Причем, согласно социологическим опросам, основная масса турецких граждан одобряла подобные шаги властей. Неудивительно, что на этом фоне повышались рейтинги правящей партии.

Тем временем курдский фактор создает напряженность в отношениях Турции и Запада. Анкара крайне негативно относится к поддержке Вашингтоном и европейскими странами курдских вооруженных формирований в Сирии, рассматривая подобную ситуацию как угрозу национальной безопасности. В свою очередь американская сторона в прошлом неоднократно выражала недовольство по поводу турецких военных операций, поскольку это наносит вред геополитическим интересам США в регионе. Таким образом, на текущий момент данный вопрос стал едва ли не главным камнем преткновения в двусторонних связях. В случае реализации турецких планов относительно наращивания давления на курдские группировки на севере Сирии, можно ожидать существенного усиления разногласий.

Империализм. Теория империализма на сегодняшний день все чаще оказывается в фокусе внимания экспертного сообщества. Главным образом это связано с развивающимися тенденциями внутри международной системы, где в результате некоторого изменения баланса сил отмечается рост новых геополитических центров. Вместе с увеличением экономической и военной мощи отдельные «поднимающиеся» государства начинают активно продвигать собственные внешнеполитические амбиции, что в том числе подразумевает распространение влияния на окружающие регионы. Однако в некоторых случаях подобные устремления приобретают довольно агрессивную форму, тем самым создавая конфликтные ситуации вплоть до риска вооруженного столкновения с другими игроками. В особенности это относится к актерам с недавним имперским прошлым. Поэтому наблюдатели расценивают действия таких стран сквозь призму возобновления их империалистической модели поведения. Подобная оценка часто применяется и по отношению к действиям текущего правительства Эрдогана.

Здесь следует остановиться на широко обсуждаемой концепции неосманизма, согласно которой турецкое государство добивается восстановления своих потерянных после распада Османской империи геополитических позиций в мире. Действительно, анализ турецкой внешней политики за последнее десятилетие дает основания говорить по крайней мере о попытке Эрдогана трансформировать международный статус страны

посредством превращения ее в автономного игрока с собственной повесткой дня. Одновременно Анкара все эти годы проводила довольно энергичную внешнюю политику, стараясь расширить присутствие в окружающих регионах, где приоритетными направлениями являются Ближний Восток, Северная Африка, Кавказ и Балканы. Причем руководство правящей ПСР нередко демонстрировало решительность в отстаивании своих интересов вплоть до использования военного метода. Об этом можно судить по событиям в Сирии, Ираке, Ливии.

В принципе с точки зрения наступательного неореализма стратегия Анкары относительно наращивания глобального влияния республики выглядит вполне логичным явлением, когда в качестве главного фактора укрепления безопасности видится максимальный рост своего могущества. Однако подобная линия поведения естественным образом вызывает ответную реакцию тех или иных участников системы, что в итоге приводит к межгосударственным разногласиям. На этой почве отношения Анкары с рядом стран в настоящее время резко ухудшились.

В целом изложенные в этом подразделе тезисы будут более детально раскрыты в следующих главах. Таким образом, вышеописанные аспекты станут фундаментом всего диссертационного исследования.

1.3 Методы анализа как важный инструмент выявления ключевых аспектов международной стратегии Турции

В процессе написания диссертации автор опирался на различные методы анализа. В данном контексте одним из основных инструментов выступал сравнительно-исторический подход. Поскольку данная работа посвящена изучению внешней политики Турции на протяжении всего периода существования современной республики, было важно рассматривать исследовательский вопрос в динамике. Соответственно, автор сделал акцент на изучении каждой исторической эпохи, что в конечном счете позволило выявить особенности и сходство в стратегиях различных руководителей республики. С этой точки зрения анализировались внешнеполитические принципы прежде всего таких лидеров как Ататюрк, И. Иненю, А. Мендерес, С. Демирель, Б. Эджевид, Т. Озал, и конечно же нынешнего президента Реджепа Тайипа Эрдогана. Собственно говоря, здесь одна из главных целей заключалась как раз в сопоставлении текущего положения дел с предыдущими этапами.

При этом в ходе сравнительно-исторического исследования обращалось внимание на свойственные тому или иному периоду внутреннюю и международную конъюнктуры, под влиянием которых во многом и формировалась траектория движения Анкары на мировой арене. Таким образом, автор посредством полученных результатов попытался ответить на один из центральных вопросов диссертации: является ли внешнеполитическая концепция Эрдогана своего рода уникальным кейсом в истории современной Турции, или же можно найти определенные параллели из прошлого?

Для достижения качественного результата исследования автор также применял контент анализ. Были изучены множество текстовых и

аудиовизуальных материалов, в том числе посвященные теме работы разного рода печатные публикации в виде книг, статьи, докладов, интервью, публичных выступлений государственных деятелей, дипломатических переписок, официальных заявлений органов власти, информации из СМИ, интернет-ресурсов и т.д. Важно подчеркнуть, обработка данных проводилась не только в количественном плане, но и на основе структурного аспекта. Благодаря обзору большого количества контента автор выявил свойственные каждому этапу современной турецкой истории факты и тенденции в общественно-политической жизни государства. В свою очередь это способствовало более глубокому пониманию факторов внешней политики Анкары.

Между прочим, установление смыслов разного рода речевых и письменных продуктов осуществлялось с помощью дискурс анализа. В любом дискурсе первостепенное значение имеет именно контекст. Поэтому автор стремился составить более точную интерпретацию рассматриваемых в рамках этой диссертации материалов, что весьма актуально с точки зрения получения конечных выводов. Данная задача прежде всего была связана с качественным подходом в исследовании, когда в фокусе оказывается определение истинных посылов того или иного текста. Впоследствии выявленные результаты стали отправной точкой для всей диссертационной работы.

Тем временем сценарный метод использовался в рамках прогнозирования дальнейшей траектории движения Турции. Здесь в комплексе рассматривались как внутренняя обстановка, так и внешняя ситуация. В первом случае оценивались социально-экономические и политические перспективы страны, так как от этого напрямую зависит будущая международная стратегия Анкары. В частности, результаты предстоящих в 2023 году выборов, вероятность усугубления экономической проблемы и другие моменты видятся определяющими в этом плане. Во-вторых, геополитическая конъюнктура вокруг республики также будет иметь решающее влияние на ее внешнюю политику. Отталкиваясь от этих обстоятельств и были сформированы несколько потенциальных сценарии развития.

Надо сказать, что описание последствий гипотетических изменений сопряжено с методом моделирования. В данном контексте в зависимости от различных вероятных исходов в той или иной сфере, автор предложил и альтернативные варианты развития внешнеполитической ситуации в Турции.

Также был проведен SWOT-анализ по отношению к центральному объекту исследования. В ходе данного метода в качестве факторов внутренней среды оценивались слабые и сильные стороны Турции с точки зрения реализации международных интересов страны. Параллельно изучались потенциальные возможности и угрозы для Анкары в этом вопросе.

2 СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЕЦКОЙ ГОСУДАРСТВА ПОСЛЕ РАСПАДА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В процессе изучения современных тенденций во внешней политике Турции важным представляется проведение ретроспективного анализа. Прежде всего, это позволяет выявить причинно-следственную связь между событиями прошлого и настоящего времени, что в свою очередь будет способствовать более полноценному раскрытию темы исследования. Исторический аспект особенно актуален как раз в случае сегодняшней Турции, так как многие эксперты склонны рассматривать политику правительства Реджепа Тайипа Эрдогана сквозь призму некоей трансформации всей внешней стратегии турецкого государства. Естественно, с учетом подобной точки зрения возникает вполне резонный вопрос. Можно ли утверждать, что при власти Партии справедливости и развития произошел серьезный сдвиг во внешнеполитических приоритетах Анкары, в том числе в плане ее отношений с западным миром? Дискуссия вокруг этого вопроса еще раз подводит к необходимости детального рассмотрения исторических фактов.

Что касается временных рамок, то здесь за точку отсчета берется период начала правления Мустафы Кемала Ататюрка и создание Турецкой республики в 1923 году. Завершается хронологический экскурс приходом к власти Эрдогана в 2002 году. При этом надо отметить, что в качестве объекта исследования внешнеполитический курс страны сложно анализировать в отрыве от внутренних процессов. Поскольку, именно местная динамика весьма часто предопределяет вектор развития внешней политики. Такая взаимосвязь четко прослеживается и в условиях Турции. Соответственно, изучение обозначенной проблематики в диссертации и в этой главе в частности, будет излагаться вкупе с событиями локального характера.

2.1 Факторы изоляционизма во внешней политике Ататюрка

На сегодняшний день в турецком обществе Ататюрк без преувеличения воспринимается как культовая историческая личность. Даже, несмотря на некоторое противоречивое отношение части турецких граждан к его деятельности на посту первого руководителя государства, фактически никто не отрицает вклад Мустафы Кемала в формирование Турецкой республики в ее нынешних границах. Начало первой мировой войны и последовавший за этим событием процесс распада Османской империи в известном смысле стали одним из самых переломных моментов в истории данной страны, когда под большим вопросом оказалось само ее физическое существование. В этом месте следует коротко остановиться на обстоятельствах, приведших к возникновению такого рода критической ситуации.

Как известно, в свое время османское государство относилось к числу наиболее сильных мировых держав. Пик его могущества пришелся на XVI и XVII века, когда турецкие султаны контролировали обширные территории на европейском, азиатском и африканском континентах. Кроме того, турки были

доминирующим игроком в Восточном Средиземноморье. В тот период по уровню военного, экономического и технологического развития империя как минимум не уступала другим крупным европейским государствам. Однако затем здесь начался процесс медленного упадка. Уже в последней четверти восемнадцатого столетия турки стали значительно отставать от своих европейских конкурентов с точки зрения военно-экономической силы [44, с. 8-9]. Неудивительно, что на этом фоне территория Османской империи с этого момента постоянно сокращалась, главным образом в результате различных военных конфликтов.

В девятнадцатом веке положение турок только ухудшалось. Именно тогда возник знаменитый термин «больной человек Европы». Сложная экономическая обстановка, внутренние восстания, войны с внешними силами и другие факторы оказывали перманентное давление на османское государство. В сложившихся обстоятельствах, когда уже из-за своей очевидной слабости империя оказалась под риском полного разрушения, от турецких руководителей требовались экстренные шаги. В итоге на определенном этапе была инициирована попытка масштабных реформ государства по западному образцу, которые остались в истории под названием Танзимат. Эти преобразования прежде всего были направлены на социально-политическую модернизацию страны, в том числе и в сферах государственного администрирования, образования и армии. В результате в 1876 году появилась первая официальная конституция Османской империи. Одновременно с этим был учрежден выборный парламент, где принимали участие представители различных общин страны.

Вскоре после этого началась война с Российской империей, которая привела к тяжелым последствиям для османов. В ситуации безысходности, когда российские войска стояли у ворот Стамбула, султан Абдул-Хамид II был вынужден подписать мирный договор с противником в январе 1878 года. В результате соглашения империя потеряла 40% своей территории с многочисленным населением. В рамках договора к России отходили в том числе три восточные провинции – Карс, Ардахан и Батуми [76, с. 28]. Тогда же турецкий правитель распустил парламент и приостановил действие основного закона страны. Абдул-Хамид II рассматривал вопрос концентрации власти в своих руках в качестве эффективного функционирования государственного аппарата в кризисных условиях, в частности в ситуации постоянной военной угрозы. Действительно, в период с 1882 по 1908 года владения турецкого султана оставались относительно нетронутыми [76, с. 29]. Хотя в отдельных случаях власть султана была чистой формальностью.

Тем не менее, в конечном счете все эти процессы не помогли полностью изменить общую картину. Страна продолжала сталкиваться с серьезными трудностями различного характера. Но даже при таком раскладе империя просуществовала еще продолжительное время, чем могли себе представить внешние наблюдатели в те годы. Одна из причин подобного не в последнюю очередь заключается в геополитической обстановке на европейской арене, которая сформировалась именно ко второй половине XIX века. Присутствие нескольких равносильных держав становилось важным преимуществом для

турецких султанов, так как ни одна из сторон не была заинтересована в усилении конкурентов за счет поглощения османских территорий. Показательно, что в феврале 1878 года в ответ на продвигающуюся российскую армию и реальную угрозу захвата ею стамбульских проливов британский военный корабль прошел через Дарданеллы, что являлось явной демонстрацией силы. В связи с риском прямой конфронтации с Британией Россия была вынуждена остановить наступление на столицу Османской империи.

Так или иначе очередной удар по стабильности государственности османов был нанесен в 1908 году. В начале прошлого столетия внутри империи зародилось политическое движение младотурков, которое объединяло в себе различные оппозиционно настроенные группы населения. Среди основных целей данной организации провозглашались ограничение власти султана, а также восстановление конституционного порядка и возобновление работы парламента. В общем смысле младотурки выступали за политическую либерализацию.

В июле 1908 года группа офицеров из числа базировавшейся в Салониках третьей османской армии подняла восстание. За короткие сроки обстановка резко накалилась. Оказавшись в сложном положении, султан пошел на требования мятежников, и объявил вторую конституционную эру. Важно подчеркнуть, несмотря на свой жесткий стиль правления, после прихода к власти в 1876 году «Абдул-Хамид II продолжил процесс защитной модернизации, в частности через административные реформы и расширение образовательной системы, но по иронии судьбы, как и везде процесс модернизации породил и усилил элементы оппозиции к его режиму. Эти элементы оппозиции, обучавшиеся в модернизированных школах с позитивистским взглядом и ревностной националистической идеологией, организовались в Партию единения и прогресса, и в конечном счете взяли контроль над политической властью» [11, с. 39-40].

Сразу после революции младотурок начался новый этап либерализации внутри империи. Однако изначальная эйфория населения, вызванная надеждами на позитивные перемены, быстро сменилась некоторым разочарованием. Резкое внедрение демократических принципов привели к серьезной политической нестабильности. В принципе с точки зрения истории с подобной проблемой фактически всегда сталкивались или продолжают сталкиваться такого рода восточные общества, где прежде отсутствовали традиции западной демократии. Прежде всего, неспособность различных групп договориться в рамках либерального формата создает большую напряженность для всей государственной системы.

Более того, как часто бывает в таких случаях, сложившейся кризисной ситуацией моментально воспользовались противники режима. В октябре 1908 года Австрия захватила Боснию-Герцеговину. В то же время Болгария объявила о своей независимости, а Греция аннексировала остров Крит. В 1910 году албанцы подняли восстание, и к сентябрю 1912 года добились самоуправления в рамках империи. Отметим, борьба за независимость от турецкой власти шла и на других подданных землях империи. В свою очередь в 1911 году Италия

вторглась в османские владения в Ливии. Осенью 1912 года четыре страны так называемой «балканской лиги» – Болгария, Сербия, Греция и Черногория инициировали совместное военное нападение на Османское государство. Данный инцидент вновь закончился территориальными потерями для турок [44, с. 24-25]. Империя вошла в период стремительной дезинтеграции. Естественно, все эти события негативно сказывались на морально-психологическом состоянии общества. Дополнительным давлением становилась весьма плачевная ситуация в экономике. Неудивительно, что данный политический хаос и паралич системы в конце концов создали благоприятные условия для установления в 1913 году фактически единоличного режима Партии единения и прогресса. Вместе с этим завершился непродолжительный этап демократизации страны по западноевропейским стандартам.

Именно в такой обстановке и подошла Османская империя к началу Первой мировой войны, где она была союзником Германии. Однако поражение так называемых центральных держав предредило судьбу некогда могущественного государственного образования османов. В результате конфликта значительная часть страны, в том числе ее столица Стамбул находились под оккупацией. После окончания военных действий в 1918 году победители вполне ожидаемо перешли к процессу раздела территории империи. Планы Антанты по этому поводу были сформулированы в рамках Севрского договора от августа 1920 года, содержащий в себе весьма тяжелые условия для проигравшей стороны. Так, согласно документу, турки отказывались от всех владений на Ближнем Востоке. Среди прочего Сирия переходила под протекторат Франции, а британцы получали мандат на управление Палестиной и Ираком. В свою очередь Измир и его окрестности, Фракия и эгейские острова передавались Греции. Вопрос о юридической принадлежности Измира должен был решаться через пять лет на референдуме. Италия же теперь контролировала архипелаг Додеканес вместе с Родосом, что во многом лишало турок контроля над морскими территориями. Кроме того, на востоке и юго-востоке страны предполагалось создание отдельных независимых государств курдов и армян. Хотя Стамбул оставался в руках османского правительства, тем не менее, над проливами устанавливался международный надзор [11, с. 45]. При этом, что интересно, еще раньше в ходе войны Британия согласилась в случае победы Антанты передать Стамбул и его проливы царской России. Но впоследствии произошедшая большевистская революция и досрочный выход россиян из конфликта в итоге не позволили реализоваться указанному проекту.

Естественно, что подобная полная капитуляция собственных властей вызывала огромное недовольство в турецком обществе. На этом фоне здесь возникло движение сопротивления оккупационным силам под лидерством Ататюрка. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в середине 1919 года. Во время конгрессов в Эрзеруме и Сивасе сторонники борьбы за независимость приняли программу действий под названием Национальный пакт. Указанный проект был официально утвержден последним османским парламентом в начале 1920 года. Основная идея пакта заключалась в восстановлении территориальной целостности османского государства. Хотя в

контексте этой задачи четкие границы не обозначались, тем не менее, Ататюрк и его соратники не стремились вернуть контроль над бывшими ближневосточными владениями. Исключение составляли лишь Александретта (Хатай) в Сирии и провинция Мосул в Ираке, где говорящее на турецком и курдском языках население составляло ощутимую долю жителей.

Тем временем в конце 1919 года Мустафа Кемаль вместе со своим штабом обосновался в Анкаре, которая с этого момента становилась центром управления по организации народно-освободительной войны. При этом турецкий султан изначально не поддерживал позицию сторонников военной конфронтации с иностранными захватчиками. Поскольку он опасался, что такой сценарий может привести к еще более тяжелым последствиям, в частности к потере самого Стамбула. Более того, в результате таких разногласий «османское правительство обвинило Мустафу Кемалья и ряд других националистических лидеров в государственной измене» [76, с. 477]. Но, как показала история, решительные действия Ататюрка были вполне оправданными. В противном случае, политическая карта республики сейчас выглядела бы совсем иначе, где общая площадь могла быть существенно меньше. К тому же страна потенциально оказывалась географически изолированной.

Только благодаря вооруженному противостоянию турецкие силы достигли большинства территориальных целей, определенных в рамках вышеуказанного Национального пакта. Официальная легитимность новых границ произошла с подписанием в июле 1923 года Лозаннского мирного договора. Правда, тогда задача включения Мосула и Хатая в состав нового государства осталась невыполненной. Тем не менее, в дальнейшем после образования современной Турции ее руководители продолжают добиваться присоединения этих регионов. Об этом речь пойдет ниже в тексте. Еще одним важным моментом соглашения стала демилитаризация турецких проливов по обеим сторонам. Пересмотр данного пункта впоследствии также станет одним из главных внешнеполитических стратегий независимого турецкого правительства.

Таким образом, вскоре после лозаннской встречи 29 октября 1923 года была провозглашена независимая Турецкая республика. 3 марта 1924 года произошло важное решение в виде официального упразднения халифата. Тогда же последний халиф Абдул-Меджид II отправился в ссылку. Таким образом, символы прошлой имперской власти окончательно вытеснялись из политической жизни. Спустя месяц в Турции приняли новую конституцию. Среди прочего в законе за Анкарой закреплялся статус столицы турецкого государства. Все эти события в конечном счете означали зарождение современной республиканской эры в истории Турции. Вполне ожидаемо Ататюрк стал первым президентом страны. В свою очередь один из его ближайших соратников Исмет Иненю был выбран в качестве премьер-министра. Отметим, привилегированный статус представителей армии как основателей современной Турции позволил им занять многие ключевые посты сразу в послевоенный период.

Между тем с обретением суверенитета военно-гражданское правительство в Анкаре оказалось перед огромным количеством вызовов. Прежде всего в

экономическом плане Турция находилась в состоянии глубокого упадка. Вовлеченность в длительный военный конфликт привела к значительным разрушениям материального характера и истощению финансовых ресурсов. Республика тогда еще не обладала развитой промышленной базой, которая могла бы стать драйвером роста. Количество предприятий и фабрик было весьма ограниченным. При этом большинство из них находилось в руках иностранного капитала. Важно подчеркнуть, что в целом исторически Анатолия по уровню индустриализации и экономического развития традиционно сильно отставала от европейских провинций Османской империи [45, с. 14]. Естественно, с ее распадом основные производственные точки остались за пределами границ нового государства.

Кроме того, с точки зрения негативного влияния на экономическую ситуацию немаловажным фактором выступал демографический аспект. Так сложилось, что во время османского правления наиболее активной экономической частью населения были поданные империи из числа немусульманских общин. Подобная картина наблюдалась практически повсеместно, включая и современную территорию Турции. «Даже в маленьких городах и деревнях Анатолии класс купцов и ремесленников, в том числе кузнецы, плотники, портные, а также лавочники и торговцы состояли в основном из греков, армян и евреев» [45, с. 15]. Однако вследствие внешнего воздействия, в первую очередь из-за различных военных действий на последнем этапе существования Османской империи, данная категория граждан к моменту образования республики катастрофически сократилась в численности. Такая динамика объяснялась не только показателями смертности, но в значительной степени и процессами переселения тех же христианских жителей.

Здесь следует отметить, что во времена султаната религиозная принадлежность воспринималась в качестве одного из наиболее важных маркеров групповой идентичности. Соответственно, впоследствии в условиях войны фактор вероисповедания моментально становился движущей силой идеологического раскола по линии свой-чужой. С этой точки зрения граждане немусульманского происхождения во многом рассматривались местными властями как нелояльные государству элементы. Таким образом, в результате насильственной депортации или же вынужденной эмиграции и случился большой отток греков, армян и других этнических групп из страны. Правда, здесь ради справедливости стоит сказать, что на протяжении длительного периода происходила противоположная тенденция по вытеснению мусульман с Балкан и других окраин империи. Каждая потеря османским государством той или иной территории приводила к наплыву многочисленных беженцев в Анатолию. Что важно, переселенческий процесс продолжился и после подписания мирного соглашения в 1923 году. Напомним, в контексте лозаннских переговоров Афины и Анкара договорились об обмене населением. Приблизительно 900 тысяч христиан отправлялись в Грецию, тогда как в обратном направлении около 400 тысяч мусульман эмигрировали в Турцию.

Помимо миграционного эффекта огромными были и прямые людские потери от военных действий. По некоторым данным, из-за вооруженных

конфликтов во время Первой мировой войны и последовавшей за этим событием кровопролитной борьбы за независимость 2.5 миллиона анатолийских мусульман, 600-800 тысяч армян и 300 тысяч греков погибли. Вследствие только фактора смертности общее население страны снизилось на 20 процентов. При этом в восточных провинциях сокращение жителей составило 50% [11, с. 49]. Естественно, с учетом переселения падение общей численности было еще большим.

В конечном счете с точки зрения социально-экономической реконструкции тогда руководство независимой Турции столкнулось с проблемой дефицита профессиональных кадров, которая была во многом связана с выездом наиболее подготовленной части населения в лице уже бывших граждан христианского происхождения. Тем временем даже среди оставшихся 12 миллионов человек большинство приходилось на детей, женщин и стариков. На этом фоне актуализировалась проблема нехватки рабочих рук в целом. Более того, ощутимую долю местных жителей составляли недавние беженцы из когда-то принадлежавших Османской империи регионов. Вопросы их жизнеобеспечения становились огромным бременем для правительства. В совокупности все эти демографические процессы значительно усугубляли общую ситуацию в экономической сфере.

При этом изначально не повестке дня стоял вопрос выплаты Анкарой внешних долгов, доставшихся ей в наследство еще от османского правительства. Республика должна была вернуть международным акторам финансовые задолженности империи в размере 62% от всех ее денежных обязательств, взятых до 1912 года, а также 77% общего займа, полученных уже после указанной даты. Согласно различным расчетам общая возвращаемая сумма равнялась 500 млрд \$ в ценах 2011 года [13, с. 31-32]. Однако страна объективно не была в состоянии моментально погашать такого рода огромный кредит. Более того, Турция тогда остро нуждалась в дополнительных вливаниях, что во многом обуславливалась ее большим торговым дефицитом. В соответствии с договоренностями от 1923 года республика либо полностью отменяла, или же держала на весьма низких уровнях пошлинные тарифы на ряд ввозимых из-за рубежа промышленных товаров в течение пяти лет [15, с. 138]. Естественно, что это привело к резкому увеличению импорта и торгового дисбаланса, следовательно, вызывало дальнейший рост государственного долга. Данное ограничение было снято только к 1929 году, когда наступила так называемая Великая депрессия.

Между тем глобальный финансовый кризис стал причиной пересмотра экономической политики властей. Вместо свободных рыночных отношений турецкое правительство взяло курс на огосударствление экономической сферы. Данный процесс осуществлялся посредством национализации различных активов, в том числе и за счет приобретения подконтрольных иностранцам объектов. Впрочем, в тот момент тенденция усиления роли государства в экономике в качестве ответной реакции на возникшие кризисные условия наблюдалась во многих регионах мира. В этом отношении произошла некая дискредитация либеральной системы. Однако для многих кемалистов внедрение государственной монополии рассматривалось не как исключительно

вынужденная и временная мера, а по большому счету виделось основной парадигмой экономического развития страны в долгосрочной перспективе. Поэтому ведущая роль правительства в экономике сохранялась и в последующие периоды. Такое стремление в том числе отразилось в принятии здесь по примеру СССР первого пятилетнего плана по индустриализации в 1933 году. Здесь важно подчеркнуть, что с экономической точки зрения главная долгосрочная задача турецкого руководства заключалась в достижении республикой определенной самодостаточности в стратегических секторах, тем самым, снизить зависимость от внешнего мира.

Тем не менее, несмотря на свои определенные преимущества, командно-административная модель имела и серьезные недостатки. Главным образом неразвитость частного капитала так или иначе сдерживало повышение конкурентоспособности. Тем более в отличие от Советского союза Турция не обладала достаточными внутренними ресурсами для эффективной реализации централизованной программы по развитию промышленности. Не в последнюю очередь эти обстоятельства долгие годы не позволяли Турции сделать рывок и выйти из состояния сравнительно примитивной экономики с преобладающим аграрным сектором. Показательно, что к началу 1930-х годов в республике функционировало только 282 индустриальных предприятий, из которых больше 80 процентов занимались производством текстильных и продовольственных товаров [13, с. 32]. Тем временем в тот период доля сельского хозяйства составляла не менее половины в общей структуре внутреннего валового продукта [45, с. 17].

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что с самого начала экономическая слабость ставила Анкару в некоторой степени в уязвимое положение, в особенности касательно ее отношений с западными партнерами. Зависимость от иностранных источников финансирования вкупе с проблемой выплаты огромного международного долга подталкивала Турцию к проведению более осторожной, можно сказать даже миролюбивой политики на внешней арене. Нехватка денежных средств среди прочего отрицательно сказывалась на задачах модернизации и перевооружения армии. Еще во времена Первой мировой войны было очевидным значительное отставание турок от крупных европейских держав в плане оснащения солдат современными средствами вооружения и военной техники. В дальнейшем с годами этот разрыв только усиливался. Без эффективной армии Анкара не могла позволить себе действовать наступательно в защите собственных интересов. Соответственно, дипломатия и поиск компромисса стали главным инструментом внешнеполитической стратегии республики. Подобный подход был особенно заметен позднее в годы Второй мировой войны.

На первом этапе независимости для Ататюрка с точки зрения внутренних задач помимо экономического восстановления еще одним острым вопросом представлялась социально-политическая модернизация страны. Между прочим, данный процесс с самого начала наталкивался на серьезное сопротивление преимущественно консервативных местных жителей и различных религиозных групп влияния. С образованием современной республики прошлая имперская

модель государственного и общественного устройства по вполне объективным причинам теряла свою актуальность. Теперь новая конструкция должна была создаваться на основе национального государства по западноевропейскому образцу. В принципе с окончанием Первой мировой войны, которая спровоцировала разрушение европейских империй, подобное стремление тогда стало всеобщим трендом на континенте.

С другой стороны, турецкие власти пытались эксплуатировать в своих интересах фактор национализма как движущую силу процесса нациестроительства [12, с. 99]. Тем более, только что завершившаяся борьба за независимость как раз продемонстрировала высокую эффективность национализма в плане мобилизации общества. В свою очередь кардинальное изменение демографического состава страны создавало относительно благоприятные условия для реализации такого проекта. На момент получения независимости Турция представляла из себя страну со значительно преобладающим мусульманским населением. Удельный вес христиан находился в пределах нескольких процентов. В своем большинстве они были сосредоточены в крупных городах, в частности в Стамбуле. В данном контексте важно отметить, что обсуждение на лозаннских переговорах темы обмена гражданами как раз и соответствовало общей идеологической установке турецкой стороны. Формирование сравнительно гомогенного в религиозном плане населения было продиктовано не только вопросами безопасности, когда в прошлый имперский период европейские державы использовали местных христиан как инструмент геополитической борьбы с целью ослабления османского режима. Естественно, турецкие власти определенно пытались нивелировать такие риски. Однако здесь не менее важным мотивом являлась планируемая задача нациестроительства. Присутствие существенного количества греков и других крупных этносов христианского вероисповедания с сильной собственной самоидентификацией, безусловно, затруднили бы создание общего для всех жителей идентичности. Тем не менее, следует подчеркнуть, в этническом отношении республика все еще оставалась весьма неоднородной. Самой крупной группой были курды, которые по разным данным на тот момент составляли 10-15% от всех граждан [44, с. 40]. Между прочим, изначальная попытка властей касательно их ассимиляции в рамках единой турецкой нации не увенчались успехом. И в дальнейшем курдский вопрос превратился в одну из центральных проблем для турецкого государства.

Примечательно, что в мировоззрении кемалистов процесс модернизации интерпретировался сквозь призму идеи вестернизации. Под этим термином подразумевалось полное заимствование всех компонентов западного образа жизни начиная от обязательного использования европейского стиля одежды, уравнивания всех гражданских и политических прав женщин с мужчинами и заканчивая языковой реформой. В последнем случае изменения касались не только принятия латинского алфавита для турецкого языка, но и заменой арабских и персидских слов на вновь изобретенные чисто турецкие значения. Все эти и другие процессы в определенной степени символизировали некий разрыв новой Турции с ее османским прошлым. Подобный подход отражался и

на внешнем курсе. Особенно на первом этапе становления республики правительство Ататюрка пыталось максимально дистанцироваться от ближневосточных дел.

Между тем наиболее сложным вопросом в контексте кемалистской модернизации, безусловно, выступал переход на секулярную систему всей общественно-политической жизни страны. В целом внедрение секуляризма представлялось краеугольным камнем стратегии по трансформации турецкого социума. Именно этот момент и вызвал больше всего скепсиса со стороны местных жителей, которые в своей массе были весьма религиозными. Радикальные изменения касательно роли ислама побудили крайне негативную реакцию большинства турецких граждан, так как эти реформы напрямую затрагивали основу их мировоззрения.

С точки зрения секуляризации немаловажным обстоятельством являлись личные принципы и взгляды самого Ататюрка. Мустафа Кемаль родился в Салониках, что находится в современной Греции. В XIX веке данная местность считалась культурным центром Османской империи. Следовательно, это накладывало отпечаток на среду, где пользовались популярностью последние тенденции в европейской и французской мысли. При этом молодой Ататюрк посещал в Салониках курсы французского языка. Можно сказать, что будущий турецкий лидер с самого юного возраста подвергался воздействию различных идей извне. В том числе это касалось концепции лаицизма – французской формы секуляризма, которая трактовала светскость как полную свободу от религии в образовательной сфере, публичной политике и государственных делах. В дальнейшем Мустафа Кемаль продолжил свое обучение в османских военных учебных заведениях, функционировавших по западноевропейскому формату. Сначала в средней школе в Битоле, расположенной на территории нынешней Северной Македонии, а затем в стенах университета в Стамбуле он еще больше впитывал в себя смысл европейской модернизации. По большому счету, «как представитель учебных заведений, находившихся на передовом крае османской культуры, Ататюрк прежде всего был продуктом османской вестернизации, а не ее создателем» [26, с. 26].

Не в последнюю очередь именно собственные убеждения Ататюрка впоследствии и легли в основу его инициативы касательно внедрения в турецком социуме весьма жесткого по своей форме французско-якобинского секуляризма. Здесь важно подчеркнуть, что отцы-основатели современной Турции в целом отрицали османское культурное наследие и пытались стереть его основные составляющие из общественной памяти. В данном контексте реформы кемалистов в том числе были нацелены против ценностей прежнего режима. В этом вопросе центральная роль отводилась мусульманской религии, которую новые власти рассматривали в качестве препятствия на пути к прогрессу [27, с. 48]. Тем не менее, нельзя сказать, что республиканская элита ставила перед собой задачу полного запрета ислама. Скорее всего, главным ориентиром являлась ликвидация доминирующей социально-политической роли ислама внутри общества. Поэтому кемализм, все-таки, стремился контролировать религию и ограничить ее деятельность частной и духовными сферами.

Первым шагом властей в этом направлении была вышеупомянутая отмена халифата в 1924 году. Согласно конституции, теперь парламент объявлялся единственным законным представителем нации. Одновременно с этим остатки шариатской судебной системы теперь окончательно заменялись светским правом. В том же 1924 году правительство учредило Управление по делам религии (Diyanet). На указанную структуру возлагалась ответственность по организации обучения и назначения имамов. При этом содержание их проповедей строго контролировалось. Собственно говоря, служители мечети отныне становились фактически госслужащими, получающими официальное жалование от государства. Кроме того, образовательная система полностью переходила на секулярный формат. Проводился постепенный отказ от преподавания религиозных дисциплин в учебных заведениях.

Здесь следует отметить, что кемалистский проект секуляризации в целом осуществлялся поэтапно. Нововведения принимались на протяжении более длительного периода. Так, потеря исламом конституционного статуса официальной государственной религии случилось только в 1928 году. В свою очередь довольно чувствительное решение об обязательном переводе чтения азана – мусульманской традиции призыва к всеобщей молитве с арабского на турецкий язык произошло в 1932 году. Последняя мера в определенной степени олицетворяла собой намерения властей привнести в мусульманскую религию больше турецких элементов, тем самым, национализировать ислам. Наконец-то в 1937 году в основном законе республики появился пункт о светском характере турецкого государства, где секуляризм определялся в качестве одного из шести столпов республики [44, с.41].

Естественно, подобная революционная реформа по проведению масштабной модернизации общества сверху вниз прежде всего требовало жестко централизованной вертикали власти. В противном случае, учитывая сравнительно негативное отношение большинства населения на внутренние преобразования, публичное обсуждение государственной политики в этом вопросе могло заблокировать внедрение нововведений. Тем более Ататюрк прекрасно осознавал общие риски моментального перехода на либеральную модель в условиях неподготовленного традиционного восточного социума. Наглядным примером представлялся недолгий опыт демократизации в османском периоде, когда формат свободной политической дискуссии создал огромные сложности для всей системы. Поэтому с самого начала кемалисты стремились к установлению командно-административного метода управления. На этом фоне вполне закономерно, что многие из них предпочитали режим корпоративизма по сравнению с либеральной концепцией. Как считают *Parla* и *Davison*, с точки зрения кемалистов, «если Запад и был эталоном, то это был националистический, корпоративистский и лаицистский Запад, а не демократизирующийся Запад двух других доминирующих политических идеологических традиций той эпохи – либерализма и марксизма» [11, с. 53].

Тем не менее, в первые годы республиканской эры действующему турецкому правительству все-таки приходилось иметь дело с собственной оппозицией. Тогда на начальном этапе сразу после получения независимости

здесь действовала относительно свободная политическая система. На этом фоне сторонники перехода на конкурентную парламентскую демократию, среди которых присутствовали многие лидеры национально-освободительного движения, в 1924 году образовали Прогрессивную республиканскую партию в противовес правящей Народно-Республиканской партии Ататюрка. Главным образом они были озабочены потенциальной концентрацией в руках Мустафы Кемалья абсолютных полномочий. Собственно говоря, в условиях либерального формата различные действия властей вызывали острую дискуссию в публичном поле. Среди прочего камнем преткновения стал тот же указ об упразднении халифата. Определенные группы выступали против процесса отделения религии от государства. К тому же, резко актуализировалась проблема этнических меньшинств. В частности, представители курдов начали активно поднимать тему расширения своих прав. В некоторой степени картина стала напоминать события османских времен, когда после революции младотурок страна погрузилась в политический хаос.

Затем в феврале 1925 года на территории восточных провинций произошло крупное восстание под руководством курдского племенного и религиозного лидера шейха Саида. Данный мятеж, с одной стороны, был реакцией на секулярную парадигму турецкого государства. Соответственно, повстанцы преследовали цели восстановления халифата. С другой стороны, местное курдское население выступало против насаждения общей турецкой идентичности для всех жителей республики в рамках проекта нациестроительства. Тем самым, вторым важным ориентиром вооруженной борьбы являлось предоставление курдам автономии в компактных ареалах их проживания на юго-востоке страны. В конечном счете данные волнения были жестко подавлены правительством. Среди прочего в качестве превентивной меры властями было инициировано переселение значительного количества граждан курдского происхождения в западные регионы Турции [45, с. 21]. В общем смысле основным результатом данного инцидента стало усиление государством политики туркификации. Соответственно, в ответ на попытки ассимиляции на протяжении 1920-1930-х годов курды организовывали еще несколько восстаний, которые вновь заканчивались сокрушительным разгромом мятежных сил.

Тем не менее, эти антиправительственные выступления оказали огромное влияние на официальную Анкару с точки зрения государственных приоритетов. На фоне курдского вопроса стали возникать параллели с прошлыми событиями. Так, в свое время постепенной дезинтеграции Османской империи не в последнюю очередь способствовал именно фактор национализма. Аналогично в новых условиях теперь уже курдский этнический национализм воспринимался кемалистами в качестве угрозы для территориальной целостности страны. Вследствие такого риска турецкий режим в целях недопущения дальнейшего расшатывания всей системы и укрепления стабильности начал активно подавлять политических противников внутри страны сразу после мятежа шейха Саида. В данном контексте в том числе была закрыта вышеуказанная оппозиционная Прогрессивная республиканская партия. Позже в 1926 году было

совершено покушение на самого Ататюрка [44, с. 42]. После данного инцидента власти стали действовать еще более решительно. Тогда политическое поле было фактически полностью зачищено от оппонентов власти. В результате до середины прошлого столетия Турция оставалась однопартийной страной с политической гегемонией фракции кемалистов.

Но, что важно, несмотря на подобную конструкцию, в тот период идеологический плюрализм в Турции так или иначе сохранялся. Внутри Народно-Республиканской партии действовали разные соперничающие группы, которые в том числе разделялись по мировоззренческим принципам. Государственники-корпоративисты, либералы и социалисты образовывались в неформальные блоки и боролись за влияние на принятие тех или иных решений центральным аппаратом. Подобная картина во многом отражала идейную поляризацию Запада того времени [11, с. 60]. Соответственно, эта ситуация по большому счету подчеркивала сущность внешнеполитической линии Ататюрка, который стремился развивать сбалансированные отношения со всеми основными центрами силы. Предоставление платформы сторонникам в том числе социалистических и либеральных идей как раз воплощало в себе данную доктрину.

Собственно говоря, реформы Мустафы Кемалья представляют большой интерес прежде всего с точки зрения попытки проведения модернизации сверху традиционного восточного общества. Причем, программа масштабной перестройки государства развивалась не под внешним руководством, что было не совсем характерно для колониальной эпохи. Тогда большая часть азиатских и африканских стран и регионов находилась под контролем европейских держав. Соответственно, здесь по большому счету именно местная колониальная администрация сама инициировала внутренние изменения. Основным смыслом подобной политики заключался в повышении эффективности управления над зависимыми территориями.

В свою очередь, выиграв освободительную войну за независимость, кемалисты добились права самим определять собственную повестку дня. В данном контексте запрос на реформирование исходил как раз со стороны турецкой элиты. Между прочим, такая довольно сложная задача должна была осуществляться за относительно короткие сроки. Что важно, в отличие от османской эпохи преобразования Ататюрка носили действительно революционный характер, которые кардинальным образом трансформировали социально-политическую жизнь страны. Более того, можно утверждать, что идеология кемализма формировалась в противопоставлении себя прошлым имперским ценностям: республиканизм-паносманизм, секуляризм-панисламизм, национализм-пантуранизм [12, с. 111]. Младотурки, которые впоследствии оказались у истоков создания новой Турции, рассматривали связанные с предшествующим этапом развития ориентиры общества в качестве главной причины социального и экономического отставания страны. Таким образом, в вопросе модернизации Ататюрк в первую очередь руководствовался идеями всеобъемлющего прогресса республики. Подобная мотивация и являлась движущей силой доктрины кемализма. В этом плане, неудивительно, что именно

наиболее развитые европейские социумы выступали в качестве модели государственного устройства. Следовательно, проект модернизации турецкими лидерами тесно ассоциировался с процессом вестернизации, под которым подразумевалось перенимание западных культурных норм во всех аспектах жизнедеятельности. По этому поводу Мустафа Кемаль как-то заявил, что «война закончилась нашей победой, но наша настоящая борьба за независимость начинается только сейчас – это борьба за достижение западной цивилизации» [11, с. 50].

Тем не менее, кемалисты отвергали полное размывание турецкой идентичности именно на внутреннем ментальном уровне. Другими словами, разработчики проекта вестернизации не преследовали цели воздействовать на национальное самосознание собственных граждан посредством отказа от присущих только им системы ценностей. В данном контексте республиканские власти все еще рассматривали ислам в качестве неотъемлемой части турецкой нации. В рамках модернизации главным образом серьезным изменениям должна подвергнуться роль религии в жизни государства. По сути с точки зрения различных нововведений переход на светскую модель стал для местного населения наиболее сложным аспектом. Многие оказались не готовыми адаптироваться под новую ситуацию. С другой стороны, секуляризация занимало центральное место в концепции кемализма.

В итоге вследствие подобных противоречий произошел некий мировоззренческий раскол внутри социума. Первая группа, составлявшая подавляющую часть турецких жителей, относилась к так называемым «черным туркам», не воспринимавших реформы секулярного характера. В свою очередь светская часть общества неформально называлась «белыми турками». При этом государство в основном взаимодействовало с последними, поскольку рассматривало их как наиболее лояльный к властям сегмент населения. В конечном счете более консервативно-религиозное большинство стало чувствовать себя маргинализированным [27, с. 41]. В дальнейшем данная линия разлома постоянно оказывало огромное влияние на динамику внутриполитической обстановки. Более того, в сегодняшней Турции подобное идеологическое расслоение общества все еще сильно выражено, в особенности это проявляется во время электоральных циклов. Избиратели часто голосуют в соответствии с собственными идеологическими ориентациями, где религиозный аспект выступает одним из главных мотивов.

Если же говорить об общих итогах проекта модернизации страны, здесь весьма сложно дать определенную оценку его результатам. Есть мнение, что «сельская и религиозная масса Анатолии осталась во многом незатронутой культурным реинжинирингом кемализма» [45, с. 26]. Подобное развитие в том числе было обусловлено инерционным сопротивлением глубоко консервативного населения против навязанной сверху европеизации образа жизни. Данная категория граждан особенно враждебно относилась к попыткам секуляризовать общественное сознание. Тем не менее, вследствие реформ Ататюрка произошла институционализация кемалистских принципов. В данном контексте теперь религия полностью вытеснялась на периферию публичного

пространства. Бюрократический аппарат, следовательно, правящая элита по своему содержанию становилась секулярной.

После смерти Мустафы Кемаля в 1938 году концепция кемализма продолжила выступать в качестве господствующей идеологии турецкого государства. Между прочим, любые стремления изменить сложившийся баланс сталкивались с жестким противодействием со стороны прозападно настроенного секулярного истеблишмента. На этой почве военные даже несколько раз совершали перевороты против гражданских правительств. Одним из ярких примеров представляется случай с вынужденной отставкой Неджметтина Эрбакана с поста премьера страны. Тогда в 1997 году как раз под давлением армии Эрбакан, который считался лидером исламистского движения Турции, покинул позицию главы кабинета министров.

Таким образом, кемалистская политическая традиция воспринималась в качестве основы функционирования государства. Подобная картина сохранялась, по крайней мере, вплоть до прихода к власти Реджепа Тайипа Эрдогана в начале двухтысячных годов. В мировоззренческом плане нынешний глава государства многими рассматривается как антитеза Ататюрку. Будучи представителем тех самых «черных турок» Эрдоган по большому счету противопоставляет себя старой элите республики. Более подробно о нюансах такого идеологического конфликта будет рассказано в следующей главе, которая посвящена деятельности нынешнего главы государства.

Возвращаясь к периоду Мустафы Кемаля, важно подчеркнуть, что его внешнюю стратегию можно расценивать как активный изоляционизм. Примечательно, что за время своего правления Ататюрк лично в качестве президента не совершил ни одной зарубежной поездки [11, с. 54]. Такой подход во многом был вызван прагматическими соображениями. В условиях экономической слабости государство не имело достаточных ресурсов для более энергичного вовлечения во внешнюю сферу. Преодоление подобной проблемы зависело от оперативного решения местных задач. В итоге именно локальная повестка дня становилась приоритетным направлением в работе правительства. Сосредоточению на внутренних процессах способствовала и относительно благоприятная ситуация на международной арене. На первом этапе после первой мировой войны европейские державы также были заняты вопросами собственного восстановления. В том числе это касалось и исторического противника в лице России. Здесь все внимание большевистской власти было направлено на проведение масштабных социально-экономических реформ в собственной стране. Соответственно, в тот период СССР не представлял из себя угрозы для турецкой безопасности.

Отметим, что во время борьбы за независимость против войск Антанты именно советское правительство предоставляло Анкаре материально-техническую помощь. Сближение позиции двух стран вылилось в подписание совместного договора о советско-турецкой дружбе в марте 1921 года. Данное соглашение позволило туркам не только закрепить свои восточные границы, но и перенаправить ресурсы на западный фронт военных действий [12, с. 76]. Уже после официального образования Турецкой республики и Советского союза

теплые связи двух стран были подкреплены новым договором от 1925 года. Мустафа Кемаль таким образом стремился к более предсказуемым и стабильным отношениям со своим большим восточным соседом. При этом СССР являлся важным элементом в контексте применения Анкарой политики баланса сил, главный смысл которой заключается в использовании противоречий между крупными игроками в собственных интересах. Между прочим, несмотря на концептуальный антагонизм коммунизма и кемалистского национализма, оба режима базировались на антиимпериалистических идеях, что в некотором смысле являлось объединяющим их обстоятельством. Надо сказать, Анкара и Москва рассматривали Лигу Наций в качестве инструмента продвижения экспансионистских устремлений западноевропейских государств [19, с. 18].

Однако, вопреки провозглашению курса на изоляционизм и невмешательство, следовательно, отказа от реваншистских и ирредентистских намерений, нельзя сказать, что турецкие лидеры совсем не занимались внешнеполитическими делами. Наоборот, с объявлением независимости они моментально приступили к работе над перечнем конкретных задач, которые в основном были связаны с отдельными положениями лозаннского договора. Как ни парадоксально, но турецкая сторона в этом случае стремилась подвергнуть некоторые пункты соглашения к пересмотру. Так, в соответствии с проектом Национального пакта Анкара все еще не оставляла попыток инкорпорировать в состав республики иракский Мосул. Богатая нефтью данная провинция главным образом была населена курдами, составлявших примерно три четверти от всего населения региона. Однако сам город Мосул являлся больше арабским. Помимо этих двух этнических групп здесь также проживало значительное количество тюркоговорящих туркоманов [44, с. 42]. В целях урегулирования данного спора начались интенсивные переговоры с британцами. Естественно, Лондон категорически отказывался уступать эту область Турции. Стратегическое расположение Мосула, а также энергетические ресурсы области представляли огромную геополитическую ценность. Тем самым, передача региона под юрисдикцию Анкары означало бы в том числе серьезное усиление ее экономических позиций.

На этом фоне британцы вынесли дискуссию на уровень Лиги Наций, где они выступали одной из стран-основателей. В свою очередь Турция тогда еще не участвовала в работе данной организации. В конечном счете специально созданная комиссия вполне предсказуемо поддержала позицию именно Великобритании. Турки тогда отказались признавать указанное решение. Ситуация фактически оказалась в подвешенном состоянии. Тем не менее, весьма неожиданно спустя некоторое время турецкое правительство диаметрально поменяло свою точку зрения по этому вопросу. В июне 1926 года был подписан документ, согласно которому Мосул оставался частью Ирака. В обмен турки получали право на роялти в размере 10 процентов от нефтяных продаж провинции сроком на 25 лет [45, с. 32].

По большому счету такое развитие выглядело как сильная уступка со стороны Анкары. В действительности турецкие власти абсолютно не были готовы идти на прямой конфликт с Соединенным Королевством. Между прочим,

англичане на протяжении всего переговорного процесса демонстрировали серьезную решительность в отстаивании своих интересов. В случае эскалации проблемы в качестве крайней меры они даже планировали перекрыть Дарданеллы [44, с. 43]. На действия Турции в немалой степени повлияли и события вокруг вооруженного восстания шейха Саида в 1925 году. Вследствие данного происшествия потенциальное увеличение численности курдов внутри республики с присоединением Мосула теперь уже представлялось в качестве дополнительного риска. Под влиянием указанного обстоятельства кемалистский режим был вынужден переосмыслить свою стратегию.

Тем временем территориальные притязания Турции касательно Хатая аналогичным образом столкнулись с сопротивлением уже другой европейской державы. На этот раз в качестве оппонента выступала Франция, под мандатом которой и находилась Сирия. Однако в случае Хатая ситуация все же несколько отличалась. Главная особенность заключалась в структуре населения, где турки составляли около 40 процентов от всех жителей. Примерно столько же насчитывалось арабов-мусульман. Также имелась группа арабских христиан и армян в количестве чуть более 20% [44, с. 50]. Подобная демографическая картина сыграла значительную роль в предоставлении провинции автономного статуса. Соответственно, местные общины обладали административным самоуправлением и сохраняли широкие культурные права.

До определенного момента сложившаяся ситуация устраивала все стороны. Но по ходу приближения даты сирийской независимости вопрос Хатая вновь резко обострился. Официальные турецкие лица инициировали активную дипломатическую кампанию относительно передачи региона Анкаре. Хотя Дамаск выступал против такого сценария, но решающее значение имело прежде всего позиция Парижа. Между прочим, тогда на фоне надвигавшейся масштабной войны в Европе французы и британцы стремились завоевать лояльность такого важного игрока как Турция. Кемалисты эксплуатировали неожиданно возникший международный фактор для достижения своих территориальных целей. Таким образом, тема Хатая стала частью большой сделки между Анкарой, Лондоном и Парижем по созданию военного альянса против гитлеровской Германии. На этом фоне в 1938 году при поддержке турецкого государства была провозглашена суверенная Республика Хатай. Показательно, что подобное развитие не вызвало особой реакции у французов. В конечном счете в 1939 году был проведен референдум среди местных жителей, по результатам которого регион вошел в состав Турции.

Между тем ухудшение международной обстановки в 1930-х годах вынуждало Анкару более активно вовлекаться во внешние дела. На фоне развернувшейся гонки вооружений на европейском континенте одновременно резко усиливалась общая напряженность между странами. Естественно, данная тенденция напрямую затрагивала интересы Анкары, в первую очередь в плане ее безопасности. С этой точки зрения наиболее серьезной проблемой представлялась экспансионистская политика Италии во время правления Муссолини.

Важно подчеркнуть, что в тот момент итальянцы контролировали Додеканесский архипелаг. Естественно, милитаризация этих островов, в том числе и Родоса, расположенного лишь в 18 км от турецкого побережья, вызывала серьезную обеспокоенность правительства Мустафы Кемала. Указанный факт воспринимался как потенциальная угроза в контексте стабильности турецкой коммуникации в Восточном Средиземноморье. При этом итальянское продвижение наблюдалось и в других направлениях. Так, в марте 1936 года после двустороннего договора Албания фактически перешла под внешнее управление этой страны. В том же году в мае месяце Италия аннексировала Эфиопию. Все эти события в определенной степени укрепляли мнение об агрессивной внешнеполитической стратегии Муссолини. Причем, сам дуче не скрывал таких намерений. В одном из своих выступлений в 1934 году он заявил, что его цель «контролировать Средиземное море, оккупировать северную половину Африки и проникнуть на Ближний Восток» [11, с. 55]. Естественно, страны региона, в том числе и Турция, с большой тревогой наблюдали за этими действиями итальянского правительства. В итоге сложившаяся ситуация подталкивала Анкару к принятию ответных мер. В связи с этим Ататюрк начал углублять сотрудничество с балканскими государствами.

В вопросе реализации турецкого плана Греция выступала краеугольным камнем. Соответственно, это требовало от Анкары восстановления добрососедских отношений с ней. С учетом исторических факторов такая задача выглядела довольно сложной. Однако в конце концов прагматизм вышел на первое место. Перед общей итальянской угрозой обе стороны проявляли заинтересованность в налаживании более тесных связей, несмотря на давно существующие двусторонние проблемы территориального и иного характера. Именно по инициативе греческого премьера Венизелоса были сделаны первые шаги в этом вопросе. В октябре 1930 года во время его визита в Анкару страны подписали договор о дружбе и нейтралитете. Через год уже глава турецкого кабинета министров Иненю совершил ответную поездку в соседнее государство. Урегулирование конфликта с греками дало возможность созданию так называемого Балканского пакта между Турцией, Грецией, Югославией и Румынией в 1934 году. Главным образом этот альянс был нацелен на сохранение нейтралитета его участниками в случае нападения иностранной армии на одного из членов объединения. Обязательство по невмешательству в том числе предполагало, что страны не должны предоставлять внешним силам свою территорию в качестве плацдарма для атаки. Анкара таким способом стремилась укрепить западные границы республики. Но эта идея осталась не до конца реализованной, поскольку Болгария отклонила предложение войти в данную организацию в связи с ее сохраняющимися территориальными спорами с Белградом и Афинами. Следовательно, болгарский фронт оставался уязвимой точкой в плане безопасности.

Сближение с Грецией с точки зрения кемалистов носило также символический характер, поскольку позволяло режиму продемонстрировать западному миру свою проевропейскую ориентированность. В изменившихся условиях внешней среды, когда тема военной безопасности вновь вышла на

повестку дня, Турция пыталась укрепить отношения с основными центрами силы. Отражением этой стратегии стало вхождение республики в 1932 году в Лигу Наций. Членство в данной организации предоставляла возможность использовать главную на тот момент международную платформу в целях продвижения собственных интересов. В соответствии с этой установкой начиная с 1933 года Анкара все активнее поднимала проблему о необходимости внесения корректировок в пункт лозаннского соглашения относительно статуса проливов. Принятое тогда в 1923 году решение по демилитаризации Босфора и Дарданеллы турецкие власти изначально считали невыгодным для себя. Прежде всего, в военном плане это обстоятельство ставило республику в уязвимое положение с точки зрения защиты своих западных границ в случае вооруженной агрессии извне.

Но на первом этапе остальные подписанты лозаннского договора особо не проявляли готовности обсуждать данную проблематику. Однако по мере стремительно развивавшейся ситуации вокруг итальянской экспансии в регионе позиция других участников стало постепенно меняться. В этом отношении некий поворотный момент наступил осенью 1935 года, когда итальянцы вторглись в Абиссинию. Естественно, этот шаг напрямую затрагивал геополитические интересы тех же британцев, которые всегда считали данный регион традиционной сферой своего влияния. В результате данного инцидента Лига Наций даже ввела экономические санкции против Рима [15, с. 224], хотя они оказались малоэффективными и впоследствии были отменены. Тем не менее, очевидные внешнеполитические амбиции Муссолини так или иначе спровоцировали ответные меры конкурирующих блоков. В данном контексте усиление Турции рассматривалось как инструмент противодействия итальянской угрозе. Следовательно, возникшие условия открывали широкие возможности для модификации соглашения о проливах. С другой стороны, сами британцы предполагали, что в случае отказа от выполнения турецкого запроса, Анкара может в одностороннем порядке решить данный вопрос в свою пользу [44, с. 47].

Последним препятствием на пути установления нового правового режима на проливах являлись разногласия относительно внутренних параметров сделки. Камнем преткновения выступали механизмы регулирования прохода кораблей, принадлежащих нечерноморским государствам. Хотя советские власти были согласны на ремилитаризацию каналов, но в то же время они стремились полностью запретить присутствие военных судов третьих стран в акватории черного моря. Тем самым, СССР рассчитывал обезопасить свои рубежи на данном участке при возникновении военной угрозы, а также занять место единственной доминирующей силы в регионе. Вполне ожидаемо такая позиция Москвы наткнулась на противодействие британцев, которые, наоборот, стремились сохранить доступ к такому геополитически важному водоему. В итоге компромиссным решением стало введение против нечерноморских государств ряда ограничений, а именно по количеству, срокам и тоннажам их военных кораблей. При этом здесь во время переговорного процесса турки добились определенных преференций. Так, в случае своего участия в войне

республика может распоряжаться проливами по собственному усмотрению, включая перекрытие каналов для всех без исключения судов иностранных армий [15, с. 229]. Таким образом, 20 июля 1936 года в швейцарском городе Монтре была подписана официальная конвенция об модифицированном статусе Босфора и Дарданеллы, которая, кстати говоря, действительна до сегодняшнего дня.

Подписание данного договора при поддержке ее западных партнеров в некотором смысле ознаменовало собой кардинальный поворот внешнеполитического курса Турции. Эрозия сформировавшейся после первой мировой войны международной системы коллективной безопасности приближала ситуацию в мире к масштабной войне. С учетом подобной перспективы турецкая тактика изоляционизма оказывалась нецелесообразной, поскольку военно-экономическая слабость делала страну уязвимой перед потенциальной агрессией более сильных игроков. В результате рациональным шагом виделось вхождение в разного рода альянсы с крупными державами, способных в случае необходимости обеспечить Анкаре помощь и защиту территориальной целостности. В данном контексте приоритетным вектором турецкой внешней политики неслучайно рассматривались Британия и Франция. Такой выбор был мотивирован доминирующей ролью этих государств в международных отношениях того периода. Кемалисты на этот раз пытались избежать ошибок прошлого, когда во время четырехлетней войны 1914-18 годов турки оказались на проигравшей стороне, что в конечном счете повлекло за собой серьезные последствия для них в виде оккупации войсками Антанты. Теперь же турецкие власти рассчитывали на победу британцев и их союзников в предполагаемой войне. В соответствии с этой парадигмой в октябре 1939 года после многомесячных переговоров Турция, Великобритания и Франция подписали трехсторонний оборонный пакт о взаимной помощи.

Но, с другой стороны, данный договор нельзя рассматривать как отказ турецкого руководства от сбалансированных отношений с другими европейскими столицами. Все-таки альянс с Парижем и Лондоном выступал как часть новой внешнеполитической стратегии кемалистов, смысл которой заключался в эксплуатации различных противоречий между большими державами в своих интересах. Естественно, на фоне надвигавшегося мирового конфликта главная цель Анкары состояла в сохранении политического суверенитета и предотвращении территориальных потерь. Решение указанной задачи предполагалось реализовать за счет использования активного нейтралитета и дипломатического маневрирования. Соответственно, Анкара одновременно стремилась поддерживать связи с Москвой и Берлином. Обращает на себя внимание тот факт, что в рамках вышеуказанного трехстороннего соглашения турки выдвинули требование о нераспространении условий военного союза на СССР. Иначе говоря, турецкое правительство заявляло о невозможности своего участия в войне против советского государства [19, с. 25]. Между прочим, Россия в свою очередь тогда в целом негативно воспринимала тесное сближение кемалистов с западными державами. Следовательно, чтоб сгладить возникшую напряженность и не сильно навредить двусторонним контактам Турция и внесла указанный пункт в соглашение. Надо сказать, дружеские отношения с СССР

имели огромную ценность для Анкары с точки зрения обеспечения сохранности ее восточных границ.

Кроме того, вопросы безопасности были движущей силой внешней политики Турции не только на европейском направлении, но и в ее ближневосточном окружении. Так, в 1937 году по турецкой инициативе появился так называемый Саадабадский пакт, где еще принимали участие Иран, Ирак и Афганистан. По большому счету основным мотивом создания данного объединения являлся фактор курдов [11, с. 57]. Надо сказать, что исторически, ареал расселения этой этнической группы дополнительно охватывал территории Ирана и Ирака. Соответственно, для указанных государств проблема курдского сепаратизма также была актуальной. В связи с этим требовалась координация совместных действий властей трех стран на приграничных территориях. Вместе с тем на фоне курдского вопроса каждая из сторон стремилась застраховаться от вмешательства соседей в свои внутренние дела. Поэтому данный пакт обязывал подписантов воздерживаться от агрессии против друг друга и уважать существующие между ними границы. К тому же, есть мнение, что Саадабадское соглашение в некотором смысле выступало еще сигналом для внешних сил касательно нападения на членов альянса [45, с. 33].

Тем самым, можно утверждать, что с приближением даты Второй мировой войны Анкара проявляла всю большую активность на внешней арене, подготавливая почву для проведения своей политики балансирования. Этот подход в том числе выражался в попытках прийти к консенсусу практически со всеми ключевыми для ее безопасности игроками. Забегая вперед отметим, что в конечном счете такая тактика в определенной степени оправдала себя. Так, по сравнению с другими странами республика вышла из шестилетнего конфликта с наименее минимальными потерями, поскольку она напрямую не вовлекалась в боевые действия. Однако достижение такого рода результата стало настоящим испытанием. На протяжении всей войны турецкому правительству пришлось иметь дело с серьезным давлением извне относительно его позиции нейтралитета.

2.2 Турецкая политика нейтралитета и балансирования во время второй мировой войны

Важно подчеркнуть, что после смерти Ататюрка в 1938 году место главы государства занял один из его ближайших соратников Исмет Иненю. Он фактически полностью продолжил стратегический курс своего предшественника. Преемственность в том числе отражалась и на внешнеполитических принципах страны. В общем смысле здесь фактор смены власти не оказал особого влияния на отношения с другими государствами. Соответственно, обозначенные еще при прежней администрации приоритеты Турции в этой области оставались неизменными. Между тем в контексте второй мировой войны первостепенным ориентиром являлось стремление максимально не втягиваться в вооруженный конфликт.

Подобная установка мотивировалась прежде всего прагматическими соображениями. Относительная военная слабость ставила Турцию в уязвимое

положение перед потенциальным нападением более мощного противника. С самого начала на фоне экономической реконструкции кемалистский режим значительную часть бюджета направлял на развитие гражданской сферы. Соответственно, военно-промышленный комплекс оказался на второстепенных ролях по сравнению с прошлыми периодами. В связи с этим обстоятельством накануне войны оснащенность турецкой армии современными видами оружия оставалась довольно низкой. Солдаты все еще были снабжены устаревшими видами вооружения, которые применялись во время Первой мировой войны. Фактически все части войск, в том числе морской флот и воздушные силы сталкивались с проблемой острого дефицита боевой техники. Показательно, что тогда ввиду недостатка специальных машин основным средством наземного транспорта турецких отрядов являлись лошади и мулы [44, с. 48].

При таком раскладе Анкара ни в коем случае не могла допустить прямого столкновения с более сильными Германией или Советским союзом. Тем более у нее имелись все основания опасаться нападения со стороны этих держав. Так, начиная с подписания конвенции Монтре происходило некоторое охлаждение турецко-советских отношений. Определенный дрейф турок в сторону Запада во второй половине тридцатых годов прошлого столетия расценивался Москвой сквозь призму угрозы своей безопасности, поскольку она видела в этом риски становления Турции в качестве проводника интересов других европейских столиц. С другой стороны, указанное событие совпало с усилением геополитической мощи СССР, который после некоторой паузы, связанной с собственными внутренними проблемами, вернулся на глобальную арену как одна из ведущих мировых держав. Естественно, подъем России резко повышал для Турции риск возобновления исторического противостояния между двумя государствами. Подобный сценарий в том числе подразумевал высокую вероятность возвращения на повестку дня разногласий по приграничным вопросам. Следовательно, ухудшение связей с советской стороной виделось крайне невыгодным для кемалистов. Поэтому параллельно переговорам с британцами и французами вокруг создания трехстороннего альянса они пытались найти точки соприкосновения и с большевистским правительством. Но последняя задача усложнилась вследствие подписания советско-германского пакта о ненападении в августе 1939 года, что поставило Анкару в еще более сложное положение. По большому счету теперь Турция и СССР были по разные стороны баррикад.

Таким образом, официальное вступление турок в войну могло использоваться советским государством как повод для совершения атаки против них. Агрессивная внешняя экспансия Москвы среди прочего вылилась в ее вторжение в Финляндию в ноябре 1939 года. Данный акт только усилил внутри турецкого истеблишмента восприятие возвращения российской угрозы [19, с. 27]. Вместе с тем во время короткого периода германско-советской дружбы за закрытыми дверями шло активное обсуждение вопроса будущего разделения мира на сферы влияния между этими двумя державами. В данном контексте историческое стремление России касательно получения доступа к теплым южным морям отразилось в ее притязаниях в том числе к турецким проливам.

Согласно некоторым данным, в процессе переговоров советские представители выдвигали условие о предоставлении некоей гарантии о размещении своих военных баз на Босфоре и Дарданеллах в будущей перспективе [19, с. 29]. Хотя тогда Анкара еще не была полностью осведомлена о подобных планах, тем не менее, именно ввиду опасений за собственную безопасность она с самого начала относилась с большим подозрением к появлению альянса Германии и СССР. Поэтому кемалисты всячески пытались не спровоцировать советское правительство своими действиями.

Аналогичным образом республика подвергалась риску потенциальной агрессии со стороны Берлина. Молниеносное продвижение немецкой армии на первом этапе войны не могло не произвести впечатления на различных наблюдателей. Стремительное наступление вермахта в том числе оказало воздействие на турецкие власти. Когда весной 1941 года войска Гитлера оккупировали Грецию и Югославию, общая картина для Анкары еще больше усложнилась. При этом Германия до этого момента уже контролировала Румынию и Болгарию, где она разместила значительный контингент вооруженных сил. Подобный исход резко сокращал турецкому руководству пространство для маневрирования. Поскольку в сложившихся условиях республика становилась относительно легкой мишенью с точки зрения возможной атаки немецких солдат и их союзников. С учетом этого факта, наиболее рациональной тактикой для турецкого режима являлась попытка дальнейшего сохранения политического нейтралитета. В противном случае, возникал реальный риск повторить участь Польши, столкнувшейся с одновременной немецко-советской военной атакой с двух сторон.

Тем временем экономические мотивы представлялись дополнительным фактором в связях с Германией, которая в тот период выступала в качестве главного торгового партнера Турции. Так, по состоянию на 1939 год 37,3% всего турецкого экспорта приходилась именно на эту страну. В импорте же данное значение составляло 50,9% [15, с. 239]. Разрыв двусторонних отношений означал серьезные финансовые потери для турецкой стороны, так как быстрая переориентация торговых потоков в условиях мирового конфликта выглядела труднореализуемой.

С другой стороны, вышеупомянутое трехстороннее соглашение о взаимной помощи с британцами и французами требовало от Анкары выполнения своих политических обязательств, а именно официального вступления в войну против Гитлера. Однако сами турки в определенной степени скептически относились к эффективности этого альянса. Прежде всего, несмотря на достигнутые заранее договоренности, союзники не сдержали обещания по предоставлению им вооружения. Тем временем быстрый военный коллапс Франции в июне 1940 года и дальнейшая ее оккупация немецкой армией резко поменяли общую расстановку сил на фронте. Изначально предполагалось, что при необходимости французский флот будет противостоять итальянцам в средиземноморье [44, с. 59]. С разрушением этого плана страны оси получали большое преимущество в данном регионе. Данное событие вполне ожидаемо повлияло и на позицию турецкого руководства, которое теперь стало сомневаться в возможностях

антигитлеровской коалиции. Соответственно, в подобных условиях Турция проявляла еще большую заинтересованность в стабильных отношениях с Берлином. Тем более что поражение Франции в некотором смысле развязывало республике руки, тем самым предоставляя ей возможность действовать более гибко. На этом фоне 18 июня 1941 года Германия и Турция подписали договор о дружбе и ненападении. Но в то же время правительство Иненю не собиралось отказываться от формального альянса с британцами. Собственно говоря, турки полностью информировали их о ходе переговорного процесса с немецкими властями [44, с. 64]. Несмотря на вполне ожидаемую негативную реакцию Лондона к указанному соглашению, она видела нецелесообразным идти на жесткий конфликт с Анкарой, главным образом чтоб не спровоцировать турецкие власти к более тесному сотрудничеству с Берлином.

Здесь стоит обратить внимание еще на один примечательный факт. Хотя на первом этапе войны кемалисты под внешним давлением все-таки ослабили экономические контакты с германскими партнерами, что вылилось в существенное снижение взаимного товарооборота в 1940 году, но уже со следующего года показатели начали вновь восстанавливаться [15, с. 239]. Во взаимной торговле особое место занимал хромит, который применяется в изготовлении стали – основы военной промышленности. Германия не обладала никакими запасами данной руды. В свою очередь тогда на Турцию приходилось 16% от всего мирового производства указанного полезного ископаемого. В самом начале процесса республика пошла на серьезные уступки британцам, полностью ограничив экспорт хромита в Германию. Тем не менее, в октябре 1941 года была достигнута договоренность о возобновлении этих поставок. При этом в рамках соглашения немцы предоставляли Анкаре кредит в размере 100 миллионов рейхсмарок для покупки у них вооружения [44, с. 66-67]. Подобная картина в целом отражала тогдашнюю динамику внешнеполитической стратегии официальной Анкары, которую можно было бы охарактеризовать как чисто ситуативную, когда приходилось подстраиваться под стремительно меняющиеся события. Но при этом, следует особо отметить, что в тот отрезок времени всегда неизменным оставался курс на поддержание нейтралитета.

В данном контексте новым резким поворотом во второй мировой войне, безусловно, стало внезапное нападение немецкой армии на Советский союз в июне 1941 года. Подобное развитие ситуации в некотором смысле ослабляло для турецкого государства срочную угрозу иностранного вторжения. Тем не менее, это никак не снимало с повестки дня проблему территориальной безопасности. С этой точки зрения Германия, несмотря на начавшийся ее конфликт с СССР, все еще продолжала представлять серьезную опасность. Вермахт обладал достаточными ресурсами и, как минимум, был в состоянии нанести воздушные удары по турецким целям. В сложившихся условиях турецкое правительство решило и дальше придерживаться своего прагматического подхода, что означало продолжение тактики максимального невмешательства.

Интересно, что в германско-советском столкновении симпатии Анкары главным образом находились на стороне Берлина. Правда, такая позиция не провозглашалась официально. Однако, в частности, материалы турецкой прессы

того периода ярко демонстрировали предпочтения турецкого общественного мнения, которое во многом выступало в поддержку именно немцев [19, с. 30]. На это имелись свои объективные причины. Прежде всего, потенциальная победа СССР в данном конфликте рассматривалась сквозь призму установления советской гегемонии в восточной части европейского континента со всеми вытекающими отсюда последствиями для турецкого государства. В общем смысле риски были связаны с вероятным включением республики в сферу советского влияния. При таком раскладе фактически неизбежным выглядела потеря контроля над Босфором и Дарданеллами. Кроме того, советские власти могли выдвинуть территориальные претензии по отдельным восточным регионам Турции. В итоге подобная перспектива расценивалась Анкарой как наиболее неблагоприятной, учитывая ее исторические фобии российской экспансии.

Между прочим, есть мнение, что в условиях антироссийских настроений в турецком обществе война между Германией и СССР привела к определенному росту популярности идеи пантюркизма, в особенности среди местных интеллектуалов и части высшего руководства страны. В этом плане вопрос освобождения тюркских народов от коммунистической власти в результате падения большевистского режима в определенной степени приобретал идеологический характер для отдельных представителей элиты [19, с. 31]. Хотя лидер страны Иненю не поддерживал данную точку зрения, противоречившей принципам кемализма, но чисто по прагматическим соображениям он не мог совсем игнорировать пантюркистскую концепцию. При удобных моментах этот фактор можно было бы всегда эксплуатировать в собственных интересах, например, в случае действительного военного успеха вермахта над красной армией. Поэтому на первом этапе турецкое государство особо не препятствовало публичной пропаганде националистической доктрины тюркизма.

К тому же, с точки зрения прозападной ориентации Турции Германия всегда рассматривалась кемалистами как неотъемлемая часть западноевропейской цивилизации, тогда как Россия же расценивалась сквозь призму восточного мира. Следовательно, с мировоззренческой точки зрения проявление симпатии к Берлину в его войне против Москвы было вполне объяснимым. В связи с этим обстоятельством для турецких властей наиболее приемлемым сценарием развития ситуации представлялось достижение некоего компромисса между Берлином и Лондоном в целях объединения против общей угрозы в лице коммунизма. Поэтому, неудивительно, что правительство Иненю критически встретило возникновение альянса между большевиками и антигитлеровским блоком.

Но, как ни парадоксально, стремительная победа Германия на восточном фронте также несла в себе определенные риски. При таком раскладе немцы вполне могли возобновить свои изначальные планы по проникновению на Ближний Восток [44, с. 65]. В свою очередь в этом контексте республика могла оказаться под немецкой оккупацией, или, как минимум, официально отказаться от своего нейтрального статуса и присоединиться к странам оси, следовательно, принимать непосредственное участие в боевых действиях.

Однако, как показала история, решение Гитлера совершить атаку на СССР в конечном счете оказалось для него фатальным. Другим важным поворотным моментом являлось вступление в войну Соединенных Штатов Америки, что способствовало существенному изменению баланса сил на поле боя. С каждым новым достижением союзнических войск усиливалось и давление на Анкару. В частности, британцы, которые в первые годы конфликта с некоторым пониманием относились к позиции турок, теперь все настойчивее призывали их к выполнению обязательств в рамках подписанного в 1939 году соглашения о взаимной помощи. Черчилль стремился открыть еще один дополнительный южный фронт против Германии, чтоб ускорить процесс ее капитуляции. С этой точки зрения фактор стратегического расположения Турции предоставлял большое преимущество в военном отношении.

В конце января 1943 года в Адане состоялась встреча Иненю с британским премьером. Главная цель поездки Черчилля как раз заключалась в получении согласия турок касательно их прямого вовлечения в войну на стороне союзнических сил до конца того года. Однако во время переговоров сразу же обозначились ряд разногласий между двумя государствами. Основным камнем преткновения выступала ситуация вокруг СССР. Анкара заявила о своих серьезных опасениях насчет советских амбиций после окончания вооруженного конфликта. В связи с этим моментом возможный полный разгром Германии совсем не отвечал интересам республики. Поэтому в ходе саммита турецкая делегация даже предложила британцам свои посреднические услуги по поводу восстановления контактов между Лондоном и Берлином. Но Черчилль категорически отклонил подобную идею [15, с. 267]. Таким образом, по итогам двусторонней конференции прежнее статус-кво сохранялось. Иненю и его окружение были твердо настроены на продолжение своего внешнеполитического курса на лавирование между ведущими политическими игроками. При этом подобный результат в той или иной степени устраивал и Черчилля, который стремился действовать весьма осторожно в таком чувствительном вопросе. Соответственно, подтверждение Анкарой своего нейтралитета являлось для него задачей минимум в рамках этих переговоров.

Важно отметить, что турецкое руководство в принципе не хотело напрямую вмешиваться в столкновения, поскольку подобный шаг был сопряжен с неминуемыми потерями человеческих и финансовых ресурсов. Соответственно, в условиях и без того сложного положения в стране, в том числе вызванного ухудшением глобальной экономической конъюнктуры из-за второй мировой войны, местные власти пытались по возможности избежать такого неблагоприятного для себя сценария.

Но даже после этого эпизода в Адане союзники не оставляли попыток склонить турок на свою сторону. Все новые успехи антигитлеровского блока, в частности выход Италии из войны в сентябре 1943 года, поражение немцев в северной Африке, что значительно нивелировало угрозу продвижения вермахта в направлении Ближнего Востока, победа советской армии при сталинградской битве, кардинально поменявшая расклад на восточном фронте и другие поворотные события все больше усиливали давление на Анкару. Данный период

истории стал настоящим испытанием для турецкой дипломатии, которая столкнулась с невероятно сложной дилеммой.

С одной стороны, переход от нейтралитета к активным боевым участиям против стран оси все еще представлял серьезный риск спровоцировать ответные удары по территории республики. Кроме того, правительство Иненю опасалось, что его вступление в войну в конечном счете может быть использовано Сталиным в качестве повода ввести войска в Турцию. Когда будущая капитуляция Германии становилась все более очевидной, советские власти пытались предотвратить открытие балканского фронта против Гитлера и переброску туда вооруженных сил западных союзников, тем самым их закрепление в этом регионе после окончания войны, поскольку СССР рассматривал Балканы как часть собственной зоны влияния. В данном контексте мотивы Москвы касательно поддержки незамедлительного участия Анкары в наступательных операциях против вермахта как раз заключались в устранении необходимости привлечения европейских армий в эту часть континента. Дополнительно это способствовало бы рассредоточению немецких группировок на восточном фронте [15, с. 267]. В свою очередь турки проявляли готовность сражаться на поле боя только вместе с британцами и другими западными партнерами. В качестве второго условия выдвигалась необходимость обеспечения их материальной помощью, в том числе и в виде вооружения. Таким способом республика стремилась разделить тяжелое бремя военных и финансовых расходов. В противном случае, страна могла выйти из конфликта значительно более ослабленной, что негативно отразилось бы на ее переговорных позициях в поствоенный период, в том числе в контексте советских требований.

В последнем случае притязания большевиков главным образом были связаны с проливами. Еще в конце 1943 года в ходе тегеранской конференции Сталин бросил пробный шар, когда высказался за пересмотр конвенции Монте. Однако тогда Лондон и Вашингтон по большому счету отклонили подобный запрос, сочтя его нецелесообразным шагом [15, с. 272]. Тем не менее, руководство СССР не собиралось отступать в этом вопросе. В октябре 1944 года в Москве в рамках двустороннего саммита с Черчиллем Сталин заявил ему о своем недовольстве действующим режимом на Босфоре и Дарданеллах. Он еще раз затронул данную проблему уже в феврале 1945 года во время ялтинской встречи «большой тройки» [44, с. 65]. Так или иначе Сталин стремился добиться определенного контроля над турецкими каналами, тем самым, реализовать давнюю идею прямого выхода российского государства к теплым морям, и одновременно в геополитических интересах закрыть черноморский регион для третьих стран. Примечательно, после эпизода в столице Ирана американцы и британцы в дальнейшем в процессе неопубликованных переговоров на различных площадках теперь в целом не возражали против таких планов. Согласно некоторым данным, Черчилль и Рузвельт согласились с тем, что после завершения конфликта часть Восточной Европы, Польша, Прибалтика и Турция войдут в зону ответственности Москвы [19, с. 48]. Западные лидеры рассматривали такой вариант развития событий в контексте большой сделки с

Советским союзом по поводу разграничения сфер влияния при новом мировом порядке.

Тем временем указанная картина в той или иной степени подтверждает обоснованность беспокойств политического истеблишмента в Анкаре касательно будущих советских намерений. При этом впоследствии Сталин стал выступать против вовлечения Турции в войну. По-видимому, подобная позиция мотивировалась желанием не допустить усиления республики за счет военно-технических поставок союзниками. В общем смысле активное участие страны в боевых действиях должно было способствовать сближению ее позиций с Западом, тогда как большевикам объективно выгодной являлась политическая изоляция кемалистского режима, который с учетом тогдашнего баланса сил фактически не имел особых шансов в одиночку противостоять давлению СССР.

Иненю и его окружение прекрасно осознавали этот момент. Поэтому они всегда пытались оставлять себе пространство для маневрирования в отношениях с западноевропейскими партнерами. Здесь важно подчеркнуть, турецкая администрация «рассматривала Германию как щит против коммунистического экспансионизма» [19, с. 48]. Соответственно, ее военное крушение подразумевало возникновение некоего вакуума в этой части континента, которую главным образом могла заполнить именно коммунистическая Россия. Однако, когда стало совершенно ясно о том, что союзнические страны намерены воевать до безоговорочной капитуляции немцев, следовательно, перемирие между Гитлером и его противниками не состоится, турецкие власти также начали действовать соответствующим образом. Тем более на полях каирской конференции в декабре 1943 года Черчилль во время личной беседы предупредил Иненю о возможных негативных последствиях в случае продолжения политики невмешательства [44, с. 71]. Здесь основным рычагом воздействия на Турцию выступал как раз фактор предоставления стране западной поддержки против экспансии СССР после завершения войны. В подобных обстоятельствах отношения с европейскими союзниками стали приобретать еще большую ценность для Анкары. На этом фоне Иненю решил в дальнейшем ориентироваться преимущественно на антигитлеровский блок. С этой точки зрения он главным образом руководствовался долгосрочными интересами республики оказаться среди стран-победителей, тем самым, по итогам получить определенные дивиденды. Однако даже с учетом такого развития, правительство Иненю стремилось придерживаться принципа осторожного подхода во внешней политике. Например, несмотря на формальные договоренности в египетской столице, турецкие власти в конце концов так и не разрешили британцам разместить на своей территории их боевые самолеты. Они предполагали, что это может привести к незамедлительным превентивным ударам немецкой армии. Согласно оценкам Анкары, в случае же эскалации вермахт обладал всеми возможностями оккупировать черноморские проливы. Хотя Иненю практически каждый раз увязывал свое нежелание участвовать в войне довольно слабой оснащенностью собственных вооруженных сил, тем не менее, на этот раз его такие доводы уже совсем не устраивали Запад. В качестве ответной реакции в феврале 1944 года Лондон заморозил официальные контакты

с кемалистским режимом. Дополнительно британцы попросили принять аналогичные шаги и американцев [15, с. 275].

Сложившаяся ситуация не могла не беспокоить турецкую сторону. Собственно говоря, когда исход войны представлялся фактически предрешенным, острый конфликт с западными партнерами по большому счету рассматривался крайне нецелесообразным, поскольку повышал риски политической изоляции республики в последующем периоде. Требовались определенные меры, способные в той или иной степени продемонстрировать лояльность Турции к союзникам. В соответствии с этой задачей Иненю начал активно вносить изменения в повестку дня государства. С точки зрения внутренней обстановки он прежде всего инициировал зачистку высшего бюрократического аппарата от прогерманских чиновников. Помимо этого, теперь под полный запрет попадала деятельность пантюркистских активистов, поддерживаемых немецким правительством. Обращает на себя внимание также факт увольнения главы МИД Менеменчоглу, которым были весьма недовольны британцы [44, с. 73].

В свою очередь параллельно наблюдались явные изменения и во внешней парадигме. Так, в апреле 1944 года Турция полностью запретила поставки хромита в Германию. После этого момента в целом двусторонние экономические связи постепенно сокращались. Тем временем 2 августа 1944 года Анкара разорвала дипломатические отношения с этой страной. В конечном счете в конце февраля 1945 года республика официально объявила войну Берлину. Следует отметить, последнее решение не в последнюю очередь принималось под влиянием проходившей незадолго до этого ялтинской конференции, где лидеры США, Британии и СССР выдвинули условие о необходимости вступить в конфликт против стран оси для будущих членов создаваемого ООН [15, с. 279]. Благодаря этому турецкая делегация в итоге обеспечила себе приглашение на учредительную конференцию организации в апреле 1945 года в Сан-Франциско, что расценивалось как дипломатическое достижение страны в весьма сложной для нее геополитической обстановке. При этом присоединение к антигитлеровскому блоку виделось еще неким символическим жестом в адрес международных игроков.

Собственно говоря, внешняя стратегия правительства Иненю во время второй мировой войны по большому счету оправдала себя. Главным образом Турция сумела выйти из ситуации с относительно минимальными потерями вследствие своей не вовлеченности в вооруженные столкновения. С другой стороны, тактика нейтралитета и постоянного лавирования в конце концов спровоцировала острый кризис недоверия в отношениях с западными союзническими державами. В этом плане особая напряженность возникла в случае с британцами. С самого начала именно они выступали главными инициаторами втягивания турецкой армии в боевые действия. В свою очередь всяческое сопротивление Иненю данной идее вызывало серьезное недовольство Черчилля, что, возможно, являлось одним из оснований изменения его позиции касательно Турции на решающих этапах переговоров в рамках большой тройки. Здесь в том числе речь идет о согласии на советские притязания по поводу

установления контроля над черноморскими проливами. Реализация такого сценария так или иначе подразумевала вхождение Анкары в зону ответственности СССР.

Различные действия Москвы в тот период только подкрепляли ее экспансионистские намерения. Так, в марте 1945 года Сталин преждевременно денонсировал двусторонний договор о дружбе. В июне того же года Молотов выдвинул турецкому послу ряд требований по заключению нового аналогичного соглашения. Наряду с пересмотром конвенции Монтре и создания советских военных баз на Босфоре и Дарданеллах в числе прочего упоминалась передача приграничных северо-восточных провинций Карс и Ардахан [44, с. 80]. Существенное наращивание советского военного присутствия в Болгарии осенью 1945 года становилось дополнительным фактором в усилении внутри турецкого истеблишмента опасений, связанных с потенциальным вторжением красной армии.

Таким образом, правительство Иненю оказалось в действительно трудном положении. Причем тогда совсем неясной оставалась позиция западных стран. Вашингтон и Лондон изначально стремились к более сбалансированным отношениям с советской империей в послевоенную эпоху, поэтому они никак не были заинтересованы в конфликте с Москвой. С учетом такого момента под большим вопросом находилось оказание американцами и британцами по крайней мере дипломатической поддержки кемалистской республике для противостояния давлению коммунистической империи. Существовала высокая вероятность, что великие державы могут между собой договориться и прийти к определенному компромиссу, результатом которого станет жертвование Турцией ради обеспечения глобального мира.

Однако в итоге достижение консенсуса не состоялось. Здесь решающей стала трансформация политики Соединенных Штатов Америки. Следует особо отметить, в экономическом плане изнурительная шестилетняя война фактически подвела черту под историческим лидерством Британии в международных делах. В частности, именно эта страна традиционно рассматривалась одним из доминирующих сил в ближневосточном регионе. Теперь же вследствие недостаточности собственных ресурсов англичане не могли больше продолжать весьма затратную наступательную внешнюю стратегию, что среди прочего означало сокращение помощи иностранным партнерам. Отказ Соединенного Королевства нести бремя тяжелых обязательств привело к образованию некоего вакуума, заполнить которую предлагалось как раз американцам. После небольшого колебания последние в итоге и заняли освободившееся место.

В новых условиях США превращались в главную страну западного блока. Вместе с этим подобный статус предполагал окончательный переход Вашингтона от концепции изоляционизма к активному продвижению своих интересов на международной арене. Здесь основная идея заключалась в повсеместном противодействии коммунистическому влиянию. Формальное утверждение данной стратегии случилось с провозглашением доктрины Трумэна в марте 1947 года, когда на фоне формирования биполярной системы начиналась так называемая «холодная война». При этом Турции отводилась одна из

центральных ролей с точки зрения сдерживания СССР в районе средиземноморья и на Ближнем Востоке. Таким образом, во многом благодаря именно американскому вмешательству республику в конечном счете не затронула советская экспансия в том или ином виде.

Между прочим, наиболее важным результатом этих событий можно считать сделанный Анкарой выбор в пользу исключительно прозападного вектора развития во внешней политике. Возвращение на повестку дня проблемы безопасности, в первую очередь вызванной возобновлением конфронтации с историческим противником в лице России, не оставляло турецкому руководству никакой другой альтернативы. В общем смысле, военно-политический союз с Западом рассматривался как фактор защиты от советской угрозы.

С другой стороны, хотя Турция и не принимала непосредственного участия в боевых действиях, тем не менее, ее экономика серьезно пострадала из-за косвенных воздействий конфликта. Прежде всего, здесь значительно увеличивались государственные расходы на усиление армии. В данном контексте правительство в том числе мобилизовало более миллиона граждан. Разумеется, только одно содержание этого контингента требовало огромных ресурсов. При этом ввиду низкого уровня урбанизации вооруженные силы главным образом пополнялись за счет сельских жителей. В свою очередь такая картина привела к резкому сокращению трудоспособного населения в аграрном секторе. К тому же, в условиях военного положения власти вводили жесткие меры вплоть до экспроприации частной собственности, включая стратегически важные товары продовольственного характера. В итоге указанные факторы в определенной степени способствовали обвалу производства в сельскохозяйственной сфере, которая в тот период являлась основой турецкой экономики, следовательно, и источником доходов для большинства жителей республики. Например, по состоянию на 1945 год валовый объем выпуска сельскохозяйственных товаров составил всего лишь 40% от уровня 1939 года. Параллельно за этот же отрезок времени довольно сильно откатились назад и показатели промышленности [15, с. 236]. На фоне сложной ситуации с бюджетом дополнительным давлением становилось погашение внешних долгов. Так, в 1940 году сумма выплат международным кредиторам равнялась 65,8% от всей экспортной выручки страны [15, с. 237]. В связи с финансовыми трудностями Анкара остро нуждалась в иностранной помощи для преодоления кризисной обстановки. Естественно, в качестве донора рассматривались как раз американцы и их европейские союзники.

Таким образом, принимая во внимание вышесказанные нюансы, в тот период вся политика турецких лидеров главным образом была направлена на сближение с Западом. Данный подход в известной мере отразился и на внутриполитических процессах. Прежде всего, кемалистский режим инициировал реформы по переходу на демократическую систему. По итогам второй мировой войны страны капиталистического блока тесно ассоциировались с либерализмом, который здесь утвердился в качестве доминирующей идеологии. В первую очередь именно в целях демонстрации своей прозападной ориентации Иненю начал активно внедрять демократические нормы, где одним

из важных элементов выступали свободные выборы и многопартийность. Надо сказать, указанное решение имело далеко идущее значение с точки зрения кардинальной трансформации местного политического ландшафта.

2.3 Трансформация внешней стратегии Турции в период Холодной войны и биполярного мирового порядка: поворот на Запад

В январе 1946 года в Турции официально возникла оппозиционная Демократическая партия под руководством Аднана Мендереса. В том же году его организация по результатам всеобщего голосования вошла в турецкий парламент. При этом тогда многие наблюдатели с некоторым сомнением отнеслись к победе действующего правительства, отмечая многочисленные нарушения в ходе процедуры избрания депутатов. Так или иначе уже на следующих выборах в 1950 году «демократы» выиграли большинство мест в законодательном органе республики [11, с. 70]. Вместе с этим событием завершилась продолжительная политическая гегемония Народно-Республиканской партии. Но, как ни парадоксально, смена высшей власти никак не повлияла на внешние приоритеты турецкого государства. При новом руководстве курс на максимальное углубление сотрудничества с западным сообществом оставался неизменным.

Последняя особенность во многом объяснялась наличием некоего консенсуса среди турецкой элиты по поводу международной стратегии Анкары. Тем более основатели той же Демократической партии являлись диссидентами кемалистской фракции, следовательно, по базовым идеологическим установкам принадлежали к традиционному истеблишменту. В частности, избранный депутатами в качестве президента Джелал Баяр был одним из близких соратников Ататюрка еще со времен движения младотурков. Будучи экономистом по профессии, он придерживался прозападных взглядов, а также выступал сторонником секуляризма [24, с. 25]. Аналогичным мировоззрением обладал и возглавивший тогда правительство Мендерес. Можно сказать, ценностная идентичность обоих политиков соответствовали фундаментальным принципам кемализма. При этом они в составе РНП представляли так называемое либеральное крыло данной структуры. Таким образом, идейные расхождения Мендереса и Баяра с руководством партии главным образом заключались в моделях управления. В итоге при первой же удобной возможности, когда государство по большому счету вынужденно решилось на создание политической конкурентной среды, такого рода разногласия моментально спровоцировали раскол внутри правительства с последующим образованием ДП.

Тем не менее, несмотря на объявленную демократизацию, устанавливались определенные критерии для формирования партий. С этой точки зрения под строгим запретом оставались организации в том числе с коммунистическими и исламистскими идеологиями [19, с. 59]. Более того, на том этапе существовало негласное табуирование на связанный с этими концепциями политический дискурс в публичном пространстве. Подобные ограничения подчеркивали твердую приверженность турецкого режима, с одной стороны, к секуляризму как

основы национальной доктрины, с другой стороны, западному либерально-капиталистическому формату общественного устройства в противовес укладу жизни в странах социалистического лагеря.

Таким образом, совсем неудивительно, что в период правления Мендереса в целом сохранялась преемственность во внешних делах страны. В данном контексте первоочередной задачей его администрации выступало усиление интеграции с евроатлантическими союзниками, в том числе посредством институционализации отношений. В последнем случае на первый план выходил вопрос вступления в НАТО. Следует отметить, один из уставов данной организации предусматривал коллективную оборону при вооруженной агрессии третьей стороны против участников североатлантического договора. Безусловно, указанный пункт интерпретировался турецким правительством как некая гарантия безопасности от нападения иностранных сил. Здесь под потенциальным противником прежде всего имелась в виду советская армия. Поэтому вхождение в эту структуру представляло огромную геополитическую ценность для руководства республики. Однако реализация этой цели сразу же столкнулась с определенными трудностями.

Хотя официальное создание военного альянса западных государств произошло в 1949 году, Анкара изначально не получила приглашения о присоединении в объединение. Тогда нежелание предоставлять Турции членство в НАТО обуславливалось различными факторами. Здесь очень многое зависело от позиции Вашингтона. С точки зрения соперничества с восточным блоком главным приоритетом американцев являлась западноевропейская арена. Поэтому они стремились концентрировать свои сильно ограниченные ресурсы именно на этом направлении. Соответственно, в первые годы ближневосточные территории не входили в зону жизненно важных интересов США, хотя страна и оказывала материальное содействие Турции по различным каналам, в том числе в рамках плана Маршалла, тем самым подчеркивая ее общую значимость в стратегии правительства Трумэна. В частности, только в 1948-1950 годах республике была выделена почти 400 млн долларов экономической и военной помощи [44, с. 83].

С другой стороны, против принятия Турции в НАТО выступали британцы, которые планировали создать под собственным командованием новую систему безопасности на Ближнем Востоке с участием региональных государств. Основная цель Лондона заключалась в попытке сохранить здесь свое влияние на фоне все более растущего тотального доминирования американцев. Причем, мнение о нецелесообразности принятия Турции в североатлантический проект подкреплялся общераспространенной точкой зрения, согласно которой в культурном плане страна не является частью исторической западной цивилизации [19, с. 90]. Еще одним дополнительным мотивом исключения Анкары из НАТО могли служить вполне обоснованные опасения американцев по поводу ответной реакции СССР на расширение организации. В пользу этого аргумента говорит тот факт, что Греции также не предоставлялось членство в альянсе.

Однако вскоре ситуация в этом в вопросе начала коренным образом меняться. Подобному развитию не в последнюю очередь способствовал фактор корейской войны. Данный конфликт привел к некоей переоценке американцами своей внешней стратегии. В результате появилось осознание, что проблема борьбы с мировым коммунизмом теперь не ограничивается лишь одним европейским континентом, а носит глобальный характер. Данный подход сразу же вылился в масштабное увеличение оборонного бюджета США. Так, расходы для армии резко повысились с 15 млрд до 50 млрд долларов [44, с. 85]. С ростом финансирования администрация Трумэна могла себе позволить ассигновать больше средств в поддержку зарубежных партнеров. Соответственно, на фоне указанных тенденций Вашингтон стал позитивно относиться к теме присоединения новых игроков в североатлантический альянс.

Одновременно Анкара решила эксплуатировать корейский инцидент в целях укрепления ее имиджа в глазах западной аудитории. Мендерес видел в этой истории идеальную возможность для подтверждения своей безусловной лояльности союзникам. В данном контексте действительно важным событием стала отправка значительного контингента турецких солдат на войну, вопреки негативному общественному мнению. Так или иначе указанный шаг произвел весьма положительное впечатление на американскую публику.

В конечном счете в феврале 1952 года вследствие огромных усилий и длительных переговоров республика все же официально вошла в НАТО, что вполне справедливо расценивалось как большое внешнеполитическое достижение правительства Мендереса. Вместе с новым статусом кардинально менялось и место Турции в международных отношениях. Теперь она полностью ассоциировалась с так называемым капиталистическим лагерем. Соответственно, в условиях холодной войны данное обстоятельство предполагало принятие на себя определенных обязательств, что выражалось не только в обязательной координации своих действий, но и в активном участии в совместных работах с партнерами. В последнем случае турецкие власти в качестве вклада в общие интересы блока все больше вовлекались в дела окружающих регионов. В некотором смысле Турция становилась неким мостом между ее натовскими союзниками и ближневосточными государствами. Так, в 1954 году при непосредственной инициативе Вашингтона появился Балканский пакт о коллективной безопасности между Турцией, Грецией и Югославией, направленный прежде всего против потенциальной советской угрозы. Уже в следующем году в соответствии с британской идеей был заключен аналогичный оборонный договор, а именно Багдадский пакт, где подписантами стали Британия, Турция, Иран, Ирак и Пакистан. Важно подчеркнуть, что с точки зрения Мендереса эти соглашения в том числе воспринимались сквозь призму недопущения установления просоветских режимов в соседних территориях.

В целом в тот период фактически во всех ситуациях Анкара оказывала безоговорочную поддержку Западу. Например, это проявлялось во время Суэцкого кризиса в 1956 году, когда решение Каира о национализации канала спровоцировало вооруженные столкновения египетской армии с европейскими державами. К тому же, в 1958 году американцы широко использовали авиабазу

в турецком Инджирлике для проведения военной операции в Ливане. В свою очередь турецкие представители в ООН всегда голосовали за французские резолюции касательно алжирского конфликта. Отражением подобной тенденции можно рассматривать и факт тесных отношений республики с Израилем, несмотря на присутствие очевидных разногласий между двумя государствами по ближневосточной проблематике [11, с. 80-81].

Между прочим, несмотря на принципиальную преданность Мендереса к идеалам кемализма, в эпоху его премьерства внутренняя политика все-таки подверглась некоторым корректировкам. С одной стороны, в идеологическом плане он выступал за применение либерального подхода во всех сферах жизни общества, тем самым подчеркивая свою диаметрально противоположность к предыдущему руководству страны. С другой стороны, в связи с внедрением конкурентных выборов немаловажным фактором становились непосредственные запросы населения. Иначе говоря, теперь правительство не могло игнорировать мнение электората.

Собственно говоря, приход к власти Демократической партии был обусловлен как раз отрицательным отношением определенной части местных жителей к методам правления РНП. Как выразился *Nakan Yavuz*, убедительная победа Мендереса на голосованиях 1950 года в некотором смысле являлась «восстанием черных турок против истеблишмента» [27, с. 52]. Если не считать небольшой прослойки городских либералов, основную массу сторонников его партии составила прежде всего материально малообеспеченная и консервативная периферия. Одним из главных мотивов недовольства данной категории граждан виделся вопрос радикальной секуляризации. Данный процесс с самого начала вызывал критику традиционного большинства, которое расценивало ислам как неотъемлемый компонент собственной идентичности. Помимо религиозного аспекта тяжелая экономическая обстановка служила еще одним значимым источником протестного настроения. Указанная проблема существенно обострилась на фоне финансовых трудностей, связанных с событиями второй мировой войны. Если же говорить в целом об экономической модели государства, то здесь многие предприниматели, в особенности многочисленные сельские фермеры воспринимали доктрину этатизма в качестве препятствия общему развитию.

С учетом вышеизложенного демократическая избирательная система моментально становилась средством самовыражения различных несогласных групп населения, в том числе и преимущественно консервативных турок. Неудивительно, что выборы 1950 года отметились беспрецедентно высокой явкой в 88,9%, где Демократическая партия набрала 53 процента голосов, тогда как их главные оппоненты в лице действующих властей получили около 40 процентов [27, с. 52]. В этой ситуации от Мендереса на посту премьер-министра требовалось действовать именно в соответствии с ожиданиями электората. В противном случае он сильно рисковал своим рейтингом. Разумеется, теперь при либеральном формате последний индикатор превращался в главный ориентир политических сил.

Принимая во внимание чрезвычайную актуальность религиозной темы, Мендерес сразу же приступил к пересмотру наиболее дискуссионных решений в этой области. Первым делом он разрешил чтение азана на арабском языке. В итоге фактически в один день все мечети страны вернулись к данной практике, запрещенный властями еще в 1932 году. За этим символическим шагом вскоре последовали уже более серьезные нововведения. Здесь стоит отметить закрытие специальных заведений под названием «Дома народа», работавшие в городских администрациях и деревнях. По сути, эти институты функционировали в виде учебных центров в целях культивирования кемалистской идеологии среди взрослых жителей республики. Одновременно они конкурировали с мечетями как пространство для общественного собрания [11, с. 70-71]. Между прочим, с 1950 года в младших классах школ вводился предмет по изучению религии. Хотя по желанию родителей ученики могли не посещать такие занятия. Впоследствии данная дисциплина вошла и в программу учащихся средних классов [77, с. 187]. Тогда же состоялось открытие специализированной сети лицеев «имам-хатип», готовивших будущих проповедников, муэдзинов и других священнослужителей. Отметим, что как раз здесь свое обучение проходил и нынешний президент Реджеп Тайип Эрдоган.

В целом эти и другие меры послабления в сфере духовных отношений соотносились с мировоззренческими установками Демократической партии. Соответственно, ее лидеры рассматривали данные реформы сквозь призму либеральных ценностей. Кроме того, Мендерес по сугубо прагматическим соображениям использовал религию в качестве инструмента мобилизации избирателей вокруг себя. Как считает Soner Çağartay, «благосклонность ДП к религии не олицетворяла политическую программу, отстаивающую ислам как решение насущных экономических и социальных проблем в стране» [24, с. 28]. Другими словами, несмотря на тесное взаимодействие с мусульманством, правительство Мендереса не обращалось к нему как источнику власти.

Вместе с тем тот исторический период также запомнился глубокими преобразованиями в турецкой экономике. Вполне ожидаемо либеральные подходы нового руководства республики напрямую затронули и данный сектор. Дополнительным фактором в этом вопросе служила достаточно высокая осведомленность Мендереса текущим положением вещей в народном хозяйстве. Будучи крупным землевладельцем, он хорошо разбирался в проблемах предпринимателей, которые в целом крайне негативно воспринимали применение государством нерыночных механизмов регулирования всей отрасли. Важно подчеркнуть, одними из главных выгодоприобретателей свободной экономической системы становились сельские жители. Как было уже выше сказано, именно данная когорта населения и формировала ядро сторонников Мендереса. Таким образом, он стремился «разрушить привилегии укоренившейся элиты и создать возможности для фермеров и торговцев Анатолии» [24, с. 27]. В данном контексте задача состояла в перераспределении финансовых потоков в пользу последних, тем самым обеспечить улучшение их благосостояния.

Собственно говоря, тогда стратегия всеобщего развития превращалась в идейную основу модернизационной доктрины государства. Данный принцип выдвигался взамен проекту радикальной секуляризации в качестве движущей силы достижения прогресса. Причем, на тот момент в социально-экономическом плане показатели Турции выглядели действительно низкими. Так, локальное производство во многом ограничивалось аграрной продукцией и некоторыми видами полезных ископаемых, в частности хромовой рудой. Указанные товары являлись главными статьями экспорта. В свою очередь слабый уровень индустриализации делал республику зависимой от внешних поставок обрабатывающей промышленности. Если раньше турецкие власти так или иначе сдерживали импорт благодаря тарифам, то теперь в условиях всесторонней интеграции с Западом таможенные барьеры снимались. На этом фоне возник устойчивый дефицит торгового счета. Например, в 1948 году здесь при объеме ВВП в 3,4 млрд долларов отрицательное сальдо составило 78 млн долларов [15, с. 290]. В итоге такое обстоятельство оказывало давление на платежный баланс страны. Другим серьезным недостатком выглядело удручающее состояние местной инфраструктуры. Нехватка качественных дорог, медицинских и образовательных объектов, а также в целом неудовлетворенность элементарных базовых социальных потребностей граждан препятствовали повышению человеческого капитала. Показательно, что в 1950 году из 20 миллионного населения Турции 65% все еще не владели грамотностью [11, с. 71]. Естественно, в территориальном разрезе наиболее неблагоприятная ситуация складывалась в сельских местностях.

Подобная картина в некотором смысле предопределила приоритетность экономического направления для Мендереса, который в дальнейшем строил свою политическую платформу вокруг увеличения благополучия турецкого социума. При этом в этом вопросе премьер-министр ориентировался на самые бедные слои общества.

Надо сказать, в эпоху Демократической партии все-таки были достигнуты определенные успехи. В первую очередь правительство запустило программу масштабного обновления инфраструктуры. В результате возводились новые электростанции, расширялась транспортная коммуникация, создавались различные заводы и фабрики. Хотя и незначительно, но доля индустрии в структуре валового продукта в 1950-1962 годах выросла с 14 до 22,3 процентов. Позитивные изменения особенно наблюдались в области сельского хозяйства. Усиление технического оснащения крестьян позволило резко нарастить производительность труда в отрасли. В течение трех лет урожай пшеницы удвоился с 3,8 млн тонн в 1950 году до 8,2 млн тонн в 1953 году [11, с. 72]. Здесь совсем неслучайно, что основная часть государственных инвестиций преимущественно шла в аграрную сферу, поскольку Мендерес больше всего опирался на голоса сельских избирателей. В итоге на первом этапе его правления отмечался повсеместный рост уровня жизни. Прежде всего это относилось к провинциальной Анатолии. Данное обстоятельство в известной мере стало залогом победы Демократической партии еще на двух выборах в 1954 и 1957 годах.

Однако в дальнейшем Турция столкнулась с довольно тяжелым кризисом. Дело в том, что тогда экономическое развитие республики в значительной степени обеспечивалось за счет внешних вливаний в виде прямой помощи или же денежного кредита, главным образом поступавших из США. Реализация крупных капиталоемких инициатив Мендереса в отсутствие собственного производства вызвала стремительный подъем импорта, который ускорялся более быстрыми темпами чем экспортные доходы. В связи с этим образовался острый дефицит бюджета, где одним из очевидных побочных эффектов становилась высокая инфляция. Картина усугублялась фиксированным курсом национальной валюты по отношению к доллару. Переоцененность лиры не позволяла стабилизировать ситуацию с торговым балансом. Однако по политическим мотивам Мендерес не решался на девальвацию, так как это повлекло бы моментальное снижение покупательской способности, тем самым, общее ухудшение материального состояния граждан. Вместо сокращения затрат руководство ДП перешло на неконтролируемое печатание денег, что еще сильнее подрывало финансовую систему.

К 1957 году правительство накопило более 1 млрд долларов международных обязательств [15, с. 289]. Трудности с выплатой данной суммы подтолкнули турецкие власти начать переговоры с МВФ. Последовавшие за этим событием реструктуризация долгов и предоставление Анкаре дополнительных средств не привели к изменению ее нежизнеспособной экономической модели. И вскоре проблема пополнения казны вновь обострилась. В октябре 1959 года Мендерес во время поездки в Вашингтон попросил администрацию Эйзенхауэра об очередном займе в размере 300 млн долларов. Однако американцы отклонили данный запрос, так как они ранее уже рекомендовали лидерам ДП урезать чрезмерные расходы [11, с. 75]. Оказавшись в совершенно безвыходном положении, Мендерес обратился за содействием к Советскому союзу. Впоследствии он объявил о своем официальном визите в Москву, намеченным на июль 1960 года. Естественно, что подобные планы турецкого премьера породили волну критики со стороны оппозиции в лице РНП.

Тем не менее, указанная встреча главы кабинета министров с советским руководством в конце концов так и не состоялась. В мае 1960 года военные совершили первый в истории республики переворот против действующей власти. Кстати говоря, некоторые склонны связывать подобный шаг армии как раз с попытками правящего режима сблизиться с СССР, что могло противоречить внешнеполитическим принципам кемалистского государства. Возможно, данный момент и сыграл какую-то роль в мотивации генштаба, но все-таки не имел первостепенного значения. На самом деле Мендерес полностью координировал свои шаги с союзниками по североатлантическому альянсу, в том числе касательно отношений с коммунистической Россией. Следовательно, натовские партнеры изначально были в курсе его предстоящего саммита с Хрущевым. Поэтому данная история априори не могла служить неким спусковым крючком в свержении Демократической партии, а лишь использовалась генералитетом в качестве повода для вмешательства в политические процессы.

Все же истинная причина путча кроилась в недовольстве старой элиты, включая офицерского состава внутренними тенденциями. Последние годы правления Мендереса характеризовались достаточно жестким подавлением гражданских свобод в стране. Среди прочего ограничивалась работа СМИ, запрещалось проведение публичных протестов, оппозиционно настроенные граждане массово освобождались от занимаемых должностей в различных государственных структурах и университетах. В последнем случае осуществлялась тотальная зачистка бюрократического аппарата от нелояльных элементов, которые затем заменялись собственными кадрами. С этой точки зрения особую ценность представлял контроль над судебной системой. По сути, тогда видение либерализма постепенно сводилось к узкой концепции так называемого мажоритаризма, когда мнение электорального большинства получает абсолютный приоритет в общественных делах. К тому же, камнем преткновения выступала экономическая политика правительства. Некогда относившиеся к привилегированной группе социума военнослужащие испытали ощутимое падение своих доходов, тогда как «новый класс анатолийских бизнесменов процветал под защитным крылом ДП» [24, с. 31]. Серьезным раздражителем для кемалистов также являлось и некое заигрывание Мендереса с религией. Более того, как считает *Ozgur Mutlu Ulus*, «Демократы стремились использовать армию для подавления РНП, тем самым разрушив последний барьер перед военной интервенцией: армейскую традицию нейтралитета» [78, с. 13].

В совокупности все эти факторы и спровоцировали конфликт интересов, вследствие чего высшее командование турецких войск приступило к активным действиям. Неудивительно, что многие из числа местных светских интеллектуалов, студентов, профессоров, научных работников поддержали насильственное смещение Мендереса. Наоборот, провинциальные сельские турки были откровенно возмущены данной акцией, тем более что по итогам бывший премьер получил высшую меру наказания, а его партию распустили. Так или иначе наиболее важным результатом тех событий видится закрепление за генералитетом на долгие годы статуса одного из ведущих политических сил страны, что в будущем будет неоднократно проявляться в различных формах.

Надо сказать, что после некоторых внутренних дискуссий, организаторы переворота 1960 года выразили готовность к скорейшему возврату к демократии. В данном контексте началась ускоренная разработка нового основного закона, одобренного на всеобщем референдуме в июле 1961 года. Примечательно, что принятая конституция во всех отношениях оказалась весьма либеральной по своему содержанию. Прежде всего, в сравнении с предыдущим аналогичным документом в институциональном плане значительно расширился идеологический плюрализм. Но, что важно, указанное обстоятельство в среднесрочной перспективе обернулось большими проблемами для турецкого государства. В частности, в условиях ослабления административного контроля над публичной жизнью полемика между различными идейными лагерями перешла в открытый формат. На это накладывалось заметное оживление деятельности студенческих движений, рабочих профсоюзов и других

гражданских объединений. Развитие свободы выражения в некоторой степени виделось катализатором резкой мобилизации практически всех сегментов общества. В свою очередь это обнажило и усилило концептуальную поляризацию среди населения со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

При этом мировоззренческий раскол со временем распространился на парламент. В отсутствие какого-либо избирательного порога, а также чисто пропорционального распределения депутатских мест в соответствии с набранными голосами, все зарегистрированные партии получали возможность участвовать в законодательном органе республики, соответственно, напрямую воздействовать на политическую повестку дня. Подобная картина с повышением репрезентативности нередко приводила к формированию довольно шатких коалиционных правительств, порою состоявших из несовместимых по стратегическим целям блоков. Разумеется, такая конструкция тормозила процесс принятия решений, так как стороны принципиально не могли достичь консенсуса. С этой точки зрения более крупные фракции довольно часто оказывались зависимыми от позиции своих младших партнеров по коалиции. В связи с этим регулярно возникали острые кризисы, как правило завершавшиеся роспуском кабинета министров.

Следует отметить, трансформация политического ландшафта повлияла на динамику дипломатии Анкары. В тот период на фоне общемирового тренда в Турции, в особенности в молодежной среде наблюдался рост популярности левых антиимпериалистических взглядов. В том числе этим обуславливался подъём антизападных настроений в стране. Кроме того, тогда 1960-1970-х годах здесь параллельно начал развиваться исламистский дискурс со своим традиционно критическим отношением к вестернизации. Таким образом, ввиду официального присутствия разнообразия мнений тема внешней ориентации государства превращалась в предмет постоянных общенациональных дебатов. Теперь же представители истеблишмента в данном вопросе все больше отталкивались именно от внутренней конъюнктуры, поскольку сложившаяся реальность диктовала необходимость действовать с учетом предпочтений собственных граждан. Такая ситуация не могла не отразиться на характере турецкой международной политики, которая в общем смысле становилась заложником локальных противоречий и нестабильности. Это кардинально отличалось от предыдущих этапов, когда прерогатива определять внешний курс республики принадлежала узкому кругу правящих лиц. Фрагментация власти и вовлечение широких масс в обсуждение указанной сферы изменила установившийся баланс.

Первые признаки неустойчивости новой системы проявились уже на всеобщих выборах в 1961 году, где ни одна партия не сумела добиться подавляющего преимущества. Выигравшая больше всего депутатских мест РНП под руководством Иненю получила от военных мандат на формирование коалиционного кабинета. Однако созданный альянс с Партией справедливости (ПС), считавшейся одной из наследниц ранее ликвидированной Демократической партии Мендереса, просуществовал совсем недолго из-за

возникших острых политических разногласий между двумя организациями. В целом же до конца срока полномочий того состава Меджлиса в качестве премьер-министра Иненю в совокупности возглавлял три разные правительства, которые каждый раз разваливались ввиду аналогичной причины. Так как образовалась тупиковая обстановка, после последнего эпизода власть на некоторое время перешла к временному кабинету, функционировавшего до назначенных на октябрь 1965 года следующих парламентских голосований. Забегая вперед скажем, что тогда уверенную победу одержала как раз ПС во главе с новым лидером Сулейманом Демирелем. В результате РНП вновь ушла в оппозицию. Как ни иронично, подобный сценарий означал частичное восстановление прежнего статус-кво, имевшего место еще до переворота 1960 года.

Если же давать общую оценку прошедшему четырехлетнему политическому циклу, данный период не в последнюю очередь запомнился определенным охлаждением двусторонних контактов Анкары с американской администрацией. В значительной степени этому способствовали ряд событий, где интересы двух стран, мягко говоря, не совпадали. Первым таким сигналом стал карибский кризис 1962 года. В разгар холодной войны в ответ на размещение США своих ракет «Юпитер» с ядерными боеголовками на турецкой территории, СССР развернул сопоставимые по параметрам собственные ракетные установки на острове Свободы. На пике эскалации данного конфликта Вашингтон и Москва в ходе секретных переговоров в качестве компромисса договорились об обоюдном выводе указанных вооружений. Но загвоздка заключалась в том, что турецкая сторона совсем не была проинформирована о готовящемся плане. При этом с самого начала республика выступала категорически против подобного сценария, поскольку рассматривала присутствие ядерного арсенала как некую гарантию приверженности натовских союзников защищать ее от коммунистической угрозы. Таким образом, совершенная сделка сильно разочаровала Анкару, которая теперь среди прочего пришла к заключению, что «во время кризисов США могут быть готовы пожертвовать Турцией ради американских интересов, и исключительная опора на американскую поддержку может быть рискованной» [44, с. 101].

Тем не менее, несмотря на подобную оценку ситуации, правительство Иненю никак не демонстрировало открытого недовольства. Более того, местные власти пытались создать ложное впечатление по поводу ее участия в решении о «юпитерах», тем самым убедить наблюдателей об отсутствии каких-либо трений с заокеанским союзником. Данный подход во многом объяснялся чисто прагматическими соображениями: в геополитических реалиях холодной войны для турецкого истеблишмента поддержка Запада и в особенности США оставалась наиболее приоритетной задачей. Поэтому было важно не допустить дальнейшей эскалации двусторонних отношений. В свою очередь публичное обсуждение возникшего разногласия неминуемо могло вызвать здесь сильный общественный резонанс. В рамках конкурентной партийной системы такой расклад потребовал бы от РНП ответной реакции на указанный инцидент. Иначе

с точки зрения электората картина выглядела бы как слабость турецкого государства. В конце концов тогда эта история не получила продолжения.

Между тем более серьезным испытанием для турецко-американского альянса стали события 1964 года, связанные с резким обострением кипрского вопроса. Следует подчеркнуть, что истоки конфликта во многом лежали в исторической плоскости. Начиная с шестнадцатого века в течение более трех столетий населенный в основном греками Кипр входил во владения Османской империи. Вследствие этого здесь возникла довольно многочисленная турецкая община. Указанное обстоятельство имело ключевое значение в плане долгосрочной динамики политических процессов, поскольку на определенном этапе в будущем именно межэтническая сфера превратится в один из значительных факторов напряженности в островном государстве. Но перед этим в 1878 году стратегически важная средиземноморская территория оказалась уже под оккупацией Лондона, что в конечном счете вылилось в ее официальную аннексию англичанами в 1914 году.

Примечательно, что во время лозаннских мирных переговоров турецкая делегация признала новый статус-кво. В принципе переход Кипра под внешнее управление европейской державы отвечал интересам Анкары, которые на тот момент заключались, с одной стороны, в обеспечении прав турко-киприотского меньшинства, с другой стороны, в недопущении так называемого энзиса – объединения Кипра с материковой Грецией. Во втором случае турецкая администрация довольно негативно относилась к потенциальному географическому расширению, следовательно, и усилению греческого государства, учитывая традиционно сложные отношения между двумя соседями. В данном контексте установление британского контроля над регионом виделось Анкарой наиболее приемлемым вариантом, позволявшим реализовать две вышеотмеченные цели, тем более что власти в Афинах также формально одобрили соглашение.

Таким образом, после заключения всестороннего договора кипрская тематика на длительный период выпала из международной повестки дня. Хотя местное греческое население совсем не отказывалось от идеи отделения от Британии, тем не менее, колониальная администрация достаточно успешно подавляла подобные устремления. Однако в пятидесятых годах прошлого века ситуация начала вновь накаляться. Движение за независимость острова резко активизировалось. Прежде всего, под давлением собственной общественности руководство Греции все больше вовлекалось в кипрские дела, открыто поддерживая позицию сторонников энзиса. В 1954 году страна вынесла на обсуждение в ООН предложение по предоставлению жителям Кипра возможности на самоопределение. Однако данная инициатива завершилась неудачей, так как Анкара и Лондон выступали категорически против такого плана [15, с. 357-358]. Так или иначе произошедшая интернационализация вопроса придала дополнительный импульс греческим ирредентистам. На этом фоне после консультаций с Афинами в 1955 году их борьба приобрела уже вооруженный характер, что перевело конфликт на качественно иной уровень. Подобное развитие вызвало ответную реакцию турко-киприотов, составлявших

около 20% от всего населения данной местности. При содействии Анкары они организовали сопротивление мятежникам. Впоследствии идеологические противоречия переросли в прямые столкновения между двумя главными общинами острова, что угрожало развязыванием полномасштабной гражданской войны.

Тем временем в свете продолжающейся эскалации Турция в качестве механизма урегулирования проблемы продвигала вариант с разделением Кипра на два отдельных государства. Стратегия же Греции сводилась к присоединению данной территории с сохранением ее действующих границ. Принимая во внимание исторический антагонизм этих двух натовских государств, в сложившихся условиях существенно возрастали риски военной конфронтации между ними. Разумеется, подобный сценарий представлялся крайне нежелательным для североатлантического блока, так как среди прочего подрывался принцип единства внутри организации. Данный фактор подтолкнул американцев к интенсивному вмешательству в киприотский кризис.

В конце концов именно под нажимом США был найден относительный компромисс в виде формирования независимого Кипра в августе 1960 года. Причем конституция нового территориального образования обеспечивала гражданам турецкого происхождения гарантированное участие в политической жизни государства. В частности, за ними в общей сложности закреплялось 30 процентов депутатских мест в парламенте и министерских постов в кабинете. Согласно основному закону должность президента в обязательном порядке занимал представитель греков, тогда как турки получали полномочия самим избирать вице-президента. Самое интересное, что оба лидера наделялись правом вето по таким направлениям как внешняя политика, оборона и безопасность. Выступая в качестве гарантов соблюдения достигнутых договоренностей, Британия, Турция и Греция брали на себя ответственность противодействовать любым попыткам как расколоть, так и присоединить Кипр к другому государству. В случае же нарушения каких-либо норм соглашения каждый из перечисленных игроков, несмотря даже на отсутствие общего консенсуса среди подписантов документа, мог принимать односторонние шаги [44, с. 97-98].

Собственно, совершенная сделка во многом удовлетворила ожидания турецкого правительства. Главным образом итоговая резолюция максимально препятствовала осуществлению энтозиса, что изначально являлось наиболее приоритетной задачей республики. Однако надежды на установление долгосрочного мира и стабильности на острове не оправдались. Конституция Кипра не функционировала надлежащим образом, поскольку выработанная формула по взаимодействию турецкого и греческого населения оказалась несостоятельной. С этой точки зрения основным камнем преткновения виделась их абсолютная неспособность договариваться между собой. Ни одна из сторон не хотела идти на уступки, тем самым принятие тех или иных решений постоянно блокировалось. В конечном счете это привело к параличу всей политической системы, что стало предвестником очередного государственного кризиса. Когда обстановка зашла в полный тупик, президент Макариос в 1963 году предложил законодательные изменения, направленные на переход на чисто

унитарную модель управления с лишением турко-киприотов право вето [11, с. 94]. Вполне предсказуемо последние отвергли такую идею. Одновременно указанный эпизод еще больше усугубил раскол внутри общества.

Соответственно, в условиях роста напряженности вскоре возобновилось межэтническое насилие, спровоцированное нападениями греческих групп против турецкой общины. С каждым разом масштабы кровопролития только расширялись. Вследствие чего треть местных турок стали беженцами внутри страны [44, с. 106]. На фоне подобного развития по всей Турции прошли демонстрации, призывавшие правительство вмешаться в текущие события на Кипре ради защиты «кровных братьев». И власти в Анкаре не могли игнорировать данное обстоятельство. Именно под давлением общественного мнения в июне 1964 года Иненю предупредил Вашингтон о своих намерениях провести военную интервенцию, ссылаясь на роль республики в качестве гаранта в рамках действующего договора с Грецией и Британией. Скорее всего, данное заявление турецкого премьер-министра всего лишь являлось блефом. Здесь дело не только в том, что он столкнулся с оппозицией части генералитета. Прежде всего, на тот момент Анкара не обладала достаточными ресурсами для проведения столь сложной операции, в частности у армии отсутствовали десантные корабли для высадки солдат.

По всей видимости Иненю рассчитывал, что своими действиями он вынудит американцев, опасавшихся разрастания кипрской проблематики в непосредственный конфликт Анкары и Афин, повлиять на позицию греков с целью предотвращения наихудшего сценария. Однако в действительности же в письменном ответе тогдашний глава США Линдон Джонсон не просто возразил турецким планам, но сделал это в несвойственном для такого уровня взаимоотношений крайне недипломатичном стиле. Среди прочего он запретил союзнику использовать американское вооружение для потенциального вторжения на остров, а также предупредил, что североатлантический альянс не будет защищать республику в случае вовлечения в конфронтацию СССР на стороне правительства Макариоса [11, с. 95]. Надо сказать, Москва рассматривала вероятное турецкое наступление сквозь призму территориальной экспансии НАТО, следовательно негативно оценивала перспективы оккупации Кипра одним из участников данного блока. 8 августа 1964 года советское агентство ТАСС опубликовало заявление о решимости «Советского союза помочь Республике Кипр защищать ее свободу и независимость...» [44, с. 108]. Поэтому тогда действительно существовали риски российского ответа в той или иной форме.

Разумеется, после такой реакции Вашингтона не могло идти никакой речи о силовом решении ситуации. Более того, довольно резкие высказывания Джонсона вызвали сильный резонанс в турецком истеблишменте. Кстати говоря, информация о содержании отправленного американским лидером письма долго держалась в тайне от местной публики из-за особой чувствительности темы. Население узнало о произошедшем инциденте лишь в 1966 году, когда во власти уже находилось правительство Демиреля. Тогда эта новость породила беспрецедентную волну антиамериканских демонстраций в стране [11, с. 95]. В

некотором смысле возник глубокий кризис доверия: в турецком социуме все чаще стал подниматься вопрос о необходимости пересмотра концептуальных основ внешней политики государства. Отдельные круги стали подвергать критике ориентацию на исключительное сотрудничество с Западом.

Последняя тенденция в значительной степени отражала усиливавшийся здесь с начала 1960-х годов процесс широкого распространения левых идей среди граждан. Именно тогда образовалось крайне влиятельное движение *Yön*, ставивший своей целью социалистическую трансформацию турецкого общества. Выходивший под одноименным названием журнал имел довольно высокий рейтинг. К примеру, в 1963 году тираж каждого издания достигал 30 тысяч экземпляров. Данная еженедельная периодика была особенно популярна в среде студенческой молодежи и интеллектуалов. Естественно, запрос на социалистическую модель развития так или иначе оказывал воздействие и на политическую динамику. В частности, в тот период внутри правящей Народно-республиканской партии стала доминировать фракция сторонников социализма. В итоге за несколько месяцев до общенациональных голосований 1965 года организация официально объявила себя левоцентристской силой [78, с. 36]. Неудивительно, что электоральная борьба между действующими властями и их главными конкурентами в лице Партии справедливости в известной мере рассматривалась наблюдателями сквозь призму противостояния коммунистических и капиталистических ценностей.

Собственно говоря, Демирель сделал борьбу с «красной угрозой» центральной темой собственной предвыборной кампании, обвиняя НРП «в заигрывании с коммунистами и советской Россией» [24, с. 35]. Во многом как раз такая тактика сыграла ключевую роль в его успехе на тогдашних выборах. Причем вопреки всем прогнозам ПС набрала 52,8% голосов и выиграла абсолютное большинство мест. Таким образом, совершенно неожиданно после некоторой паузы в Турции вновь установилось единоличное правительство. Данный факт являлся безусловным преимуществом новоизбранного руководства страны, которое в отличие от предшественников могло действовать в государственных делах более свободно, не оглядываясь на мнение своих оппонентов по парламенту, что позволяло ускорить процесс принятия политических решений. Однако, с другой стороны, даже в таких условиях Демирель в отдельных особо чувствительных вопросах был вынужден считаться с преобладающими установками среди местного населения. В частности, это касалось внешней стратегии, где после упомянутых кипрских событий и письма Джонсона у большинства турецких граждан сформировался отрицательный образ Вашингтона и коллективного Запада в целом. Соответственно, указанный фактор требовал от лидера Партии справедливости более осторожного подхода касательно взаимодействия с натовскими странами.

Но в то же время как весьма прагматичный политик Демирель прекрасно осознавал всю значимость восстановления изрядно испорченных связей с американцами. Подобная оценка не в последнюю очередь была обусловлена геополитическими соображениями, где в рамках биполярного мира Турция всегда рассматривала себя неотъемлемой частью капиталистического лагеря.

Поэтому на фоне продолжающейся холодной войны вопросы безопасности все еще имели для республики первостепенную значимость. Помимо этого, важно подчеркнуть, что аналогично Мендересу в качестве приоритетного направления своей работы на посту премьер-министра Сулейман Демирель уделял особое внимание ускорению экономического роста. Краеугольным камнем в реализации данной задачи являлось предоставление внешними партнерами финансирования под различные проекты. Естественно, основным источником денежной помощи мог выступать только Запад. Этот момент дополнительно стимулировал правительство ПС к сближению с Вашингтоном.

Однако преодоление проблем в двусторонних отношениях с натовскими союзниками требовало от официальной Анкары определенных уступок, в том числе смягчения ее позиции относительно кипрского вопроса. Когда в 1967 году на острове в очередной раз вспыхнули межэтнические волнения, направленные в первую очередь против турецкой диаспоры, Демирель с самого начала действовал весьма сдержанно. Он не только согласился на проведение мирных переговоров с греческим коллегой для урегулирования кризиса, но во время саммита даже допустил сценарий энозиса взамен на разрешение строительства турецкой военной базы на Кипре [44, с. 110]. Правда, его идея в конечном счете была отклонена оппонентом.

В любом случае данный эпизод продемонстрировал готовность турецкого премьера к компромиссу. В итоге такой подход позволил ему так или иначе завоевать доверие США. Именно при прямом посредничестве последних угроза дальнейшей эскалации тогда была нивелирована. Решившая не повторять ошибок прошлого администрация Джонсона на этот раз не стала выдвигать никаких ультиматумов перед Анкарой, которая вновь подавала сигналы про ее планы военной интервенции после отказа греков от предложенного Демирелем проекта. Вместо этого Вашингтон, используя давление на афинские власти, добился выполнения главных турецких условий для снятия возникшей напряженности. В данном контексте среди прочего Греция сократила количество дислоцированного на острове контингента собственных солдат с 6 тысяч до обговоренного в договоре от 1959 года уровня в 950 человек [19, с. 144].

Хотя принятые меры и не привели к окончательному разрешению кипрской проблемы, а лишь временно заморозили спор, тем не менее, данная история заметно поспособствовала улучшению турецко-американских связей. В значительной степени это отразилось на расширении экономического содействия Турции. Финансовая поддержка главным образом осуществлялась через площадку Организации экономического сотрудничества и развития, где ведущую роль играли как раз США. Показательно, что если в 1960-64 годах в среднем ежегодные денежные трансферты в пользу Анкары составляли 243 млн долларов, то в 1965-69 годах цифры увеличились до 284 млн долларов. Причем, надо отметить, на тот момент данная сумма была эквивалента более чем половине от всех поступлений страны от экспорта товаров и услуг [44, с. 109]. Не в последнюю очередь благодаря этим средствам Демирель поддерживал сравнительно высокий рост местной экономики. Так, за время его правления национальный ВВП повышался примерно на семь процентов в год, что в итоге

позволило поднять покупательскую способность населения на 30% [11, с. 98]. Причем такая картина не сопровождалась резким скачком цен в отличие от предыдущих этапов. Инфляция держалась на довольно приемлемых значениях.

В целом тот период запомнился инициированием множества крупных индустриальных проектов, в особенности в энергетической отрасли. В последнем случае упор делался на масштабном строительстве разного типа электростанций для удовлетворения возрастающего внутреннего спроса на энергию. Дополнительно вливались большие инвестиции и в инфраструктуру. В частности, несмотря на жесткое сопротивление РНП, руководство Партии справедливости начало возведение первого Босфорского моста в Стамбуле. В итоге экономические достижения в известной мере обеспечили действующему правительству сохранение абсолютного большинства на следующих парламентских выборах в 1969 году.

Тем временем, придерживаясь традиционного курса турецкого государства, в котором западный вектор занимал центральное место, Демирель параллельно продолжил начатую еще его предшественником стратегию относительной диверсификации внешней политики. Надо сказать, инцидент 1964 года с письмом Джонсона стал своего рода переломным моментом, когда среди турецкой элиты сформировалось общее мнение по поводу необходимости сбалансирования международных связей страны. Принятие такого подхода диктовалось прагматическими целями, поскольку на фоне кипрской ситуации Турция оказалась изолированной из-за своей позиции. Яркой демонстрацией этого служило обсуждение тематической резолюции в стенах Организации объединенных наций в декабре 1965 года. Тогда во время голосования лишь пять стран (США, Пакистан, Иран, Афганистан и Ливия) поддержали Анкару [19, с. 163]. Подобный исход, нанесший серьезный удар по репутации республики, расценивался турецкой стороной очередным веским сигналом к внесению корректировок во внешнеполитическую конструкцию. В данном контексте первостепенной задачей являлось выстраивание более независимой модели поведения, тем самым, поэтапное избавление от закрепившегося за Турцией имиджа как беспрекословного проводника идей Запада.

В соответствии с новой линией правящая Партия справедливости резко активизировало сотрудничество с соседним СССР. При этом сама Москва с учетом ее глобальных амбиций также была заинтересована в углублении взаимных контактов. В рамках противостояния с натовским блоком советские власти опасались насчет использования турецкой территории в качестве потенциального плацдарма для нападения на «союз», о чем свидетельствовал тот же карибский кризис. Поэтому руководство в Кремле путем установления действительно дружественных отношений с сопредельным государством стремилось так или иначе нивелировать такого рода риски. Отсюда вытекал другой важный мотив, в частности долгосрочное ослабление консенсуса внутри НАТО через непосредственного участника данного объединения.

С точки же зрения турецкой администрации советский фактор воспринимался прежде всего неким рычагом во взаимодействиях с североатлантическим альянсом. Кроме того, установление конструктивного

диалога с Россией должно было создать благоприятную почву для проведения с ней прямых консультаций касательно обоюдных разногласий вокруг кипрского конфликта. Отдельно следует остановиться и на экономических дивидендах Анкары в процессе сближения двух стран. В сложившихся обстоятельствах республика теперь вполне могла рассчитывать на доступ к дополнительному источнику иностранной финансовой помощи, тем более российская сторона давно выражала готовность оказать подобное содействие. В свое время Хрущев сразу после свержения Мендереса в 1960 году в официальном письме новому президенту генералу Джемалю Гюрселю в том числе предложил передать его правительству материальную поддержку в размере 500 млн долларов. Однако указанная инициатива в итоге осталась без ответа. Во многом это объяснялось нежеланием турецких властей обременять себя обязательствами политического и иного характера, непременно возникающими в случае принятия этих денег [19, с. 157]. Еще одним из главных сдерживающих факторов тогда являлась вероятная негативная реакция Запада на такое развитие. Теперь же с изменением конъюнктуры эти сомнения само собой отодвигались на второй план.

Расширение двустороннего партнерства впоследствии вылилось в обмен визитами на самом высоком уровне. В конце 1966 года состоялась семидневная поездка председателя кабинета министров Косыгина в Турцию. В свою очередь уже в сентябре следующего года Демирель совершил десятидневное турне в Москву. Все эти встречи помимо чисто символического смысла имели еще и практическое значение, поскольку личные переговоры лидеров всегда считались наиболее эффективным форматом в достижении конкретных договоренностей. Стоит обратить внимание, что здесь акцент преимущественно делался на экономических соглашениях, выступавших неким стержнем усиливающего сотрудничества Анкары и Москвы. Несмотря на демонстративные попытки перехода на внешнюю многовекторность, турки все-таки не допускали более тесной политической интеграции с СССР.

Таким образом, начиная с 1967 года республика стала реципиентом прямой советской финансовой помощи. Кредиты предоставлялись на довольно выгодных условиях с сравнительно низкими процентными ставками и длительными сроками возврата. На первом этапе правительство Демиреля использовало эти средства для строительства семи крупных промышленных предприятий, внесших весомый вклад в индустриализацию местной экономики. Между прочим, в возведении данных объектов техническое сопровождение осуществляли советские инженеры, которые в тот период в большом количестве специально направлялись в качестве инструкторов под различные проекты, что обеспечивало необходимый трансферт знаний и опыта. Естественно, принимающая сторона высоко оценивала указанный аспект, сильно контрастировавший с подходом американских и европейских союзников Анкары.

Весьма показательным, что к концу семидесятых годов прошлого столетия Турция вошла в список основных получателей советских денег. В целом с 1967 по 1981 года общая сумма займов составила почти 1 млрд долларов. При этом их возмещение происходило путем поставки турецких товаров [15, с. 472]. Данный

механизм не только значительно облегчил процесс погашения долга, но также дополнительно стимулировал здесь рост национального производства и доходов экономики.

Тем не менее, вопреки нарастающей динамике взаимного сотрудничества, интенсификация отношений между двумя государствами имела свои объективные пределы. Прежде всего, в какой-то мере непреодолимым камнем преткновения выглядели идеологические расхождения, в широком смысле связанные с диаметрально противоположными геополитическими и цивилизационными ориентирами СССР и Турции в контексте биполярного мирового порядка. В частности, это отражалось на предпочтениях касательно формы организации общественной жизни и типа устройства политической системы. В данном случае основным разлом проходил по линиям капитализм-социализм и демократия-автократия, служившие неким индикатором принадлежности к соответствующему блоку. Разумеется, кемалистский режим крайне враждебно относился к перспективам распространения коммунистических идей внутри республики.

С другой стороны, несмотря на начатую в тот период разрядку международной напряженности время от времени определенные события напоминали туркам о сохраняющихся рисках геополитической конфронтации. В частности, здесь можно вспомнить об инциденте 1968 года касательно вторжения советских войск в Чехословакию на фоне либеральных реформ в этой стране, впоследствии получивший название «пражская весна». Также стоит сказать об расширении советского военного присутствия в восточном средиземноморье, что не могло не беспокоить турецкие власти [44, с. 109]. Хотя в результате событий вокруг Кипра и процесса сближения с СССР внутри республики усилились дебаты касательно целесообразности нахождения в составе НАТО, когда главным образом сторонники левых идей из числа интеллектуалов призывали к переходу к официальному нейтралитету, тем не менее, руководство в Анкаре продолжало с большим подозрением относиться к действиям Москвы. Следовательно, военный альянс с Западом все еще рассматривался местным истеблишментом в качестве неотъемлемого составляющего национальной безопасности.

Другим важным направлением внешнеполитической диверсификации Турции был арабо-мусульманский мир. В целом со времен Ататюрка данный вектор был особенно чувствительным. Как символ модернизации и разрыва с имперским прошлым Ататюрк дистанцировался от данного региона. Данный вопрос имел особую важность в контексте политики секуляризации всех сфер жизни государства. Но сложившиеся на тот момент реалии диктовали необходимость более прагматичного подхода и укрепления связей с ближневосточными странами. В целом тогда внутри турецкого руководства сложился консенсус о правильности данной стратегии. При этом консервативный электорат Демиреля и Партии справедливости, а также молодые сторонники социализма также выступали за укрепление отношений с Ближним Востоком.

Новый подход Анкары по отношению к ближневосточному региону в том числе проявлялся в сделанном в 1966 году заявлении главы турецкого внешнеполитического ведомства Чаглайынгыла: «Турция связана с арабским и исламским миром через общую историю и глубоко укоренившиеся религиозные, социальные и культурные узы» [11, с. 101]. При этом президент страны Джемал Сунай также поддержал данную инициативу. Поскольку до своего избрания на высший пост он занимал должность начальника генштаба вооруженных сил, точка зрения Сунаия отражала общую позицию генералитета. Показательно, что во время обсуждения в стенах Генеральной Ассамблеи ООН правительство Демиреля проголосовало за принятие резолюции о выводе израильских солдат с оккупированных в результате шестидневной войны территорий. Такой шаг шел вразрез с позицией США и других западных партнеров.

Между тем кемалистские принципы секуляризма и вестернизации общества выступали неким сдерживающим фактором, препятствующим более тесной интеграции Турции с мусульманскими странами. Когда в 1969 году в столице Марокко состоялась конференция лидеров исламских государств, военная элита в лице прежде всего Сунаия высказалась против участия республики в подобного рода мероприятии. Демирель придерживался противоположного мнения, поскольку расценивал встречу в Рабате как форум чисто политического характера [11, с. 102]. Однако в конце концов республика на съезде была представлена лишь на уровне министра иностранных дел. Причем Анкара согласилась стать только наблюдателем в создаваемой Организации исламской конференции.

В значительной степени благодаря экономическим достижениям правящая Партия справедливости в 1969 году на выборах вновь получила большинство мест в парламенте. Но в итоге спустя два года Демирель был смещен с поста премьер-министра вследствие давления со стороны армии. Переворот был обусловлен сложившейся анархией в стране. В конце шестидесятых годов прошлого века внутри турецкого социума происходило заметное обострение борьбы между различными силами, где основной конфликт разворачивался по линии правые-левые. На фоне явной радикализации идеологических разногласий противостояние двух групп вскоре переросло в открытые вооруженные столкновения. Республику охватила волна насилия и преступности. Ограбления банков, похищения людей и другие противозаконные акты приобрели повсеместный характер. На это накладывалось резкое ухудшение внутреннего экономического положения. Так, в 1971 году курс лиры к доллару подскочил с 9 до 15, а инфляция ускорилась до 15,9 процентов [15, с. 396].

В данных обстоятельствах с точки зрения военных единственно верным решением виделось установление жесткого контроля в социуме, что и стало причиной их ультиматума об отставке кабинета министров. При этом существует еще одна версия о мотивах свержения действующей администрации. В частности, согласно некоторым предположениям, «главной причиной военной интервенции служило предотвращение захвата власти радикальной левой группой, которая включала в себя высших военачальников» [78, с. 17]. Иначе говоря, указанные элементы вынашивали собственные планы по реализации

силового смещения гражданских властей. В целях недопущения такого сценария официальный генштаб и сыграл на опережение 12 марта 1971 года.

После переворота в течение в двух с половиной лет в государстве функционировали по сути назначенные армией три разных правительства технократов. В этот период одним из центральных пунктов повестки дня во внешней политике Анкары представлялся конфликт во взаимоотношениях с Вашингтоном из-за так называемого опиумного вопроса. В этом случае противоречие возникло по поводу легального выращивания указанной культуры на турецкой территории. В определенных западных провинциях, например, в Афьонкарахисаре (турецкое значение означает опиум-черный-замок), производство мака считалось одним из главных источников дохода локальных фермеров. Хотя конечный продукт предназначался для использования в фарминдустрии, тем не менее, значительная часть применялась в изготовлении наркотиков. Как показало проведенное в 1968 году американское исследование, тогда почти 80% употребляемого в США героина делалось именно из турецкого опиума [19, с. 153]. Естественно, американская сторона стала активно поднимать данную тему на двусторонних переговорах, добиваясь от своих визави введения запрета на разведение мака. Однако Демирель отклонил подобные запросы, лишь ограничившись сокращением площадей посева указанного растения, что совсем не устраивало США.

Тем не менее, после смены власти в июне 1971 года премьер-министр Нихат Эрим все-таки согласился выполнить американские требования. Но этот шаг вызвал крайнее недовольство местных жителей, которые трактовали ситуацию как неоправданную уступку собственной страны в угоду интересам иностранного государства [44, с. 111]. В общем смысле этот эпизод привел к еще большему усилению антиамериканских настроений среди определенной части граждан. В дальнейшем данная тема продолжала оставаться одним из самых дискуссионных в обществе. Таким образом, когда республика вновь вернулась к демократическим выборам, избранный глава кабинета Бюлент Эджевит вновь разрешил выращивание мака. Но одновременно правительство взяло данную сферу под жесткий надзор. Теперь аграрии могли работать в этом направлении только по лицензии государства, что виделось относительным компромиссным выходом из сложившейся ситуации.

Собственно говоря, вопреки целям военных навести порядок в стране за счет организации переворота, в семидесятых годах прошлого века обстановка внутри Турции оставалась крайне напряженной и нестабильной. Идеологическая поляризация в турецком социуме сохранялась, что переносилась на политический уровень. Невозможность какой-либо одной партии выиграть большинство голосов на выборах, приводила к формированию коалиционных правительств, которые при первом же внутреннем испытании распадались. В данный период в турецкой политике преобладал популистский подход. Политики часто ориентировались на мнение электората по тем или иным чувствительным вопросам.

В октябре 1973 году РНП под руководством Эджевита получила на парламентских голосованиях 33 процента голосов. В условиях необходимости

создания блока с другой партией, неожиданным партнером стала Партия национального спасения Неджметтина Эрбакана. Последняя группа расценивалась в качестве консервативно-религиозной силы. Партия Эрбакана стала первой исламистской фракцией, вошедшей в парламент Турции. Надо сказать, Эрбакан оставил большой след в турецкой политике. При этом он считается в некотором смысле политическим наставником нынешнего лидера страны Эрдогана. Здесь нужно коротко рассказать об истории становления политического ислама в Турции.

После образования современной республики долгое время религиозным группам запрещалась вовлекаться в политику. Только после либерализации политической системы произошла некая диверсификация в данной сфере. Эрбакан в 1970 году создал первую исламистскую по характеру партию страны – Партию национального порядка. Однако после переворота 1971 года она была распущена военными. В целом тогда многие диссиденты попали под преследование властей. Опасаясь за свою судьбу, Эрбакан уехал в Европу. Хотя, как показала история, националисты и исламисты меньше всего пострадали в результате зачистки политического поля, тогда как под сильным ударом оказались левые. После этих событий Эрбакан и вернулся в Турцию в 1973 году [24, с. 40]. В том же году он воссоздал свою старую партию под другим названием в виде Партии Национального спасения. Впоследствии как раз эта партия и дала Эрдогану пропуск в большую политику.

Несмотря на разное видение вопроса секуляризма, объединяющим моментом Эджевита и Эрбакана выступала присущая им антизападная настроенность. Исламистская повестка дня Эрбакана предполагала усиление связей прежде всего с мусульманским миром. В свою очередь Эджевит придерживался социалистических взглядов. С его точки зрения именно социализм как модель развития способен решить экономические и социальные проблемы страны [24, с. 43]. Эджевит призывал к проведению независимой внешней политики и снижению влияния США в этом аспекте.

Именно во время функционирования данного альянса и случился один из самых острых внешнеполитических кризисов Анкары за годы существования республики. Речь главным образом идет о вооруженном конфликте вокруг Кипра в 1974 году. В том году на острое произошел военный переворот, организованный военным правительством Греции. Естественно, Анкара выступила против такого развития, так как опасалась за судьбу местного турецкого населения. 20 июля 1974 года турецкие власти решились на вооруженную интервенцию в Кипр в целях защиты граждан турецкого происхождения [11, с. 106]. Данное действие привело к разделению этой средиземноморской страны на две части. Северные территории оказались под контролем турецкой стороны.

После этого инцидента США инициировали мирные переговоры между Грецией и Турцией. Во время этих переговоров в августе 1974 года Анкара посредством военной силы расширила подконтрольные ей территории. Теперь практически все районы, населенные местным турецким населением, перешли под контроль Турции. В результате этого события Вашингтон ввел ряд санкции

против Анкары, в том числе и оружейное эмбарго. В ответ турецкие власти объявили о создании Федеративного турецкого государства Кипр. Кроме того, были закрыты все военные базы США в Турции, которые не связаны с деятельностью НАТО. Данная мера не затронула только американскую авиабазу в Инджирлике. Важно подчеркнуть, санкции были полностью отменены лишь в 1978 году во время администрации уже Джимми Картера.

В сентябре 1974 году Эджевит подал в отставку. Он хотел эксплуатировать ситуацию с ростом своей популярности на фоне кипрского конфликта, тем самым попытаться на новых выборах выиграть большинство мест в парламент [11, с. 107]. По другой версии причина данного поступка заключалась в нежелании Эрбакана начать мирные переговоры с греческой стороной. Ввиду данной ситуации Эджевит и решил выйти из правительства [44, с. 115]. Однако другие политические силы выступили против данной идеи. В итоге начался период крайней нестабильности, когда состав правительства довольно часто менялся. Следующие выборы состоялись в 1977 году, где РНП Эджевита сумела набрать 41% голосов. Его партия сформировала правительство в коалиции с вышедшими из состава Партии справедливости Демиреля. Но в октябре 1979 года Эджевиту пришлось вновь подавать в отставку вследствие поражения на муниципальных выборах, главным образом из-за тяжелых экономических проблем и сложностей в сфере безопасности.

В конце семидесятых годов в турецко-американских отношениях наступил очередной перелом. Здесь свою роль, с одной стороны, сыграли события в Иране, где в результате революции произошло свержение шахского режима. В связи с этим значение Турции в проведении ближневосточной политики Вашингтона существенно усилилось. С другой стороны, в том же году началась советская интервенция в Афганистан, что привело к усилению напряженности на глобальном уровне между СССР и США. На этом фоне западные партнеры решили укрепить связи с Анкарой. Одним из шагов в этом направлении стало предоставление экономической помощи стране в рамках Международного валютного фонда. Хотя служивший премьер-министром Эджевит не хотел принимать условия кредита, тем не менее, по сути, у него не было другой альтернативы. Экономическая ситуация в республике виделась чрезвычайной. Так, внешний долг достиг 19 млрд долларов, безработица находилась на уровне 20%, а инфляция составляла 70% [11, с. 109]. В итоге в качестве более приемлемого варианта Эджевит попросил о предоставлении кредита западные банки взамен МВФ. Подобное развитие вызвало шквал критики со стороны оппозиции. Как ни парадоксально, но после ухода правительства Эджевита новый кабинет министров во главе с Демирелем быстро согласился на условия МВФ. В конце концов Анкара получила 2,5 млрд долларов займа от данной организации.

Надо сказать, что война в Афганистане рассматривалась Анкарой как сигнал для укрепления собственной безопасности, поскольку республика также имеет общие границы с СССР. В данном контексте ценность нахождения в составе НАТО становилась еще более очевидной.

В семидесятых годах прошлого века турецкое правительство продолжило стратегию диверсификации своей внешней политики. Интенсивно развивались отношения с Советским союзом, в особенности в экономической сфере. Показательно, что в 1978 году объем советской помощи Турции превысил аналогичные цифры западных партнеров [19, с. 159]. Тогда же Москва и Анкара подписали важный документ о принципах добрососедства и дружеского сотрудничества. Можно сказать, что турецкие власти пытались использовать контакты с СССР в качестве балансирования своих отношений с Западом. Но, тем не менее, как говорилось выше в тексте, несмотря на углубление сотрудничества с Россией, главным внешним приоритетом для Турции оставались связи с Западом. Ни финансовое содействие Москвы, ни другие меры не привели к радикальной смене внешней стратегии Турции.

Следует упомянуть и об усилении контактов Турции с ближневосточными странами. В том числе это было обусловлено экономическими соображениями. Анкара хотела развивать торговлю с арабскими государствами. Помимо этого, в тот период значительное количество турецких граждан отправлялась на заработки в данный регион, что также являлось источником привлечения внешних средств в республику. Важно подчеркнуть, во время очередного арабо-израильского конфликта Анкара не разрешила американским военным использовать авиабазу в Инджирлике для помощи израильской армии. После кипрского кризиса турецкие власти стали еще более интенсивно развивать отношения с исламским миром. В стенах генеральной ассамблеи ООН стала в основном поддерживать позицию Палестины. Более того, в 1979 году в турецкой столице появилось бюро Организации освобождения Палестины [19, с. 164].

В результате экономического сближения экспорт Турции на Ближний восток резко вырос с 54 млн долларов в 1970 году до 1,9 млрд долларов в 1982 году. Одновременно за этот же период импорт увеличился с 64 млн до 2,6 млрд долларов [19, с. 165]. Тем не менее, в рамках сотрудничества с мусульманскими странами турецкое государство ни разу не отклонялось от кемалистских принципов. Несмотря на активное участие в работе Организации исламской конференции в тот период, Турция всегда подчеркивала свою особую позицию касательно секуляризма. Поэтому долгое время республика де-факто не являлась официальным членом данного объединения.

Внутренняя ситуация в 1970-х годах характеризовалась нестабильностью в политической и экономических сферах, а также в области безопасности. На фоне недоговороспособности политических партий коалиционные правительства представлялись довольно хрупкими конструкциями. В итоге это приводило к разного рода кризисам, заканчивавшихся роспуском кабинета министров. Постоянная смена власти отражалась на изменчивом характере внешней политики, где разные лидеры имели отличающийся друг от друга стратегии.

В экономическом плане ситуация к концу десятилетия сильно ухудшилась. Одним из факторов этого был нефтяной кризис 1973 года. Цены на нефть увеличились в четыре раза. Поскольку страна импортирует данное сырье, рост стоимости черного золота оказало давление на местный бюджет. В то же время нефтяной кризис привел к ухудшению экономической обстановки в Европе, где

работало огромное количество турецких мигрантов. В результате резко сократились объемы поступающих от этих работников денег в страну. Нельзя не сказать и о кипрском конфликте, который также негативно сказался на финансовом положении Турции вследствие прекращения американской помощи [15, с. 396].

Внутренняя политическая динамика также отличалась кризисными проявлениями. В общем смысле сложилась анархия. Кровавые столкновения между различными противоборствующими идеологическими группами интенсифицировались. Только в 1978 году почти 700 человек были убиты в ходе подобных конфликтах [11, с. 111]. Между прочим, конфронтация шла не только по линии левые-правые. Даже внутри левых сил существовали разногласия, когда просоветские, прокитайские, проалбанские группы регулярно вступали в вооруженную борьбу. Кроме того, противоречия усиливались и по религиозному признаку. Например, в этом случае столкновения происходили между суннитами и алевитами. В стране действовали военизированные группировки, который совершали различные акты насилия. В итоге все это опять спровоцировало армию, которая в сентябре 1980 года в очередной раз вмешалась в политику посредством переворота. Примечательно, большинство простых граждан поддержало данный шаг, рассматривая действия генералитета как правильный поступок в наведении общественного порядка. В итоге «подобно интервенциям в 1960 и 1971 годах переворот 1980 года снова привел турецкую внешнюю политику в традиционную проамериканскую линию» [11, с. 113].

Действительно, последнее десятилетие Холодной войны отметилось значительным потеплением двусторонних отношений Анкары с Западом. Соответственно, некоторое ухудшение наблюдалось в контактах с Москвой. После переворота президентом стал генерал Эврен. Как ни парадоксально, он приветствовал улучшение отношений с исламским миром. Возможно, это связано с тем, что Анкара согласилась принять роль некоего связующего звена между Западом и мусульманскими странами. Революция в Иране и война в Афганистане подталкивали на это. Кроме того, исламские ценности рассматривались в качестве противопоставляющего фактора мировому социализму. Военные хотели использовать мусульманские элементы как идеологию против распространения коммунизма внутри страны.

После свержения гражданской власти возвращение к демократии в Турции произошло в 1983 году. В условиях введения военными запрета на политическую деятельность против Демиреля, Эджевита, Эрбакана и ряда других видных деятелей, новым премьер-министром стал глава недавно созданной Партии отечества Тургут Озал. При этом по итогам выборов он впервые с 1971 года сумел сформировать единоличное правительство одной фракции. Озал поддерживал идею либерального развития республики. Одновременно он был сторонником продвижения рыночной экономики. Эти моменты и предопределили характер его внешней политики. В целом в данном вопросе он руководствовался прагматическим, рациональным и деловым подходом [19, с. 185]. Поэтому он стремился развивать отношения со всеми странами и регионами, так как считал, что это отвечает интересам Турции, в особенности в

экономическом плане. Озал рассматривал Турцию в качестве моста между востоком и западом. Озал верил, что Турция могла бы стать моделью для стран Ближнего Востока. В одном из своих выступлений лидер Партии отечества сказал следующее: «Хотя Турция является мусульманской страной, она обладает секулярным государством, демократической политической системой и либеральной экономикой. Турция добилась успеха в совмещении Западных и Восточных ценностей» [19, с. 186].

В соответствии с собственными взглядами Озал с самого начала пытался наладить контакты со всеми внешними игроками. В том числе он стремился примириться с Грецией и Сирией, с которыми у Анкары на тот момент были непростые отношения. Важно подчеркнуть, что здесь движущей силой являлось не идеологическая мотивация или вопросы безопасности, а именно экономические аспекты. Многие наблюдатели сравнивают внешнюю политику Озала с периодом Мендереса, который также стремился проводить многовекторную политику, не заикливаясь только на одном направлении. Хотя в то же время он признавал лидирующую роль США в мировой системе. В некотором смысле он пытался эксплуатировать отношения с Вашингтоном для распространения влияния республики в других регионах. Во внешней стратегии Озал во многом исходил из географической позиции Турции, расположенной между Западом и Востоком. В данном контексте он руководствовался принципами реалполитик.

Важно подчеркнуть, что некоторые эксперты расценивают политику Озала на международной арене сквозь призму восстановления могущества Османской империи посредством установления крепких связей с окружающим страну регионом. Поэтому данная концепция интерпретировалась как неоосманизм. Здесь не только имело значение активная внешняя политика. Озал рассматривал турецкое общество в рамках османского наследия многокультурного и полиэтнического социума. Он пытался использовать фактор плюрализма для реализации своих внешнеполитических задач. В частности, касательно балканского региона «Озал не говорил как лидер иностранной страны, но скорее как прошлой империи, однажды правившей данной территорией, следовательно, разделяющую общую историю и культуру» [11, с. 121]. Тем не менее, что важно, для Озала западное направление оставалось главным вектором. Можно сказать, что его политика экспансионизма не противоречила основной внешней стратегии государства.

В данном контексте следует напомнить историю с согласием Анкары на обратное принятие Греции в состав НАТО. В прошлом афинские власти на фоне кризиса в двусторонних отношениях с Западом в 1974 году вышли из указанной организации. Так как внутренний устав блока подразумевал получения разрешения всех без исключения участников в вопросе расширения за счет новых членов, долгое время Турция блокировала возвращение соседней страны в военное объединение. Но после переворота 1980 года президент Эврен в рамках переговоров с американцами удовлетворил их просьбы не блокировать повторное вступление Греции в НАТО [15, с. 534]. Данный факт продемонстрировал приоритетность западного направления во внешней

стратегии турецкого государства. При этом после прихода к власти Озала данный курс только укреплялся. В частности, во время первой войны на Персидском заливе его правительство оказало полную поддержку Вашингтону. Кроме того, западная ориентированность Озала отразилась на его решении в 1987 году подать повторную заявку на вступление в организацию Европейского сообщества – предшественника современного Европейского союза [24, с. 61].

Тем не менее, несмотря на экономический акцент во внешней политике Турции, в тот период финансовое положение страны продолжило усугубляться. Хронической проблемой стал дефицит текущего счета, когда импорт товаров и услуг значительно превышал показатели экспорта. Например, если в 1980 году торговый дефицит составлял 5 млрд долларов, то к 1990 году данные цифры выросли до 9 млрд долларов. Естественно, подобная ситуация оказывала давление на курс местной валюты. В 1981 году лира стоила 110 к американскому доллару, тогда как в 1990 году данное значение равнялось к 2600. В конечном счете это приводило к взрывному подъему инфляции. В конце восьмидесятых годов инфляция стабильно находилась на уровне выше 50 процентов [15, с. 524-525].

Во внутренней политике наиболее знаменательным событием стало возникновение вооруженного курдского сепаратизма начиная с 1984 года. С одной стороны, это связано с изменением политики государства касательно собственного курдского меньшинства. Власти стали проводить более жесткие действия по ассимиляции указанной этнической группы, когда ее представители расценивались как одно из разветвлений турецкого этноса. Это вызвало ответную реакцию местных курдов. В то же время обращает на себя внимание конфликт Озала с военными. Исторически именно генералитет отвечал за проведение государственной политики в наиболее важных сферах, в том числе в области внешней политики. Но глава Партии отечества стремился изменить данное статус-кво. На этом фоне в годы его правления время от времени происходили инциденты касательно разделения власти.

В целом доминирование Озала в турецкой политике продолжалось на протяжении всего периода восьмидесятых годов прошлого века. Несмотря на то что он в 1989 году перешел на пост президента, должность которая предполагала больше церемониальную роль, он через своего ставленника на позиции лидера Партии отечества сохранял в своих руках всю полноту власти. Символично, что Озал стал вторым со времен Баяра президентом, не связанным с военной элитой.

Если суммировать итоги правления Тургута Озала, его наследие в целом видится противоречивым. С одной стороны, критики его внешнеполитической стратегии указывают на определенный недостаток. В частности, хотя его внешняя политика и была проактивной, в то же время она несла в себе большие риски. Например, открытая поддержка Вашингтона в войне против Ирака стоила республике серьезных потерь как в экономическом плане, так и с политической точки зрения. В последнем случае международный имидж страны как сбалансированного игрока несколько подпортилась.

Кроме того, критике подвергается его внешняя экономическая политика. В частности, решение Озала об открытии Турции к окружающему миру было

преждевременным шагом, поскольку экономика страны еще не была готова конкуренции. В результате это привело к ослаблению позиции республики, делая ее более зависимым от внешних партнеров. К тому же, логика по поводу урегулирования политических проблем посредством углубления экономического сотрудничества не оправдала себя. С этой точки зрения яркой иллюстрацией являются контакты с Грецией и с некоторыми ближневосточными государствами, с которыми Анкара продолжала иметь серьезные конфликтные вопросы. Между прочим, желание Озала проводить внешнюю политику в обход других турецких институтов, традиционно отвечающих за это направление, в том числе МИД, сделали внешнюю политику в некотором смысле непоследовательной [15, с. 533]. Тем не менее, многие наблюдатели также отмечают и позитивные воздействия фактора Озала. Здесь можно сказать об относительной диверсификации внешней политики Турции, когда страна стремилась развивать отношения со всеми регионами. В этом случае Озал пытался усилить геополитическую роль Анкары за счет сбалансированной стратегии.

3 ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ ПРИ РЕДЖЕПЕ ТАЙИПЕ ЭРДОГАНЕ

На сегодняшний день тема внешней политики Турции вызывает огромный интерес среди экспертного сообщества. Главным образом это связано с определенным сдвигом в международной стратегии государства в годы правления Партии справедливости и развития. За последние двадцать лет под руководством Реджепа Тайипа Эрдогана внешняя политика республики кардинально изменилась, где основная цель заключалась в превращении страны в автономную силу, которая самостоятельно действует на мировой арене без оглядки на другие центры. Естественно, можно дискутировать касательно итогов подобной стратегии. Но, тем не менее, более активная политика Эрдогана не вызывает никаких споров. При этом геополитическое усиление страны привело к возникновению конфликтов в отношениях как с региональными, так и глобальными державами.

3.1 Феномен Партии справедливости и развития и социально-политические преобразования в Турции

Правящая на протяжении последних двух десятилетий турецкая Партия справедливости и развития официально возникла в августе 2001 года. Однако ее истоки восходят к значительно более раннему периоду, когда в конце шестидесятых годов прошлого века один из самых видных политических деятелей страны Неджметтин Эрбакан (1926-2011) вместе с единомышленниками основал движение *Millî Görüş* или «Национальное видение». Идеология этой группы главным образом строилась на традиционных ценностях, где центральное место отводилось религиозному аспекту. В широком смысле представители *Millî Görüş* выступали за усиление роли ислама во всех областях общественной жизни. Они рассматривали мусульманство в качестве главного стержня национальной идентичности, в связи с чем крайне критически относились к турецкой концепции секуляризма. Важно подчеркнуть, в свое время после ликвидации султаната и провозглашения современной республики в 1923 году одной из приоритетных целей нового правительства под руководством Мустафы Кемаля становилась модернизация социальных институтов по западноевропейскому образцу. В рамках данного процесса в том числе состоялся переход к светской модели устройства социума.

Собственно говоря, введение принципа разделения религии и государства представляется краеугольным камнем реформ Ататюрка, в особенности в контексте его масштабного проекта по вестернизации Турции. Причем переориентация на западную культуру не ограничивалась только этим моментом, но также выражалась в замене алфавита с арабского шрифта на латиницу, утверждении европейского календаря и стиля одежды, запрете на ношение османских головных уборов для мужчин, принятии нового гражданского кодекса на базе швейцарского права и во многих других вещах.

Однако довольно существенная часть местных жителей негативно восприняла подобную трансформацию сверху, которая фактически носила

принудительный характер. Революционные преобразования кемалистов осуществлялись небольшим кругом военно-бюрократической элиты. При этом граждане и оппозиция не вовлекались в процесс обсуждения и принятия решений [46, с. 32]. Данный подход позволял властям прежде всего преодолеть мощное сопротивление консервативного большинства. С этой точки зрения наиболее острой темой оказалась именно политика секуляризации, проводившаяся с учетом опыта агрессивного французского лаицизма [79, с. 46]. Указанная модель подразумевала установление тотального государственного контроля над религией. Одновременно ислам полностью вытеснялся с публичного пространства. Естественно, такие радикальные изменения расценивались определенными слоями населения как посягательство на их образ жизни, что служило источником недовольства.

Между тем ускоренная модернизация кемалистов протекала неравномерно, и на начальном этапе в основном коснулась городских территорий. При этом в середине двадцатого столетия удельный вес городских жителей здесь составлял только восемнадцать процентов [80, с. 3]. В итоге вплоть до 1950-х годов подавляющая масса людей в республике «оставались изолированными и традиционными, тогда как урбанистические центры являлись современными и светскими. По сути, две Турции сосуществовали в непростой гармонии: урбанизированный, современный, светский “центр” и сельская, традиционная, религиозная “периферия”, которые друг с другом мало контактировали» [46, с. 33]. Вместе с тем доминирующая в стране элита как раз принадлежала к первой категории. В соответствии с идеологическими установками действующего режима условно модернизированная часть общества обладала привилегированным статусом, в частности относительно доступа к властным позициям.

На этом фоне более многочисленная группа из числа так называемых «черных турок» чувствовала себя маргинализованной и ущемленной. Когда после второй мировой войны Турция перешла на многопартийность и открытые конкурентные выборы, присутствие указанных протестных настроений вылилось в поражение Республиканской народной партии Ататюрка на голосованиях 1950-года.

Одержавшая тогда победу Демократическая партия (ДП) А.Мендереса публично преподносила себя в качестве консервативной силы, относящейся более толерантно к исламским традициям. С этой точки зрения новая администрация республики действительно внесла определенные корректировки по самым резонансным вопросам. В частности, вновь допускалось чтение азана (призыв к всеобщей молитве в мечетях) на арабском языке, расширялось мусульманское образование в школах, разрешалась продажа религиозной литературы [81, с. 106]. Тем не менее, эти и другие изменения не носили фундаментального характера. Введенные послабления скорее имели символическое значение, направленные в том числе на оправдание ожиданий собственного электората. Так или иначе при Мендересе правительство твердо придерживалось кемалистских принципов секуляризма. Но даже несмотря на это на фоне РНП его организация выглядела намного предпочтительней в глазах

избирателей. В результате Демократическая партия в дальнейшем выиграла большинство мест еще на двух парламентских выборах.

Между тем в 1960 году военные совершили первый в истории республики переворот, вследствие чего деятельность правящей фракции была формально прекращена. Данный шаг генштаба объяснялся комплексом причин. Среди прочего светский истеблишмент с подозрением смотрел на отношение премьер-министра Мендереса к исламу, хотя этот фактор и не являлся решающим. Однако спустя год после указанного события возникла Партия справедливости, которая в идеологическом плане рассматривалась фактически наследником ранее запрещенной ДП. Неудивительно, что электоральную базу новой структуры во многом составляли бывшие сторонники Мендереса [81, с. 106]. Вместе с приходом Сулеймана Демиреля на руководящий пост в 1964 году позиции ПС заметно укрепились. Высокая популярность Демиреля, в особенности среди сельского населения, обеспечила ему крупный успех на национальных голосованиях 1965 года. По итогам он сформировал единоличное правительство, заняв должность главы кабинета.

Важно подчеркнуть, что, как и его предшественник Мендерес, в вопросах религии лидер Партии справедливости придерживался более либеральных взглядов. Согласно мнению Демиреля, «государство должно быть секулярным, но это не означает, что и индивиды должны быть секулярными» [79, с. 50]. В общем смысле подобная формулировка подразумевала необходимость невмешательства властей в частную жизнь граждан и предоставление свободы личности в духовной сфере. Последняя точка зрения отражала настроения, преобладающие внутри преимущественно традиционного турецкого общества. Но в данном случае надо отметить, оба указанных политика были полностью привержены к идеям модернизации Ататюрка и светским устоям республики. Расхождения со строгими последователями кемализма во многом заключались в применении лаицизма. В сущности говоря, ДП и ПС объективно никак не могли относиться к классическим религиозным партиям, но в то же время в противовес оппонентам они продвигали интересы огромного контингента верующих.

В свою очередь подход «Национального видения» в мировоззренческом плане существенно отличался от них. Программа движения как раз декларировала о необходимости пересмотра концептуальных основ государства. С этой точки зрения лидеры *Millî Görüş* рассматривали «попытку заменить исламско-османское государство и культуру западной моделью как историческую ошибку и источник всех проблем в турецком обществе. Их цель сводилась к построению “национального (исламского) порядка” и отмене процесса вестернизации. Они видели идентичность и будущее Турции тесно связанными с мусульманским миром, а не с Западом» [46, с. 40]. Подобная линия означала возврат к ценностям, главным образом присущим османскому периоду. Тогда ислам занимал главенствующее положение в государственной доктрине. Кроме того, страна являлась неотъемлемой частью восточной цивилизации, в течение многих веков находившейся в состоянии непрерывной конкуренции с европейскими державами. Именно этот образ служил ориентиром для Неджметтина Эрбакана и его соратников.

Первым практическим воплощением вышеописанных стремлений данной группы стало создание в 1970 году Партии национального порядка. Это событие вполне обоснованно считается точкой отсчета в истории современного политического ислама в Турции. Как ни парадоксально, такому развитию в определенной степени способствовала принятая под контролем военных конституция 1961 года. В течение всех предыдущих этапов правящий истеблишмент жестко регулировал внутренние процессы, в том числе блокируя возможность образования политических организаций как религиозного толка, так и социалистической направленности. Это опять же было обусловлено евроатлантической парадигмой, где секуляризм и капитализм становились важными элементами цивилизационного выбора.

В то же время новая, более либеральная конституция установила политический плюрализм. Следовательно, отмеченные выше ограничения практически снимались, что и позволило Эрбакану легально зарегистрировать собственную структуру. Причем на тот момент он уже являлся депутатом парламента, когда в 1969 году впервые избрался в качестве независимого кандидата. Следует сказать, что Эрбакан изначально пытался баллотироваться от Партии справедливости. Однако руководство последней отказалось принимать его в свой состав [24, с. 39]. Одна из вероятных причин этого заключалась в неприемлемости идеологии *Millî Görüş* для местной политической элиты, вследствие чего Эрбакан и решил действовать самостоятельно.

В официальных документах Партии национального порядка особое внимание уделялось вопросу духовного ренессанса. В соответствии с данной повесткой ставился акцент на необходимости нравственного и морального развития турецкого общества, что прежде всего предполагало укрепление религиозности населения. Но также одновременно доктрина ПНП публично не отвергала демократические нормы и светские принципы республики [53]. Подобный тактический ход среди прочего должен был продемонстрировать окружающим ее умеренность, тем самым, с одной стороны, минимизировать риски конфликта с генералитетом, с другой стороны, расширить электоральную базу организации. Задача самосохранения фракции и борьба за голоса избирателей объективно требовали большей гибкости и адаптации к внешним обстоятельствам.

Тем не менее, довольно резкие заявления Эрбакана на религиозную тематику только усиливали недоверие военных и конституционного суда касательно его истинных намерений. В конце концов спустя лишь шестнадцать месяцев после ее формирования Партия национального порядка была распущена на основе обвинений в попытках подорвать секулярный строй государства [82, с. 45]. Правда, уже в октябре 1972 года данная группа возродилась под другим названием, когда участники *Millî Görüş* учредили Партию национального спасения. С точки зрения политических перспектив движения первым настоящим испытанием стали прошедшие осенью следующего года выборы в законодательный орган, на которых ПНС получила более 11 процентов поддержки. Помимо участия в работе парламента ее депутаты по итогам переговоров даже вошли в коалиционное правительство с республиканцами,

добившись нескольких министерских портфелей. Например, сам Эрбакан занял достаточно высокий пост заместителя премьер-министра.

Как и в случае с предшественником идейной платформой Партии национального спасения обозначался консерватизм с опорой на мусульманские ценности. Таким образом, согласно этой генеральной линии, здесь подвергали критике концепцию лаицизма, выступали за тесное сближение Турции с исламским миром и отказ от вестернизации, поддерживали внедрение религиозного обучения в образовательной системе, призывали к принятию мер по увеличению рождаемости в стране. Кроме того, приверженцы «Национального видения» устраивали митинги, во время которых они открыто протестовали против крайней формы секуляризма и выражали недовольство по отношению к самому Ататюрку. В ходе таких собраний могли звучать и лозунги о восстановлении норм шариата в республике [83, с. 17].

Между тем в программе ПНС важное место занимал экономический блок. Рост благосостояния простых граждан представлялся одним из ключевых пунктов в рамках ее плана действий. В данном контексте индустриализация при ведущей роли государства виделась эффективным способом добиться повышения уровня жизни населения. При этом процесс промышленного развития в известной степени предусматривал параллельное рассредоточение ресурсов. Иначе говоря, в противовес интересам крупных капиталистов предлагалось различными методами обеспечить относительно равномерное распределение капитала в пользу более мелких компаний. В данном контексте Эрбакан стремился в первую очередь укрепить позиции малых предпринимателей из провинций и небольших городов, где основная масса людей принадлежала к консервативным и набожным слоям социума [83, с. 17]. Многочисленные торговцы и ремесленники из регионов становились неким избирательным ядром партии. Поэтому вместо концентрации индустрии в нескольких урбанистических центрах Партия национального спасения настаивала на реализации большего количества промышленных объектов в Анатолии, поскольку именно в этих местностях находился костяк ее сторонников. Важно подчеркнуть, фракция также требовала отказа от банковских процентных ставок, что в том числе было направлено как раз на стимулирование локального бизнеса.

В целом экономическая стратегия *Millî Görüş* подробно обсуждалась в вышедшей в 1975 году в одноименной книге Эрбакана, которая фактически являлась манифестом его движения. В частности, в экономической плоскости в указанном труде продвигалась идея о полной независимости и самодостаточности Турции. Показательно, что «единый европейский рынок воспринимался как европейский католический проект, нацеленный на ассимиляцию Турции». Высказывалось мнение о том, что «экономические и политические партнеры Турции должны быть в мусульманском мире, а не в Европе» [83, с. 18]. Если же говорить о политической части работы, совершенно неудивительно, что автор публикации фокусировал внимание на вопросах ислама. Он утверждал, что лаицизм «в прямом значении этого слова разрешает каждому свободу мысли, совести и вероисповедания. По этой причине он

квалифицировал турецкую систему как искусственный секуляризм, как систему, позволяющую нерелигиозным людям лишать религиозных людей их прав человека». На этом фоне Эрбакан требовал аннулирования 163 статьи закона, приравнивавшей использование религии в политических целях к уголовному преступлению [81, с. 160]. В общем, кемалисты и «Национальное видение» по-разному интерпретировали определение светскости. Последние вкладывали в это понятие несколько иной смысл: при секуляризме обязательно соблюдение неприкосновенности частной жизни индивида, также распространяющееся на духовную сферу. Другими словами, любой гражданин должен иметь право свободно практиковать свою религию.

Между тем в период ее существования рейтинги ПНС оставались сравнительно невысокими. За исключением одного единственного случая, на всех муниципальных и парламентских выборах организация не набирала и 10 процентов голосов. Затем в результате произошедшего в 1980 году очередного военного переворота все действующие в стране партии оказались под запретом. Тем не менее, как и в прошлом после нормализации ситуации Эрбакан вновь восстановил собственную структуру. В итоге в 1983 году появилась Партия благоденствия. Отметим, что в 1980-х отношении турецкого генштаба к мусульманству существенно изменилось в позитивную сторону. Катализатором подобной трансформации стала борьба против распространения коммунистических и левых взглядов в республике. С этой точки зрения усиление роли ислама в обществе рассматривалось в качестве важного фактора противодействия экспансии социализма. В связи с этим моментом и начался процесс управляемой исламизации сверху.

По сути говоря, путем слияния религиозных символов с национализмом генералитет надеялся «создать более однородное и менее политизированное исламское сообщество и изолировать население от влияния левых идеологий». Так называемый проект турецко-исламского синтеза преследовал цель не только снизить привлекательность радикальных идей левого толка для внутренней аудитории, а заодно препятствовать воздействию иностранных, к примеру, пакистанской и арабских версий исламского мышления [46, с. 37]. Поэтому турецкие военные пытались придать мусульманству максимально национальный характер. В особенности на фоне шиитской революции в Иране кемалистский истеблишмент испытывал серьезные опасения по поводу того, что теократическая модель может обрести популярность среди собственных граждан. Такая перспектива в значительной степени обусловила пересмотр турецким правительством формата взаимоотношений с исламом, где последний в известной мере освобождался от административного давления и развивался под непосредственным контролем центральных властей.

Новая парадигма прежде всего проявилась в введении обязательного преподавания религиозного предмета во всех школах страны. Дополнительно в стенах общеобразовательных учреждений открывались факультативные классы по изучению Корана. В свою очередь в финансируемых из бюджета телеканалах и других СМИ транслировался контент, посвященный различным аспектам

турецкого суннизма. Что важно, государство пропагандировало именно адаптированный под местную специфику вариант ислама.

Естественно, в сложившихся условиях в выгодном положении оказывался Эрбакан, который теперь менее враждебно воспринимался элитой. Подтверждением этого виделось принципиальное согласие армии на регистрацию его Партии благоденствия. Причем указанная группа продолжила твердо придерживаться идеологии *Millî Görüş*, что выражалось в ее программных тезисах. Так, ПБ выдвигала концепцию справедливого экономического порядка, во многом направленную на устранение имущественного неравенства и коррупции. Актуализация именно социальных проблем объяснялась интересами бедных слоев населения. Они составляли основной электорат «Национального видения». Собственно, в тот период движение все чаще прибегало к популистской риторике. Отчасти это было вызвано попыткой заполнить вакуум на левом фланге, образовавшийся после жесткого подавления социалистических сил в стране.

Тем не менее, Эрбакан все же не отвергал капитализм как таковой, но отрицательно относился к его монополистической форме [83, с. 18]. Он главным образом добивался перераспределения финансовых потоков через механизмы прямого содействия отдельным категориям людей. Здесь краеугольным камнем выступали государственные инвестиции в малый и средний бизнес, расположенные на периферийных территориях.

Внешняя стратегия Партии благоденствия также демонстрировала преемственность курса ее предшественников. В данном контексте опять же антизападная позиция и сопротивление вестернизации сохранялись в качестве ключевых элементов международной доктрины. Следовательно, все еще крайне негативно расценивался вопрос вхождения республики в Европейский союз. Другим важным пунктом представлялись антиссионистские убеждения Эрбакана. Он призывал к полному разрыву сотрудничества с Израилем, что соотносилось с его взглядами относительно арабо-еврейского конфликта на Ближнем Востоке. В частности, поддержка палестинцев рассматривалась сквозь призму солидарности с единоверцами. На этом фоне *Millî Görüş* культивировала идею о «великой Турции», в том числе предусматривавшей независимую от Запада внешнюю политику Анкары [82, с. 46]. Между тем фундаментом подобной автономности должна была служить сильная экономика.

Надо сказать, на первом этапе своего существования Партия благоденствия сталкивалась с трудностями в привлечении голосов избирателей. В результате новой конституции 1982 года устанавливался десятипроцентный барьер для прохождения в парламент. Такая высокая планка мотивировалась стремлением военного руководства решить проблему фрагментации меджлиса в целях обеспечения его более стабильного функционирования. Раньше присутствие множества партий с разными взглядами и целями часто приводило к кризисным ситуациям, когда коалиционные правительства довольно быстро распадались ввиду противоречий. Таким образом, замысел реформы заключался в придании устойчивости политической системе. В конечном счете, из-за указанного правила ПБ не смогла войти в законодательный орган на выборах 1987 года. При

этом незадолго до плебисцита с Эрбакана сняли действовавший несколько лет запрет на ведение политической деятельности. Однако даже его вовлеченность как официального лидера не способствовала преодолению организацией порогового значения.

Тем временем в девяностых годах прошлого столетия картина начала постепенно меняться. Уже на следующих парламентских голосованиях в 1991 году вместе с младшими партнерами в рамках сформированного трехстороннего альянса ПБ набрала почти 17%. Но настоящим триумфом для нее стали итоги прошедших через три года муниципальных выборов. Хотя тогда партия получила лишь около 20 процентов, в силу сильной раздробленности электората этих показателей оказалось достаточно чтобы победить в 28 провинциальных столицах из 76, поскольку голоса разделились между огромным количеством кандидатов. Что важно, претенденты от «Национального видения» выиграла в двух крупнейших городах – Анкаре и Стамбуле. Мэром бывшей столицы Османской империи как раз избрался будущий президент Реджеп Тайип Эрдоган. Данное событие дало мощный толчок его чиновничьей карьере. Благодаря должности главы самого крупного города страны он приобрел значительный политический вес, что в дальнейшем сыграло решающую роль в образовании и приходе к власти ПСР.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что Партия благоденствия с достаточно скромными рейтингами достигала непропорционально высоких результатов. Например, тот же Эрдоган заступил на должность стамбульского градоначальника при поддержке только четверти жителей мегаполиса. Данная тенденция снова повторилась на выборах в меджлис в 1995 году, когда с показателем в 21,4% первое место заняли представители *Millî Görüş*. Вскоре произошла знаменательная веха в истории движения. В 1996 году после очередного развала коалиционной конфигурации в обновленном правительстве премьер-министром был назначен Неджметтин Эрбакан.

Естественно, этот факт вызвал серьезное недовольство кемалистской элиты. Учитывая мировоззрение и публичные заявления нового руководителя кабинета, появились опасения касательно возможного пересмотра внешнего вектора Анкары и отхода от секуляризма. Правда, в конце концов самые пессимистические сценарии не оправдались, несмотря на прошлые обещания Эрбакана вывести страну из НАТО, закрыть американские военные базы на турецкой территории, прекратить отношения с Израилем, аннулировать таможенный союз с Европейским союзом. На практике же Эрбакан проводил весьма прагматичную политику, главным образом чтоб не провоцировать генштаб на ответные шаги [84]. Исторический опыт побуждал его действовать максимально аккуратно. В то же время нельзя сказать, что он совсем не пытался реализовать свою происламскую идеологию как во внешних, так и во внутренних делах. Но практически все инициативы и усилия Эрбакана в данном направлении блокировались генералитетом и светским гражданским обществом. В числе его немногих достижений можно упомянуть создание организации по экономическому сотрудничеству D-8, объединявшей восемь крупных мусульманских государств. Так называемая «исламская восьмерка»

рассматривалась в качестве альтернативы западной большой семерке (G7) [24, с. 78]. Дополнительно Эрбакан предлагал учредить структуру в сфере безопасности по примеру североатлантического альянса и ввести общую исламскую валюту. Вполне ожидаемо эти планы так и не воплотились в жизнь. Аналогично с сопротивлением сталкивались и попытки изменить роль религии в общественных процессах.

Фактически отстраненный от принятия решений председатель Партии благоденствия продолжал делать словесные нападки на кемализм, что поощряло его последователей к совершению различных актов. Все чаще стали происходить резонансные инциденты на местном уровне, в том числе осуществлялись атаки на одетых в западном стиле женщин, случались стычки в муниципальном транспорте на почве требований разделить пассажиров по гендерному признаку, мэры от ПБ стремились лимитировать работу ресторанов и увеселительных заведений, продающих алкогольные напитки гражданам [83, с. 19]. Подобные эпизоды приводили к напряженности внутри социума. Соответственно, Эрбакан теперь воспринимался крайне неудобной фигурой для истеблишмента. На этом фоне в июне 1997 года армия снова вмешалась в ситуацию посредством «мягкого переворота», заставив его подать в отставку с должности премьер-министра. В дальнейшем конституционный суд довольно предсказуемо распустил Партию благоденствия.

Возвращаясь к электоральным успехам Партии благоденствия, стоит отметить, что рост ее популярности по сравнению с предыдущими периодами объяснялся рядом факторов. Во-первых, в восьмидесятих годах двадцатого века в Турции значительно интенсифицировались темпы миграции из села в город. Если с 1945 по 1980 года коэффициент урбанизации повысился с 18,2 до 40,9 процентов, то уже к 1990 году эта цифра подскочила до 56,3%. Еще через десять лет удельный вес городских жителей составлял почти две трети от всего населения [85, с. 8]. Одна из причин такого ускоренного перемещения человеческих ресурсов кроилась в индустриализации и механизации аграрного сектора, что становилось катализатором демографических изменений. Причем сельские переселенцы «привозили с собой свои традиционные привычки, верования и обычаи. Оторванные от родных мест и отчужденные, многие из них обитали в импровизированных трущобах на окраинах больших городов и не интегрировались в урбанистическую культуру» [46, с. 39]. Эти люди считали себя маргинализированными, соответственно, ощущали глубокую несправедливость такого положения дел. Вследствие чего данной группе очень импонировала концепция *Millî Görüş* об установлении «правильного» порядка, что и вылилось в увеличение числа сторонников движения.

Во-вторых, в целях расширения собственной социальной базы ПБ перешла на новую тактику ведения агитационных кампаний, где религиозная тематика отодвигалась на второй план. В данном контексте акцент сместился на чисто социально-экономические проблемы. В центре внимания оказались такие насущные вопросы как борьба с коррупцией, доступность здравоохранения, обеспечение жильем граждан, предоставление качественного образования учащимся, повышение пенсий и зарплат, создание рабочих мест и др., которые

затрагивали интересы всех слоев населения. Партия обвиняла конкурентов в некомпетентности, ссылаясь на неспособность прежних правительств поднять благосостояние народа. В общем смысле фракция старалась убедить аудиторию в собственной прогрессивности с расчетом получить одобрение нерелигиозной части социума, в особенности наиболее бедных горожан. Примечательно, что в 1995 году 2/5 избирателей Партии благоденствия идентифицировали себя секуляристами [83, с. 19].

Кроме того, из-за противоречий касательно запрета на женские головные платки в университетах верующие мусульмане еще сильнее сплотились вокруг «Национального видения». Вопреки отсутствию официальной директивы тогда различные вузы самостоятельно вводили ограничения на ношение данного атрибута одежды [86], что привело к сильному негодованию среди консервативных турок. Отметим, после свержения Эрбакана 1997 году государство все-таки издало инструкцию, препятствующую студенткам ходить на занятия с покрытыми волосами. Параллельно следует отметить и формальный отказ ЕС принимать Анкару в организацию на саммите 1989 года. Данное событие и страдания боснийских мусульман во время югославской войны усилили антизападные настроения в турецком обществе. На этом фоне агрессивная позиция *Millî Görüş* по отношению к Западу вызывала симпатию.

Несмотря на отлучение от политики на пять лет Эрбакан взамен ликвидированной ПБ сразу же запустил новую Партию добродетели, которая в 2001 году также повторила судьбу предыдущего проекта. Данный эпизод в некоторой степени стал переломным в истории *Millî Görüş*. К тому моменту внутри организации уже назревал раскол, имевший как идеологический, так и поколенческий характер. Состоявшие в основном из молодых делегатов реформистское крыло под предводительством Реджепа Тайипа Эрдогана требовало кардинальных преобразований в движении, что выражалось не только в изменении его стратегического курса и облика в целом, но и в обновлении руководства. В свою очередь близкие к Эрбакану представители так называемой старой гвардии стремились сохранить существующий статус-кво [87]. Индикатором серьезных разногласий между двумя лагерями оказались выборы председателя ПД на съезде в мае 2000 года. Эрбакан открыто лоббировал на этот пост своего кандидата, которому противостоял выдвигенец Эрдогана в лице умеренного депутата меджлиса Абдуллаха Гюля. Исход голосования подтвердил наличие глубокого внутривнутрипартийного конфликта. Гюль проиграл своему сопернику лишь с небольшим отрывом, заручившись поддержкой почти половины участников конгресса. В итоге с роспуском Партии добродетели пути традиционалистов и реформаторов разошлись. Первые создали до сих пор функционирующую Партию счастья, а вторые во главе с Эрдоганом объединились в Партию справедливости и развития.

Тем временем ПСР с ходу обозначил свои претензии на высшую власть, выиграв большинство мест на парламентских выборах 2002 года. Важно подчеркнуть, что такому результату прежде всего способствовала вышеупомянутая норма о минимальном пороге в десять процентов. Поскольку тогда единственно ПСР и республиканцы сумели преодолеть этот рубеж,

получив 34,3 и 19,4 процентов соответственно, все мандаты в законодательный орган распределялись между ними в пропорциональном соотношении. Данный успех ознаменовал начало процесса превращения Эрдогана в гегемона в политической системе республики. В дальнейшем почти во всех случаях он выходил победителем электоральной гонки. Более того, на следующих двух голосованиях в национальное собрание его структура заметно прибавила, каждый раз набирая почти 50% [88]. Даже когда в июне 2015 года правящая партия впервые не сумела добиться необходимого преимущества для единоличного формирования правительства, она довольно быстро вернула себе контроль над меджлисом спустя пять месяцев на перевыборах [89]. Нельзя не отметить и прошедший в апреле 2017 года исторический референдум, на котором большинство населения одобрило инициативу ПСР по поводу перехода Турции на президентскую форму правления. Переместившийся перед этим на должность президента Эрдоган теперь наделялся существенными функциональными полномочиями [90]. На состоявшихся в июне 2018 года всеобщих выборах он уже в первом туре был переизбран на второй срок, тогда как ПСР в альянсе с националистической партией удержал большинство в парламенте.

Продолжающееся на протяжении двух десятилетий политическое доминирование Эрдогана обусловлено различными причинами. Прежде всего важную роль играют его личностные качества. Турецкий лидер всегда притягивал людей своей харизматичностью [91, с. 202]. Он прекрасно владеет ораторским искусством и может эффективно выступать на публике. При этом во время пребывания на посту мэра Стамбула в 1994-1998 годах Эрдоган сумел проявить себя хорошим управленцем, способным решать социально-экономические проблемы населения. На первом этапе дополнительную популярность ему придал также инцидент с арестом, когда из-за сделанных в городе Сиирт в 1997 году высказываний будущего руководителя ПСР обвинили в подстрекательстве к ненависти между гражданами на почве религии. В итоге после четырёхмесячного тюремного заключения в глазах избирателей Эрдоган в некотором смысле приобрел имидж жертвы, несправедливо осужденной за собственные убеждения. Все эти обстоятельства обеспечивали политику высокие рейтинги на фоне остальных конкурентов, что в конечном счете сказалось на результатах выборов 2002 года.

Электоральному триумфу Партии справедливости и развития тогда способствовала и экономическая ситуация в стране. В начале двухтысячных годов Турция столкнулась с тяжелейшим финансовым кризисом. Только в 2001 году объем ВВП сократился на 5,7 процентов. В свою очередь инфляция подскочила до 88%, что спровоцировало резкую девальвацию местной валюты. Лира потеряла половину своей стоимости к американскому доллару. Вместе с тем вырос уровень безработицы до 10,5 процентов к 2002 году [92]. На фоне общего ухудшения благополучия жителей значительно снизилось доверие к действующему правительству. Кроме того, серьёзную критику вызвали действия турецких властей в ответ на разрушительное землетрясение в Измите в августе

1999 года [93, с. 53]. Многим казалось, что государство в целом не справилось с последствиями стихийного бедствия.

Тем временем с момента ее создания ПСР в идеологическом плане полностью отказывалась от принципов *Millî Görüş*, что отразилось в политической программе организации. Более того, в ходе конгресса партии в 2002 году Эрдоган заявил о том, что они «сняли с себя рубашку Национального видения» [94, с. 62]. Тем самым публично дистанцируясь от данного движения, где он сам тоже когда-то состоял. Подобная трансформация взглядов в определенной степени была продиктована прагматизмом. Эрдоган главным образом пытался подстроиться под запросы общества в целях увеличения численности собственных сторонников. Прошлые опыты демонстрировали несостоятельность идейно-ценностных установок «Национального видения» с точки зрения привлечения массовой поддержки населения. С другой стороны, откровенная антизападная и происламская стратегия Н.Эрбакана неминуемо приводила к конфликтам с кемалистским истеблишментом.

В связи с этим Партия справедливости и развития изначально позиционировала себя как правоцентристское консервативное объединение, которое не только нацелено на демократизацию и экономическую либерализацию республики, но и приветствует вступление Турции в Евросоюз. Одновременно декларировалось об изменении подхода по отношению к религиозному вопросу. Представители ПСР утверждали об опасности и неприемлемости политизации ислама. В данном контексте ее руководство неоднократно подчеркивало, что придерживавшиеся раньше радикальных идей участники группы теперь пересмотрели свое мнение касательно секуляризма [95, с. 81]. Таким образом, за счет смягчения дискурса Эрдоган и его окружение стремились послать сигнал обществу об их умеренности и прогрессивности по сравнению с предшественниками в лице той же Партии благоденствия.

Местные мусульманские интеллектуалы в целом положительно восприняли подобную концепцию ПСР, которую они интерпретировали в качестве «нового исламизма» в противовес «традиционному исламизму». В частности, интересным представляется вывод о том, что «традиционный исламизм направлен на преобразование социума посредством государства, следовательно, фокусируется на захвате центральной власти... инженеры ПБ, включая Эрбакана, видели социум как техническую систему, работающей наподобие машины, которой можно управлять с помощью Справедливого порядка... С другой стороны, в результате полученного политического опыта новый исламизм изменил идеологическую позицию и больше уже не расценивал социум как объект, которую необходимо трансформировать» [94, с. 74]. Другими словами, во втором случае не ставилась задача целенаправленной исламизации населения сверху с использованием государственного аппарата. В предыдущие периоды именно этот аспект рассматривался секуляристами главной угрозой, исходящей от деятельности *Millî Görüş*. В свою очередь ПСР скорее ориентировался на формат европейских христианско-демократических партий, где религиозный компонент остается неотъемлемой частью их идентичности.

Также следует отметить тот факт, что Эрдоган делал акцент на социально-экономической сфере. Работая градоначальником Стамбула, он осознал, что турецкие граждане вместо идеологических лозунгов хотят реального повышения уровня жизни и улучшения качества оказываемых правительством услуг [95, с. 83]. Тем более в свете разразившегося тогда финансового кризиса в стране проблема экономического восстановления приобретала особую актуальность. Поэтому в официальных документах ПСР большое внимание уделялось мерам по росту благосостояния людей. Собственно говоря, организация часто поднимала тему социальной справедливости в целом. Определенная часть турецких граждан достаточно остро реагировала на ситуацию с неравномерным распределением богатства и отсутствием одинаковых возможностей в доступе к разного рода ресурсам.

Благодаря правоцентристской стратегии и прагматизму Партия справедливости и развития сумела объединить вокруг себя не только консервативных турок, но и людей из других сегментов общества. Это касалось как руководящего состава, так и сторонников из числа избирателей [91, с. 205-217]. В конечном счете все вышеотмеченные факторы в совокупности обеспечили Эрдогану крупный успех на голосованиях в 2002 году.

В дальнейшем правящая партия только наращивала свою популярность. Если в 2007 году она набрала 46,6% голосов, то спустя еще четыре года показатели составили уже до 49,8%. После этого ПСР неоднократно подтверждала свой статус гегемона, каждый раз выигрывая большинство мест в парламент. Подобная динамика прежде всего объяснялась экономическими достижениями республики. Действительно, за относительно короткие сроки правительство добилось впечатляющих результатов. Несмотря на глобальный кризис 2008 года и рецессию из-за пандемии коронавируса в 2020 году, в период с 2002 по 2021 года турецкий ВВП в среднем ежегодно рос на 5,8% [96]. По итогам прошлого года объем экономики в долларовом эквиваленте увеличился до 905 млрд, тогда как валовой внутренний продукт на душу населения достиг 10655 \$ [97]. Отметим, в начале двухтысячных годов данные значения равнялись 231 млрд и 3500 долларам соответственно [98]. Таким образом, на сегодняшний день страна входит в двадцатку крупнейших экономик мира. Вместе с тем при правлении Эрдогана огромное значение придавалось индустриализации, в связи с чем государство оказывало содействие промышленникам. В результате за последние два десятилетия здесь появилось огромное количество разных экспортоориентированных производств, в которых трудоустроены миллионы местных жителей. За это время экспорт республики показал стремительный подъем с 36 млрд в 2002 году до рекордных 254 млрд долларов в 2022 году [99].

Кроме того, после прихода к власти Партия справедливости и развития продолжила начатый предшествующими правительствами процесс интеграции Турции с Европейским союзом. В связи с этим были инициированы масштабные демократические реформы. Здесь среди прочего заметно сокращалось влияние военных на политическую систему, отменялась смертная казнь, ликвидировались специальные суды государственной безопасности, рассматривавшие дела по терроризму и государственным преступлениям,

укреплялось гендерное равенство, расширялась свобода прессы, в соответствии с европейскими стандартами был приведен сектор правосудия, в области фундаментальных свобод устанавливалось верховенство международных договоров над национальными законами и т.д. [95, с. 87]. Важным шагом стало и расширение культурных прав этнических меньшинств. Данный аспект главным образом касалась местных курдов, составляющих примерно 15% от всех жителей республики. Естественно, с учетом присутствия определенных ожиданий у населения, либерализация общественной жизни благоприятно сказалась на рейтингах ПСР.

Вместе с тем в международных делах при Эрдогане республика в отличие от предыдущих этапов перешла на проактивную политику, основой которой выступала доктрина «стратегическая глубина». Ее автором является бывший глава турецкого МИД А.Давутоглу, предложивший совершенно новое видение касательно роли страны в мире. Главная особенность его внешнеполитической парадигмы заключалась в усилении глобального влияния Турции посредством ее активного вовлечения в региональные процессы, в частности на Ближнем Востоке, Балканах, Кавказе и в Центральной Азии [28, с. 74-75]. С этой точки зрения все же наиболее приоритетными рассматривались территории, в прошлом входившие в состав Османской империи. Поэтому именно ближневосточные государства выступали самым главным направлением для турецкой дипломатии.

Надо сказать, в рамках стратегии А.Давутоглу была выдвинута концепция «ноль проблем с соседями», предусматривавшую урегулирование всех конфликтных вопросов с окружающими странами. Одним из инструментов реализации указанной задачи становилось углубление экономического сотрудничества [29, с. 56], что в конечном счете автоматически должно было обеспечить и политическое сближение. В итоге согласно поставленному плану ПСР сразу же начала активно взаимодействовать с различными региональными акторами. Более того, предпринимались попытки нормализации контактов с Арменией и Грецией, с которыми Турция исторически всегда имела напряженные отношения.

Одновременно Анкара стала предлагать посреднические услуги для урегулирования разного рода региональных противоречий, в том числе в контексте существующих давних разногласий между Израилем и Палестиной, Ираном и Западом, Израилем и Сирией, противоборствующими палестинскими организациями в лице Хамас и Фатах, Пакистаном и Афганистаном, Сербией и Боснией и Герцеговиной [29, с. 57]. На первом этапе эти усилия вполне оправдались. Турция превратилась в сильного авторитетного игрока, пользующегося доверием фактически всех сторон. В конце концов благодаря активной внешней политике и росту ее экономической мощи геополитический вес республики значительно повысился. Такая картина расценивалась местным электоратом достаточно позитивно.

Вышеотмеченные факторы долгие годы являлись краеугольным камнем популярности действующих турецких властей среди населения. Однако в последние годы отмечается тенденция ослабления позиции Эрдогана, что ярко проявилось во время муниципальных выборов 2019 года. Тогда выдвиженцы от

Партии справедливости и развития впервые в истории проиграли борьбу оппозиционным кандидатам за места мэра в Стамбуле и Анкаре и ряде других провинциальных центров. Одним из ключевых причин подобного результата стали внутренние проблемы экономического характера [89]. На момент голосования республика только восстанавливалась от последствий финансового кризиса 2018 года. Падение уровня жизни негативно отразилось на настроениях электората, что и вылилось в поражение правящей партии. Немаловажным моментом стало формирование оппозиционными силами альянса против правительства. Подобная тактика показала свою эффективность на фоне теряющего поддержку граждан ПСР.

Между прочим, перед предстоящими в мае нынешнего года парламентскими и президентскими выборами эти обстоятельства все еще остаются на повестке дня. Глобальная рецессия из-за пандемии коронавируса сильно ударила по экономике Турции. При этом недавнее резкое увеличение мировых цен на энергоресурсы существенно усилило давление на центральный бюджет. Вследствие чего хронический дефицит текущего счета страны резко увеличился. Такая ситуация закономерно приводит к девальвации национальной валюты. Так, к настоящему моменту курс лиры вырос до 19,3 к доллару США, тогда как еще три года назад данная величина равнялась 6,5. В свою очередь это создало условия для повышения цен на товары и услуги. На этом фоне в октябре 2022 года инфляция здесь достигла 85% [100]. Положение правительства дополнительно ухудшилось в результате крупного землетрясения в феврале 2023 года на юго-востоке республики, по разным данным приведшего к гибели более 50 тысяч человек [101]. Тем временем оппозиция, в числе которых бывшие соратники Эрдогана такие как А.Гюль, А.Давутоглу и А.Бабачан, решила выдвинуть на президентских голосованиях единого кандидата, что объективно повышает ее шансы на успех. В силу данных факторов следующие выборы видятся самым большим вызовом для Эрдогана в его долгой политической карьере.

3.2 Западный вектор внешней политики Турции при правлении ПСР

На сегодняшний день отношения Турции с коллективным Западом определенно находятся в низшей точке со времен кипрского конфликта 1974 года. Напомним, тогда одностороннее решение Анкары о проведении военной операции на острове привело к серьезному двустороннему кризису. Вслед за вооруженной интервенцией последовала довольно жесткая реакция американских властей вплоть до введения оружейного эмбарго, что в свою очередь спровоцировало ответные меры турецкого руководства. Однако, несмотря на подобную эскалацию, эти события во многом расценивались эпизодическим и экстраординарным явлением. Хотя для возвращения к прежнему уровню сотрудничества потребовалось несколько лет, в конце концов разногласия все же были преодолены.

Прежде всего в сложившихся в тот период геополитических условиях общие интересы натовских союзников служили важным скрепляющим фактором. В особенности Турция сильно зависела от западной поддержки как в

военном, так и в экономическом плане. Еще одним весомым аргументом представлялась политическая конъюнктура в республике. На протяжении всей второй половины двадцатого столетия здесь доминирующая роль в государственных делах, в частности в международных вопросах принадлежала местному генералитету, который традиционно выступал за тесные связи с евроатлантическим сообществом.

Если же говорить о современных тенденциях, текущие проблемы между правительством Эрдогана и западными странами лежат в совсем иной плоскости. По большому счету в нынешней ситуации некоторые существующие противоречия носят системный характер. Среди прочего это связано с трансформацией внешнеполитических принципов и изменением приоритетов Анкары в годы правления Партии справедливости и развития. На предыдущих этапах турецкие власти преимущественно действовали в соответствии со стратегическими установками североатлантического блока, теперь же при президентстве Эрдогана страна все больше отходит от данной доктрины и старается проводить сравнительно автономную политику на глобальной арене. На этом фоне турецкая позиция по тем или иным вопросам все чаще может не совпадать с точкой зрения западных лидеров, вследствие чего возникает напряженность и охлаждение в отношениях. При этом с окончанием Холодной войны консолидирующая всех членов НАТО угроза относительно экспансии коммунистических режимов потеряла свою актуальность. Кроме того, в сравнении с прошлыми эпохами сейчас экономическая и военная мощь Турции значительно выросла.

Тем не менее, в любом случае о полной самодостаточности здесь речи не идет. Взаимодействие с Вашингтоном и Брюсселем все еще имеет критическое значение для республики в контексте ее безопасности и развития. Вопреки текущим негативным трендам во взаимных контактах, Анкара остается полностью приверженной к членству в североатлантическом блоке. Предусмотренный механизм коллективной обороны все еще делает участие в данном объединении наиболее ценным активом в плане гарантии защиты от внешних угроз. В экономической же плоскости Турция достаточно тесно связана с западными демократиями, на которые приходится более половины всей международной торговли страны [102].

Важно подчеркнуть, что отношения администрации ПСР с западным миром не всегда были такими конфронтационными. Первые десять лет пребывания Эрдогана на посту премьер-министра ознаменовались укреплением двусторонних связей во всех сферах жизнедеятельности. Более того, турецкий глава со временем приобрел имидж реформатора, главным образом за его усилия по дальнейшей демократизации общественно-политической системы. Действительно, после прихода к власти Эрдоган сразу же инициировал значительные преобразования либерального толка. Данный процесс в известном смысле осуществлялся под эгидой вхождения страны в Европейский союз.

В целом же история с присоединением к данному объединению началась задолго до этого. Еще в 1963 году было подписано соглашение об ассоциации Турции с предшественником ЕС – Европейским экономическим сообществом.

Позднее в 1987 году после длительных колебаний республика все же подала официальную заявку на полноценное членство в данном объединении [33, с. 105]. Однако по многим параметрам Анкара на тот момент не соответствовала требованиям ЕЭС, предъявляемым всем странам-претендентам на вступление в ряды организации. Наряду с проблемами в области прав человека другим ключевым камнем преткновения являлся неурегулированный конфликт вокруг Кипра.

Тем не менее, настоящим прогрессом на пути интеграции стало формирование таможенного союза между двумя сторонами в 1996 году. Данный договор заложил основу для расширения экономического сотрудничества. Надо сказать, создание зоны свободной торговли дало мощный импульс повышению конкурентоспособности Турции в долгосрочной перспективе, что впоследствии отразилось на ее становлении как крупного производственного центра. В настоящий момент экспорт товаров и услуг играет важную роль в структуре местной экономики, что в первую очередь обеспечивается за счет именно европейских потребителей. Например, в 2021 году республика поставила на рынки ЕС продукции на общую сумму в 93,1 млрд долларов [103]. Тем самым Анкара занимает высокое шестое место среди основных импортеров Брюсселя [104].

Наконец в декабре 1999 года в результате многолетних тяжелых переговоров наступил прорыв, когда Турция все-таки получила статус кандидата. Данный шаг налагал на руководство страны определенные обязательства по изменению законодательных норм с целью их гармонизации с европейскими стандартами. Только после этого республика могла претендовать на окончательное принятие в состав Европейского союза. В итоге в рамках достигнутых договоренностей вскоре правительство начало проводить различные реформы, включая посредством внесения ряда поправок в конституцию.

Работы в данном направлении еще больше активизировались в результате смены центральной власти осенью 2002 года, когда на парламентских выборах победу одержала недавно созданная Партия справедливости и развития. Причем многие наблюдатели в тот момент высказывались о вероятности пересмотра новым руководством отдельных аспектов государственной политики, в частности касательно продолжения европейского курса страны. Такие взгляды в какой-то мере были обусловлены происхождением ПСР. Эрдоган и его ближайшие соратники являлись выходцами из официально запрещенной в 1998 году Партии благоденствия Неджметтина Эрбакана. Последний считается основоположником современного политического ислама в Турции. Между тем приверженцам данной идеологии в целом свойственно негативное восприятие Запада и его ценностей. Подобное мировоззрение было присуще и самому Эрбакану, который рассматривал «Запад/Европу в качестве источника всех проблем в мусульманских государствах, включая Турцию, а европеизацию как акт предательства против турецкой/мусульманской цивилизации» [34, с. 176]. Естественно, он отрицательно относился к идее интеграции с ЕС.

В свою очередь Эрдоган в 1999 году отбывал четырехмесячное тюремное заключение в связи с обвинениями в подрыве светских устоев республики. Основанием для такого приговора стали публичные высказывания политика, когда годом ранее во время выступления перед массой людей в городе Сиирт он прочитал стихи следующего содержания: «Мечети – наши казармы, купола – наши шлемы, минареты – наши штыки, а верующие – наши воины» [105]. Собственно говоря, тогда его арест полностью вписывался в общую кампанию по устранению видных деятелей из числа последователей религиозно-консервативной идеологии, которая противоречит кемалистской традиции лаицизма. Именно нарушение принципов секуляризма в свое время стало главным мотивом в решении суда закрыть отмеченную выше фракцию Эрбакана.

Таким образом, ввиду ценностной ориентации ПСР вопрос о дальнейшей траектории движения страны приобретал особую актуальность. Поэтому среди прочего обсуждался вариант развития с кардинальными переменами во внешнеполитической линии Анкары, а именно полный разворот в сторону мусульманского мира. Однако такой сценарий в конечном счете не реализовался, наоборот, новые власти значительно ускорили проведение демократических преобразований. За короткий период правительство Эрдогана внесло множество изменений, направленных на либерализацию политического поля и расширение свобод граждан. В данном контексте порой затрагивались максимально острые для турецкого социума темы. В эту категорию безусловно входил и вопрос расширения прав национальных меньшинств, что больше всего относилось к курдам. По разной информации они составляют до 15% населения республики [106, с. 46]. Однако, несмотря на их высокую численность, длительное время курдская идентичность находилась под давлением государства. Такая ситуация была обусловлена политикой унификации собственных граждан в рамках стратегии нациестроительства после распада Османской империи. Формирование единой культурной общности происходило через туркификацию представителей других народностей, где самым главным компонентом выступал лингвистический аспект.

Хотя такие группы как черкесы, балканские мусульмане и иммигранты из кавказских территорий относительно легко интегрировались в турецкую гражданскую нацию, курдская община в некоторой степени сохраняла языковую и этническую самобытность. Этому в известной мере способствовало компактное проживание ее представителей на юго-востоке страны, где они исторически являлись большинством. Недовольство национальной политикой вылилось в зарождение вооруженного сепаратистского движения курдов в лице Рабочей партии Курдистана в восьмидесятых годах двадцатого века. Реакция властей ожидаемо привела к усилению ограничений. Так, теперь употребление курдского языка в публичном пространстве фактически оказывалось под полным запретом. Его тотальное выдавливание коснулось судебной системы, работы локальных муниципалитетов, СМИ и других сфер массовой коммуникации [106, с. 54]. Но эти меры лишь обострили конфликт, тем самым дополнительно усугубив раскол внутри общества. В итоге сложилась тяжелая атмосфера недоверия между турками и курдами. Соответственно, в данных условиях

принятые послабления в отношении использования курдского языка должны были продемонстрировать готовность ПСР идти на непопулярные шаги ради вступления в Европейский союз.

В результате в декабре 2004 года официальные лица в Брюсселе признали прогресс в реформах, что означало согласие начать формальные переговоры с Анкарой в рамках реализации конкретного плана действий. Дорожная карта предполагала открытие и закрытие обсуждений по 35 различным пунктам, охватывающим все действующие законы ЕС. Указанное достижение безусловно положительно сказалось на международной репутации Эрдогана, которого в европейских столицах стали воспринимать как мусульманского руководителя с прозападными и либеральными взглядами. Что важно, несмотря на дискуссионность отдельных решений, локальный электорат в целом также одобрял генеральную линию правящей партии в области демократизации.

Все-таки согласно проведенным в 2002 году опросам, 64 процента турецких граждан выступали за присоединение республики к ЕС, и только 28 процентов придерживались противоположного мнения [26, с. 75]. Представители истеблишмента не могли не учитывать подобное обстоятельство. Следовательно, необходимость дальнейшей поддержки проевропейского вектора диктовалась в том числе чисто прагматическими соображениями, поскольку рейтинги политических групп так или иначе коррелировались с этим аспектом. С другой стороны, Эрдоган предпочитал дистанцироваться от имиджа религиозного консерватора, враждебно настроенного по отношению к демократии. Возникновение такого образа вокруг личности нынешнего турецкого президента непосредственно было связано с наследием Эрбакана – сторонника исламской концепции развития государства. Вследствие указанной идеологической установки возглавляемые Эрбаканом движения в прошлом неоднократно в принудительном порядке ликвидировались, поскольку традиционная республиканская элита рассматривала их деятельность в качестве вызова конституционному строю страны.

Поэтому с самого начала ПСР позиционировала себя как достаточно умеренную силу с прогрессивной повесткой дня. В противном случае партия вполне могла повторить судьбу своих предшественников. Хотя Эрдоган имел все возможности создать очередную происламскую организацию, но с большой вероятностью на определенном этапе она столкнулась бы с аналогичными проблемами, и в конце концов была бы распущена турецкими властями. Скорее всего и Европейский суд по правам человека также поддержала бы это постановление, как ранее произошло в инциденте с Партией благоденствия [24, с. 82]. В некотором смысле складывалась тупиковая ситуация, что подтолкнуло Эрдогана скорректировать общий подход в продвижении собственных стратегических интересов. Главным образом в целях политического выживания требовалась некая адаптация под окружающую реальность посредством отказа от радикальной доктрины. В результате возник раскол внутри команды Эрбакана, когда реформаторское крыло движения в 2001 году образовало ПСР, тогда как приверженцы сохранения жесткой линии объединились в другую отдельную группу.

Тем не менее, генералитет, всегда выполнявший функцию своеобразного защитника заветов Ататюрка, все еще продолжал относиться с большим недоверием к новому блоку Эрдогана. В данном контексте даже проявленная гибкость и готовность к компромиссу не гарантировали невмешательства армии в государственные процессы. Тем более что вооруженные силы обладали значительной властью, закрепленной в основном законе страны. С этой точки зрения инструментом воздействия являлся Совет национальной безопасности. Данный конституционный орган официально появился в 1961 году как механизм институционализации непрямого участия генштаба в политической системе республики. Правда, в тот период предложения ведомства носили больше консультативный характер, что оставляло за правительством право не выполнять их. Но после переворота 1980 года полномочия СНБ существенно расширились. Теперь разработанные данной структурой рекомендации по тем или иным вопросам становились приоритетными для рассмотрения кабинетом министров [107, с. 182]. Подобная формулировка фактически обязывало турецкое руководство неукоснительно следовать всем спускаемым сверху инструкциям. Хотя в состав совета также входили высокопоставленные гражданские чиновники, доминирующая роль здесь принадлежала именно представителям военных, которые полностью контролировали работу этой структуры. При этом зона ответственности СНБ как раньше не ограничивалась исключительно проблемами безопасности и внешней политикой. Теперь организация активно вовлекалась в регулирование чисто внутренних вопросов, в том числе в области общественно-социальных отношений [107, с. 216].

Важно подчеркнуть, что в 1997 году вынужденный уход Эрбакана с поста премьер-министра как раз состоялся из-за конфликта с армией, которая тогда через Совет национальной безопасности издала меморандум. Документ содержал в идеологическом плане ряд крайне неприемлемых для Партии благоденствия требований в религиозной сфере [93, с. 49]. По сути указанное событие являлось актом недовольства со стороны секулярных слоев населения политикой главы кабинета. Оказавшись перед угрозой насильственного смещения Эрбакан в конце концов подписал выдвинутые условия. Впоследствии спустя несколько месяцев, несмотря на изначальные попытки остаться на своей должности, находясь под колоссальным прессингом он все же подал в отставку.

Таким образом, с учетом исторического опыта и сложившегося статус-кво в структуре власти, руководство ПСР с первых дней своего правления опасалось назревающего конфликта и предъявления им аналогичного ультиматума в будущем. В связи с чем первостепенную важность приобретал вопрос предотвращения такого сценария. Здесь ключевая задача заключалась в нейтрализации политического влияния высшего командования страны. Главным инструментом в реализации данной стратегии должна была стать как раз демократизация. Дело в том, что в рамках гармонизации турецкого законодательства с европейскими стандартами Брюссель требовал от Анкары изменения статуса армии посредством ее перехода в прямое подчинение гражданскому руководству. Этот аргумент предоставил Эрдогану возможность приступить к более решительным действиям против военного истеблишмента. В

итоге в 2003 году он инициировал конституционные поправки с целью лишения привилегированной роли Совета национальной безопасности в государственных делах. В результате, несмотря на открытые возражения генштаба, СНБ был трансформирован в чисто совещательный орган без каких-либо реальных полномочий [108, с. 137]. Одновременно реструктуризации подвергся и состав совета, где теперь большинство мест принадлежало гражданским. Подобные изменения в некотором смысле воспринимались наблюдателями в качестве революционного шага.

Собственно говоря, на начальном этапе правительство Партии справедливости и развития осуществило фундаментальные реформы во многих сферах жизнедеятельности, которые в целом были направлены на политическую, экономическую и социальную либерализацию. Например, в рамках утвержденных меджлисом пакетов мер по гармонизации с ЕС среди прочего была отменена смертная казнь; произошло заметное расширение культурных прав национальных меньшинств, когда официально разрешилось использование языков этнических групп в публичном пространстве, включая его применение на радио и телевидении; заметно улучшилась ситуация со свободой слова и прессы; снимались ограничения на мирные собрания граждан и свободу ассоциации; в духовной сфере обеспечивалась свобода вероисповедания и совести; внедрялись механизмы для продвижения прав женщин [109]. Кроме того, глубоким преобразованием подверглась судебная система. Так, военные суды лишались полномочия рассматривать дела гражданских лиц. В свою очередь так называемые специальные суды госбезопасности были ликвидированы. Правительство также признало верховенство Европейского суда по правам человека, что позволяло турецким жителям в индивидуальном порядке обращаться в данный орган для оспаривания решений национальной юрисдикции.

В экономической же плоскости власти прилагали усилия по дальнейшему совершенствованию рыночных отношений, где одним из движущих сил выступал процесс приватизации. Сокращение участия государства в экономике виделось важным условием для развития республики. Таким образом, за первые десять лет правления ПСР частный бизнес приобрел разного рода государственных объектов на сумму в 34 млрд долларов [28, с. 38]. Одновременно правительство уделяло большое внимание улучшению инвестиционного климата для привлечения средств местных и международных предпринимателей. В результате прямые иностранные инвестиции в течение десяти лет в целом достигли 110 млрд долларов [28, с. 38]. Главным источником этих поступлений были именно западные компании, которые на фоне либеральных преобразований в Турции начали активно вкладывать финансы в реализацию здесь различных проектов. Таким образом, за счет необходимых мер и реформ Партия справедливости и развития сумела не только стабилизировать экономическую ситуацию в стране, но и значительно ускорить рост ВВП. Так, с 2002 по 2011 года в среднем данный показатель увеличивался ежегодно на 6,5 процентов. В течение указанного периода валовой продукт на одного жителя повысился в три раза до 10,5 тысячи долларов [110]. Стремительный подъем

уровня жизни за относительно короткий срок был тесно связан как раз с либерализацией публичного пространства в рамках процесса вступления республики в Европейский союз.

Таким образом, благодаря твердой приверженности к идее интеграции с ЕС, что сопровождалось конкретными мерами по демократизации турецкого общества, Эрдоган добился лояльности не только западных партнеров, но и собственного электората. В последнем случае следует отметить тот факт, что в 2002 году на парламентских голосованиях партии с проевропейской повесткой дня выиграли 83 процента голосов [24, с. 93]. Турецкое общество в своем большинстве приветствовало идею расширения сотрудничества и тесного сближения с западными государствами.

Собственно говоря, поддержка международных акторов и внутренней аудитории имело огромное значение с точки зрения продолжающейся борьбы Эрдогана с кемалистской элитой. Военный истеблишмент всячески пытался вынудить его правительство уйти в отставку. В апреле 2007 года на волне протестов против правящей партии из-за возникшего кризиса вокруг выдвижения кандидата ПСР А.Гюля на пост президента армия издала электронный меморандум, где заявила о своей исторической роли по защите секуляризма в республике. Данный документ фактически означал готовность генералитета вновь вмешаться в политику посредством насильственного свержения гражданских властей [108, с. 153]. Показательно, что в отличие от прошлых случаев на этот раз действующее руководство страны публично выступило с осуждением данного инцидента, тем самым демонстрируя свое намерение сопротивляться давлению военных. Пресс-секретарь ПСР Джемиль Чичек тогда высказался о том, что «начальник генштаба подчиняется премьер-министру, а не наоборот» [93, с. 56].

Напряженность заметно усилилась после обращения генеральной прокуратуры в конституционный суд с запросом запретить Партию справедливости и развития в марте 2008 года. Правоохранительные органы обвиняли данную структуру в подрыве светских устоев государства. Однако в июле того же года в ходе рассмотрения суд отклонил подобное ходатайство. По результатам голосования шестеро из одиннадцати судьей выступили против закрытия ПСР [107, с. 192]. Данное событие вызвало шквал критики со стороны всех сегментов общества, в том числе и либерально настроенных граждан. Многие крайне негативно расценивали действия армии. Впоследствии уже против военного истеблишмента было инициировано официальное расследование в рамках дела *Эргенекон*. Большинство населения восприняло данный шаг как переломный момент в демилитаризации Турции. За этим эпизодом последовало еще одно судебное разбирательство. По итогам этих громких скандалов Эрдоган сумел значительно ослабить позиции генералитета.

На этом фоне складывалось впечатление о скором присоединении страны в Евросоюз. Однако, несмотря на высокие ожидания турецкого электората, данный процесс в конце концов застопорился. Одна из главных причин заключалась в замедлении темпов реализации реформ в республике [46, с. 77]. Официальное открытие переговорного процесса интерпретировалось местными

властями как индикатор выполнения Турцией своей части плана. На их взгляд теперь другая сторона должна была сделать ответный ход, поэтому они в некотором смысле потеряли стимул к дальнейшим шагам. Но представители ЕС все еще оставались неудовлетворенными проделанной правительством Эрдогана работой.

Возможно, несколько предвзятая реакция Брюсселя объяснялась изначально скептическим отношением европейских граждан и политиков к идее интеграции с крупным мусульманским государством. В данном контексте Турция в культурном аспекте не рассматривалась как часть европейско-христианской цивилизации. Более того, перспектива наплыва мусульманских мигрантов с ее вхождением в блок также вызывало озабоченность в европейских обществах. Показательно, что отдельные высокопоставленные чиновники до этого открыто высказывали сомнения по поводу возможности Анкары влиться в состав ЕС. Так, в свое время бывший министр иностранных дел Нидерландов в одном из своих выступлений задался вопросом: «Существует проблема большого мусульманского государства. Хотим ли мы его в Европе?» [111, с. 60]. Надо сказать, подобная точка зрения в целом была весьма распространена на разных уровнях социума внутри Евросоюза.

Тем временем во второй половине двухтысячных годов после прихода к власти А.Меркель в Германии и Н.Саркози во Франции, которые в отличие от своих предшественников выступали против принятия Турции в блок, переговорная ситуация фактически зашла в тупик. Немецкий канцлер вместо полноправного членства предложила Анкаре формат «привилегированного партнерства» [48, с. 153]. В ходе ее встречи с Эрдоганом в 2010 году она еще раз затронула данную тему, объясняя свою позицию тем, что «правила игры изменились с 2005 года... Переговоры (о вступлении) – процесс, не имеющий конечной даты». Естественно, подобный вариант совсем не устраивал ПСР. Занимавший тогда пост министра по европейским делам Э.Багис крайне резко высказался касательно этого вопроса: «Такого статуса как «привилегированное партнерство» не существует... поскольку он не имеет юридической основы. Временами я чувствую себя оскорбленным тем, что нам предложили нечто несуществующее» [112]. По сути говоря, слова А.Меркель звучали как сигнал о невозможности быстрого вхождения Турции в ЕС, что шло вразрез с ожиданиями страны-кандидата об ускоренном завершении этой процедуры. В связи с завуалированным отказом Брюсселя в турецком обществе возникло некоторое разочарование относительно интеграционного проекта.

Еще одним непреодолимым препятствием представлялась нерешенность кипрского кризиса. Понимая чрезвычайность урегулирования данного конфликта, Эрдоган в первые же годы предпринял активные усилия по поиску консенсуса. С учетом этого обстоятельства он поддержал мирный план генерального секретаря ООН Кофи Аннана по объединению острова с помощью механизма федерализации. Однако на референдуме в апреле 2004 года греко-киприоты отвергли эту идею, хотя турецкий сектор разделенного государства проголосовал положительно. Вопреки подобному исходу позднее в мае того же года Никосия все равно вступила в Евросоюз [48, с. 168]. Тем самым Брюссель

лишился главного рычага давления на ситуацию, поскольку теперь греко-киприоты не имели никакой мотивации для достижения приемлемого для всех соглашения. Как и предполагалось впоследствии они постоянно блокировали сотрудничество между Турцией и ЕС, оставаясь серьезным камнем преткновения в расширении двусторонних связей. Причем подобная картина до сих пор сохраняется.

Начиная с 2013 года отношения между Эрдоганом и европейскими властями стали резко обостряться. Ключевым фактором данной тенденции можно назвать заметное ухудшение демократической обстановки в республике. Здесь неким переломным моментом оказалась реакция ПСР на протесты вокруг сноса парка в Стамбуле, которые переросли в массовые волнения. Жесткое подавление этих митингов вызвало осуждение со стороны западных столиц. Характерно, что тогда премьер-министр Эрдоган обвинил внешние силы в организации этих событий [113]. Он преподносил масштабные недовольства граждан в качестве международного заговора против действующего правительства, подразумевая под инициаторами именно Запад. Таким образом, нежелание идти на уступки демонстрантам и в целом бескомпромиссный подход турецкого лидера сильно испортили его международную репутацию как приверженца либеральных ценностей, что логично изменило восприятие Эрдогана среди европейских партнеров.

В определенной степени кульминация двусторонних разногласий наступила в результате неудачной попытки переворота в июле 2016 года. Администрация ПСР возложила ответственность за этот инцидент на известного мусульманского проповедника Фетхуллага Гюлена. Он возглавляет неформальное религиозное движение «Хизмет», которое имеет многочисленных сторонников внутри страны. В прошлом указанная структура активно занималась многими видами деятельности, в том числе владела различными бизнес-активами, средствами массовой информации, широкой сетью образовательных заведений в Турции и за рубежом, книжными издательствами, частными клиниками и больницами, и даже управляла собственным исламским банком [114, с. 90]. Отметим, что открывшиеся в 1990-х годах в Центральной Азии турецкие лица также контролировались этой группой [57]. При этом, как отмечает Х.Явуз, интересы гюленистов не ограничиваются исключительно религиозной и социально-экономическими сферами. Они одновременно стремятся и к государственной власти [114, с. 90].

Благодаря значительным финансовым и человеческим ресурсам движение представляло большую ценность для Партии справедливости и развития с точки зрения формирования взаимовыгодного идеологического альянса. В свою очередь за счет создания такого партнерства Хизмет тоже получал ощутимые дивиденды, в том числе выражавшиеся в назначении его последователей на высшие должности в бюрократическом аппарате. Вследствие чего Эрдоган вступил с Гюленом в тактический союз в целях противостояния общему оппоненту в лице кемалистского истеблишмента.

Однако по прошествии времени их пути разошлись. Дело в том, что после очевидного укрепления своей позиции и нейтрализации политического влияния

армии Эрдоган больше уже не нуждался в помощи гюленистов. Тем более он рассматривал последних в качестве опасного конкурента [24, с. 135]. В соответствии с данной установкой правящая партия начала оказывать давление на принадлежавшие Хизмет учреждения. Помимо этого, приверженцы Гюлена выдавливались с занимаемых постов в официальных органах. В ответ движение через своих сторонников в прокуратуре в декабре 2013 года спровоцировало крупный коррупционный скандал, приведший к временному аресту правительственных чиновников из ПСР.

Конфликт постоянно накалялся и достиг своего пика 15 июля 2016 года, когда связанные с гюленистами отдельные военные подразделения попытались силовым способом сместить Эрдогана. Согласно мнению турецкого эксперта С. Чагаптая, эти события «были организованы одной фракцией внутри армии, состоявшей в основном не из секуляристов, а скорее, по-видимому, из аффилированных с движением Гюлена офицерами» [24, с. 182]. Однако действующие власти быстро подавили довольно плохо подготовленный путч, приведший к гибели нескольких сотен людей. Сразу же по всей стране вводился режим чрезвычайного положения, за которым последовали массовые чистки. Данный процесс коснулся госслужащих, сотрудников силовых структур (армия, полиция, прокуратура, разведка), журналистов, преподавателей вузов, школьных учителей и др. На апрель 2017 года в общей сложности были задержаны 110 тысяч человек, среди них почти 50 тысяч арестованы по конкретным обвинениям [115]. По официальной версии все они подозревались в связях с гюленистами. Тем не менее, под ударом оказались и представители либеральных и светских кругов, настроенных против правительства Р.Т. Эрдогана. Данное обстоятельство дало повод западным руководителям публично выразить крайнюю озабоченность действиями турецкой администрации.

В свою очередь провластные медиа в Турции распространяли информацию о якобы причастности США к мятежу, указывая на факт длительного проживания Гюлена на его территории. Собственно, Анкара моментально отправила документы американским чиновникам по поводу его экстрадиции, однако запрос ожидаемо остался неудовлетворенным. Этот эпизод только усиливал напряженность в двусторонних отношениях с Вашингтоном. Позднее сам Эрдоган в своих речах неоднократно затрагивал тему выдачи основателя Хизмет, тем самым все чаще переходя на антизападную риторику.

В свете возникших противоречий процесс вхождения Турции в ЕС в настоящее время фактически приостановлен. Возобновление переговоров между ПСР и Брюсселем выглядит маловероятным в среднесрочной перспективе. Стороны все больше отдаляются друг от друга, где наглядным примером является тенденция расхождения во взглядах по международным вопросам. Здесь весьма примечательно, что если в 2007 году Анкара поддержала 45 из 46 или 97% официальных деклараций Евросоюза, то в 2022 году данное значение снизилось до 7% [116].

Но все-таки, несмотря на продолжающиеся разногласия, ряд обстоятельств удерживают связи от полного разрыва. Во-первых, даже с учетом последних трендов примерно шестьдесят процентов турецких граждан все еще позитивно

смотрят на потенциальное присоединение республики к ЕС [117]. В условиях выборной демократии ни одно руководство страны не может игнорировать подобный расклад в рамках своей внешней стратегии.

Также следует отметить экономическую зависимость Турции. На данный момент ЕС остается не только одним из крупных источников иностранных инвестиций, но и ее главным торговым партнером. В 2022 году объем взаимной торговли составил 198 млрд евро [118]. В то же время 40% всего турецкого экспорта в размере 103 млрд долларов было направлено именно в данный регион [119]. В связи с огромной значимостью европейского рынка для местных производителей и в целом для развития национальной экономики, Анкара всегда будет заинтересована в недопущении острой конфронтации.

Кроме того, европейское сообщество видит в Турции некую буферную зону, отгораживающую континент от нестабильности в других частях света. В частности, различные вооруженные конфликты и кризисы гуманитарного характера актуализировали внутри ЕС проблему наплыва нелегальных мигрантов из Ближнего Востока. В данном контексте достигнутая в 2016 году договоренность между администрацией ПСР и Брюсселем продемонстрировала наличие точек соприкосновения. Указанное соглашение предполагало перемещение незаконно прибывших в Грецию переселенцев на территорию Турции. Взамен последняя получала денежные трансферты под реализацию социально-экономических проектов для беженцев [120]. Данный опыт подчеркнул особую роль республики в архитектуре безопасности европейского региона.

Теперь следует отдельно остановиться на динамике турецко-американских взаимоотношений за последние два десятилетия, где в отличие от ситуации с ЕС часто преобладают вопросы безопасности и геополитики. В том числе это проявлялось в событиях, происходивших накануне прихода к власти Партии справедливости и развития. Напомним, в конце 2002 года международная коалиция во главе с США готовилась к проведению военной операции в Ираке. «Согласно планам американской администрации, сухопутное вторжение в Ирак должно было осуществляться с двух направлений. В данном контексте северный фронт предполагал использование именно турецкой территории» [121]. По этому поводу Вашингтон инициировал закрытые переговоры с официальными лицами Анкары. Однако премьер-министр Б.Эджевит все же отказал в подобной просьбе. Дело в том, что тогда турецкий истеблишмент в целом выступал категорически против идеи вооруженной интервенции с целью свержения режима С.Хусейна. Такая позиция во многом была обусловлена курдским фактором и потенциальным возникновением очага нестабильности на южных рубежах республики.

Надо отметить, еще раньше в начале девяностых годов двадцатого столетия итоги войны в Персидском заливе вызвали серьезную озабоченность турецкого руководства. В частности, поводом для беспокойства становилось формирование де-факто автономного образования курдов в их компактных районах проживания на севере Ирака. Это значительно повышало вероятность создания указанной этнической группой собственного независимого государства в

будущем. С учетом существующей проблемы курдского сепаратизма в самой Турции, такой вариант развития виделась ее властями крайне нежелательным [46, с. 81]. Поскольку это могло дополнительно стимулировать местное курдское население в рамках его вооруженной борьбы за отделение от республики. С середины 1980-х годов террористическая организация Рабочая партия Курдистана (РПК) вела кровопролитную партизанскую войну с турецкой армией в юго-восточных провинциях страны, одновременно совершая разного рода теракты против гражданских лиц. Указанный конфликт рассматривался Анкарой в качестве главной угрозой национальной безопасности, в связи с чем она отрицательно относилась к намерениям Вашингтона ввести войска в сопредельный Ирак. В этом случае среди прочего усиливались риски окончательного раскола данного арабского государства. По крайней мере, ожидаемое ослабление центральной власти в Багдаде увеличивало возможность полного хаоса здесь.

После победы ПСР на выборах в ноябре 2002 года США надеялись договориться с новым турецким правительством. В конце концов временно занимавший пост премьер-министра Абдуллах Гюль в условиях сильного давления союзников согласился обеспечить коридор для наступления против иракских сил. Однако во время процедуры голосования за это решение в меджлисе правящая партия предоставила своим делегатам право сделать самостоятельный выбор. В результате из-за такого маневра предложение было отклонено большинством депутатов парламента [121]. Разумеется, данный шаг привел к недовольству американской элиты действиями партнера по НАТО, вследствие чего отношения заметно охладились.

Между прочим, на фоне смещения С.Хусейна и дестабилизации Ирака резко увеличились атаки РПК, которая использовала территорию курдской автономии как плацдарм для нападения. Анкара не сумела добиться поддержки Вашингтона в противостоянии с повстанцами, в том числе получить разрешение на нанесение трансграничных ударов по террористам. Этот факт длительное время оставался камнем преткновения во взаимных контактах. Двусторонняя напряженность сохранялась вплоть до визита премьер-министра Эрдогана в США в ноябре 2007 года. В ходе встречи с президентом Д.Бушом они договорились сотрудничать касательно совместного противодействия РПК, в том числе через обмен разведданными [46, с. 82].

Тем временем со вступлением на должность главы государства Б.Обамы турецко-американские связи вступили в период активного развития. Во внешней доктрине 44-президента США центральное место отводилось Ближнему Востоку. Прежде всего Б.Обама стремился восстановить подорванную репутацию Вашингтона в исламском мире. Вследствие конфликтов в Ираке и Афганистане, а также из-за глобальной кампании против терроризма имидж американского государства значительно ухудшился в мусульманских обществах. В рамках данной стратегии США делали упор на расширении сотрудничества и установлении доверительных контактов с региональными игроками, которые разделили бы с ним ответственность за укрепление

стабильности на Ближнем Востоке. С этой точки зрения Турция рассматривалась в качестве идеального партнера [36, с. 66].

Значимость республики подтверждалось тем фактом, что одна из первых зарубежных поездок Обамы как раз состоялся в турецкую столицу в апреле 2009 года. Тогда он выдвинул концепцию «образцового партнерства» между двумя государствами, что демонстрировало его намерение вывести взаимное сотрудничество на новый уровень. Во время пресс-конференции американский лидер дополнительно подчеркнул ценность Анкары как натовского союзника с преимущественно мусульманским населением [36, с. 66]. Надо сказать, будучи «исламской демократией» Турция на тот момент виделась моделью государственного развития для всего Ближнего Востока, в особенности на фоне феномена идеологически умеренной ПСР. Показательно, во время событий «арабской весны» структура Эрдогана продвигалась западными экспертами в качестве некоего ориентира для недавно появившихся религиозно-консервативных партий в Египте, Тунисе, Ливии и в других странах.

В подтверждение стратегического сближения США и Турции в 2012 году Б.Обама назвал премьер-министра Эрдогана в числе одного из пяти мировых руководителей, с кем у него сложились наиболее доверительные отношения [122]. При этом американское правительство лоббировало интересы Анкары в вопросе интеграции с ЕС. Б.Обама лично убеждал европейских союзников о необходимости включения республики в данное объединение [123].

Однако с 2013 года в двусторонних контактах наметились серьезные противоречия. Здесь опять же на первый план вышла тенденция отхода действующих турецких властей от демократических принципов. Одновременно с этим очевидное изменение внешнеполитических приоритетов Турции на определенном этапе превратилось в еще один источник разногласий. При правлении Эрдогана страна стремилась стать более независимым на международной арене, тем самым все чаще действовала самостоятельно без координации с Западом. Это часто шло вразрез с интересами партнеров по североатлантическому альянсу.

Например, достаточно тесные связи Анкары с иранским режимом и Россией постепенно становились сильным раздражителем для Вашингтона. В данном контексте покупка российских систем противовоздушной обороны С-400, а также помощь Тегерану в обходе экономических санкций вызвали обратную реакцию США. В первом случае Турция была исключена из программы по приобретению истребителей пятого поколения F-35. В свою очередь в нью-йоркском суде на сегодняшний день продолжается расследование дела касательно крупного государственного турецкого банка о нарушениях введенных против Ирана ограничений. При обвинительном вердикте и потенциальном наложении значительного денежного штрафа под ударом может оказаться вся финансовая система Турции.

Тем не менее, в нынешних условиях едва ли не самой главной проблемой выглядят споры вокруг сирийского конфликта. В результате вспыхнувшей гражданской войны местное курдское население организовало самоуправление на приграничных районах. Сложившаяся картина не может не волновать

турецкий истеблишмент по исторической аналогии с наблюдавшимися когда-то процессами в соседнем Ираке. Поэтому Анкара стремится любыми средствами предотвратить сценарий федерализации, и тем более распада Сирии, если это даже потребует восстановления дипломатических контактов с режимом Б.Асада. В свете данного обстоятельства администрация Эрдогана крайне болезненно относится к военной и финансовой поддержке США курдским вооруженным формированиям. Когда в последний раз в 2019 году турецкая армия провела наземную операцию против курдских группировок на севере Сирии с целью создания буферной зоны, это привело к беспрецедентному политическому кризису с Вашингтоном. В настоящий момент курдская тематика продолжает негативно влиять на сотрудничество этих стран.

Несмотря на текущее состояние отношений между Турцией и Западом, вопросы безопасности и экономики остаются объединяющим фактором. Во-первых, участие в НАТО все еще расценивается краеугольным камнем военной доктрины Анкары. Причем виду возвращения на международную повестку дня угрозы империалистических захватнических войн, гарантия коллективной защиты в рамках альянса приобретает особую актуальность для республики. Тем временем сохраняющаяся экономическая и технологическая зависимость Турции от западных партнеров будет являться весомым аргументом, сдерживающим двусторонние связи от радикальной эскалации.

3.3 Концепция неоосманизма в контексте усиления ближневосточного направления во внешнеполитических приоритетах современной Турции

После образования современной республики в 1923 году руководство Турции провозгласило курс на модернизацию общества и государства. В рамках этого процесса в качестве ориентира выступали развитые западные страны. Поэтому политика обновления осуществлялась под знаком европеизации, что отразилось и на внешних приоритетах Анкары [124, с. 211]. Прежде всего правительство президента Ататюрка целенаправленно самоустранялось от ближневосточных дел. Данный шаг в том числе рассматривался с точки зрения некоего разрыва с османским прошлым, элементы которого виделось руководством республики в качестве препятствия на пути прогрессу. Одновременно турецкие власти в тот период стремились продемонстрировать международному сообществу об отсутствии у них стремления к ревизионизму после распада Османской империи. Тогда присутствовали некоторые опасения, что республика может попытаться восстановить утраченные позиции и территории на Ближнем Востоке.

На этом фоне долгие годы Анкара придерживалась стратегии не вовлечения в дела этого региона. В соответствии с этой задачей страна не проявляла особой активности на бывших османских территориях. Именно сотрудничество с западным миром оставалось главным направлением в международной доктрине Турции.

Тем не менее, еще в 1960-70 годах на фоне кризиса в отношениях с традиционными партнерами по НАТО турецкое правительство предприняло попытки определенной диверсификации внешних связей, в том числе за счет

углубления контактов с ближневосточными странами. С одной стороны, конфликт вокруг Кипра актуализировал необходимость создания балансирующей конструкции. С другой стороны, подобная политика Анкары в том числе было вызвано чисто экономическими соображениями. В контексте интеграции турецкой экономики в мировое сообщество и развития рыночных отношений страны Ближнего Востока рассматривались важными рынками сбыта для турецких товаров.

Тем не менее, до прихода к власти ПСР во внешней политике Турции светская идентичность играла главную роль. Поэтому связи с мусульманскими государствами воспринимались кемалистским истеблишментом именно сквозь призму данного фактора, что в некоторой степени сдерживало углубление взаимодействия с исламским миром. Военная элита выступала категорически против процесса сближения с представителями данного региона. Важно подчеркнуть, на предыдущих этапах турецкая армия обладала значительным влиянием на политическую жизнь. Соответственно, ее мнение становилось решающим в определении внешнеполитической траектории.

Но в то же время в годы Холодной войны отношения с Западом объективно говоря являлись приоритетом с точки зрения национальных интересов. НАТО виделась неким зонтиком безопасности в годы биполярного порядка и противостояния двух блоков. С экономической точки зрения также доля европейских стран значительно преобладала в товарообороте республики, что делало развитие контактов с ними более выгодным.

В свою очередь после окончания Холодной войны внешняя политика Турции преследовала две основные задачи. Прежде всего на фоне распада СССР Анкара стремилась восстановить стратегическую значимость республики в глазах Запада. Кроме того, на повестке дня было решение внутренних проблем безопасности, связанные с обострением вооруженного конфликта вокруг курдского сепаратизма и подъемом политического ислама [40, с. 197]. Прежде всего именно из-за курдского фактора в 1990-х годах состояние двусторонних отношений с арабскими государствами оставались крайней напряженными. Вследствие войны в Персидском заливе террористическая организация Рабочая партия Курдистана утвердилась в северных районах Ирака. Анкара неоднократно проводила трансграничные военные операции против курдских повстанцев. Когда в 1996 году республика заявила о своих намерениях создать безопасную зону в приграничных провинциях Ирака, это вызвало острую реакцию представителей арабского мира. Аналогичным образом поддержка сирийского режима Х.Асада курдским группировкам, а также нахождение на территории этой страны лидера РПК А.Оджалана создавали глубокие противоречия между Анкарой и Дамаском.

Но после прихода к власти Партия справедливости и развития решила полностью изменить подход к региону. Теперь Турция стремилась восстановить отношения со странами Ближнего Востока. С этой точки зрения исторические и культурные связи республики с ними рассматривались в качестве важной точкой соприкосновения. В результате турецкое государство вступило в интенсивное взаимодействие с окружающими соседями. В рамках данного процесса ПСР

установила тесные связи с Сирией, Ираном, Ираком, палестинской организацией Хамас, властями курдской автономии на севере Ирака и др.

В контексте новой внешней парадигмы Анкары следует особо отметить роль бывшего министра иностранных дел республики А.Давутоглу, поскольку именно он считается «интеллектуальным архитектором» международной стратегии правительства Эрдогана. Благодаря инициативам А.Давутоглу турецкая внешняя политика по сравнению с прежними этапами стала значительно более проактивной и многосторонней. С его точки зрения республика занимает выгодную геостратегическую позицию, что придает ей статус центрального государства. Такая особенность позволяет Турции одновременно маневрировать в нескольких разных регионах, не только соединяя их друг с другом, но в то же время оказывая на них и свое влияние. Подобный подход в определенной степени можно было назвать многовекторной политикой.

Между тем, согласно видению А.Давутоглу, центральность Турции обязывает ее активно участвовать в вопросах установления мира и стабильности на в прилегающих регионах. Тем самым в новых условиях Анкара должна обеспечивать помимо собственной и безопасность соседних государств. Причем фактор общего османского прошлого представлялась ценным активом в рамках реализации внешнеполитических целей республики [45, с. 107-109].

Надо отметить, что в контексте своей стратегии А.Давутоглу выдвинул концепцию «ноль проблем с соседями». Данная формула предполагала решение всех острых проблемных моментов и конфликтов с окружающими странами. Здесь имелось в виду не только непосредственно имеющие общие с Турцией границы, но в целом относящиеся к данному региону. Краеугольным камнем этой политики выступали как раз страны Ближнего Востока. Одним из главных инструментов сотрудничества в том числе становился экономический аспект. Предполагалось, что экономические контакты автоматически приведут и к политическому сближению. В соответствии с этой логикой в 2000-х годах Турция подписала соглашение о свободной торговле с Египтом, Иорданией, Марокко, Тунисом, Сирией и другими странами. Это позволило значительно повысить товарооборот между Турцией и регионом с 5 до 35 млрд долларов в течение первых десяти лет нахождения ПСР у власти.

Одновременно Анкара стремилась предложить свои посреднические услуги в урегулировании различных противоречий между другими государствами: в частности между Израилем и Палестиной, Израилем и Сирией, Боснией и Герцеговиной и Сербией, Афганистаном и Пакистаном, Ираном и Западом [29, с 56-57]. Параллельно турецкие власти инициировали процесс нормализации отношений с Арменией. В рамках этой задачи прошли встречи на уровне президентов. Правда, в конце нормализация с Арменией не дала результатов. Кроме того, под эгидой ООН Турция совместно с Испанией запустили инициативу «Альянс Цивилизации». Анкара видела себя актором, который способен сблизить мусульманские и христианские общины на фоне конфликта после терактов 11 сентября.

В целом доктрина А.Давутоглу призывала к активному взаимодействию Турции со всеми региональными игроками. С его точки зрения культурное и

политическое наследие делает современную Турцию в плане географии и культуры одновременно западной и исламской [125, с. 186]. В этом отношении он уделял особое внимание взаимодействию с Ближним Востоком. Еще в 2007 году он говорил следующее: «События на Ближнем Востоке представляют для Турции большой интерес. Не только наша историческая, культурная и социальная близость с регионом, но также прямые и непрямые воздействия этих событий на Турцию обязывают нас фокусировать на региональных вопросах» [40, с. 200]. Здесь стоит отметить, различные кризисы и конфликты, а также уход США из региона создавали некий вакуум, который нужно было заполнить [124, с. 211]. Соответственно, Турция пыталась воспользоваться открывшимся окном возможности.

Между тем многие наблюдатели характеризуют внешнюю политику Партии справедливости и развития как неоосманизм. Здесь необходимо прояснить значение данного термина. Собственно говоря, корни идеологии неоосманизма восходят к концепции османизма. В свое время в годы своего существования Османская империя представляла из себя полиэтническое общество. В данном контексте получившая распространение после французской революции идея национализма в некотором смысле виделась угрозой стабильности государства. Поэтому местная элита в противовес стремилась создать новую идентичность в целях противодействия возрастающим националистическим чувствам населяющих страну различных народов. По сути говоря, османские власти пытались предотвратить возможность территориального раскола [126, с. 9-10].

Однако в условиях современной Турецкой Республики неоосманизм имеет совсем иную интерпретацию. Причем внутри экспертного сообщества нет единого мнения касательно трактовки указанной идеологии. Одни считают, что неоосманизм является инструментом мягкой силы во внешней политике, который ограничивает влияние секуляристского наследия кемализма. В то же время распространена точка зрения, что неоосманизм является лишь отражением стратегии нынешнего турецкого руководства играть более активную роль в делах тех регионов, которые когда-то входили в состав Османской империи. В соответствии с этим взглядом, концепция неоосманизма не носит империалистического характера. Поскольку в рамках геополитического усиления Анкара естественным образом стремится расширить собственное экономического и политическое влияние в когда-то входивших в состав Османской империи территориях. Параллельно часть экспертов вообще не согласна с определением внешней политики ПСР как неоосанизм, так как современная международная стратегия Анкары основана исключительно на национальных интересах [126, с. 10].

Если обратиться к позиции турецкого исследователя Х.Явуза, для турецкого лидера ислам и османское прошлое являются не только главными элементами идентичности, но и источниками мотивации в его международной стратегии. Ученый указывает на взаимосвязь между процессами исламизации и османизации. Следовательно, неоосманизм подразумевает исламизацию внешней политики республики. На этом фоне на сегодняшний день наблюдается тектонический сдвиг в ориентации государства в сторону более консервативной

османской традиции. При Эрдогане Турция отворачивается от своих исторических союзников на Западе, что видится одним из главных геополитических перестроек нашего времени. В результате внутренней трансформации в экономической, политической и социальной сферах изменились и внешнеполитические цели Анкары [27, с. 181]. В целом Х.Явуз рассматривает идеологию неоосманства сквозь призму политики ностальгии. Соответственно, согласно его мнению, среди консервативных и религиозных граждан наблюдается глубокая ностальгия по Османской империи. Данная категория людей, являющаяся основными сторонниками ПСР, выражают сожаление по поводу распада османского государства. Правящая партия в целях оправдания ожиданий собственного электората действует соответствующим образом.

Между прочим, многие наблюдатели рассматривают вышеупомянутую концепцию «ноль проблем с соседями» как часть неоосманской стратегии действующего турецкого правительства. В данном случае Турция будет все больше вовлекаться с южными и восточными соседями, тем самым постепенно отдаляясь от западных партнеров [107, с. 233].

В любом случае на первом этапе стратегия усиления сотрудничества с Ближним Востоком принесло Турции положительные результаты. Во время событий «арабской весны» республика и лично Эрдоган находились на пике популярности в мусульманских обществах. При этом изначально сближению с арабскими государствами препятствовали традиционно тесные связи между Турцией и Израилем [46, с. 90]. Но этом фоне наступивший кризис отношений между правительством ПСР и израильскими властями способствовал повышению имиджа Анкары в глаза исламского мира. Кроме того, усиление глобального влияния республики и рост ее экономического могущества также выступали инструментом мягкой силы. Это проявилось на фоне революций в начале 2010-х годов, охвативших многие страны Ближнего Востока. Тогда в таких странах как Египет, Тунис, Ливия и в других к власти стал приходиться идеологически близкие к ПСР партии. Однако такая ситуация продолжалась недолго. Через некоторое время отношения Турции с арабскими странами начали резко ухудшаться.

Сначала в 2013 году на фоне свержения египетской армией президента М.Мурси обострились связи с Каиром. Эрдоган жестко критиковал действия египетских военных. Особенно с учетом турецкой истории неоднократного вмешательства генералитета в политику, данный переворот вызвал крайне негативную реакцию правительства ПСР [127]. Затем в 2017 году из-за дипломатического кризиса вокруг Катара сильно ухудшились контакты с монархиями Персидского залива. Тем временем после убийства саудовского журналиста в посольстве Эр-Рияда в Стамбуле двусторонний диалог фактически был заморожен. В результате Саудовская Аравия фактически объявила экономический бойкот Анкаре [128]. Одновременно сохранялись серьезные противоречия в отношениях с Израилем. Время от времени возникала напряженность с Ираком. И подобного рода примеров было достаточно много.

Если принимать во внимание продолжающиеся трения с Западом, Турция в некотором смысле оказывалась изолированной.

На определенном этапе подобная ситуация подтолкнула правительство ПСР к пересмотру внешнеполитических целей. В связи с этим обстоятельством в последнее время Анкара приступила к нормализации сотрудничества со странами Ближнего Востока. В частности, в 2022 году за долгое время состоялись официальные встречи турецкого президента с лидерами Саудовской Аравии, ОАЭ и Израиля. Хотя эти события полностью не смогли восстановить связи, но все же внесли определенный вклад в возобновлении коммуникации. Между прочим, сложная экономическая обстановка в стране накануне предстоящих в мае 2023 года национальных выборов также стимулировала изменение подхода Эрдогана.

Таким образом, можно сделать вывод, что в конечном счете амбициозная стратегия Турции касательно Ближнего Востока не достигла своих целей. Прежде всего сами арабские государства опасались превращения Анкары в регионального гегемона. Это среди прочего связано с историческими факторами, поскольку эти страны в прошлом находились под контролем Османской империи. Здесь на первый план выходит вопрос исторической памяти. С другой стороны, Турция оказалась неготовой на роль ведущей державы в этой части мира. Главным образом в плане экономики республика не обладает необходимыми ресурсами для реализации собственных геополитических задач.

3.4 Турция в Центральной Азии: казахстанско-турецкие отношения как фактор интеграции тюркоязычных государств

Распад СССР и формирование новых независимых государств на постсоветском пространстве стали отправной точкой в установлении официальных двусторонних отношений между Турцией и Казахстаном. Прежде всего важно подчеркнуть, что сразу после обретения суверенитета страны Центральной Азии представляли большой геополитический интерес для всех ведущих международных игроков. В данном контексте ключевыми факторами являлись географическое расположение региона на стыке Китая, России и исламского мира, его транспортно-транзитный потенциал, наличие здесь крупных запасов энергетических ресурсов и торгово-экономические перспективы в целом.

Причем с точки зрения Запада новообразованные республики дополнительно рассматривались сквозь призму возможности расширения количества демократий в мире, в особенности на фоне начавшейся политической либерализации в восточноевропейских государствах. Развитию общественной жизни на этих территориях действительно уделялось пристальное внимание, поскольку присутствовали опасения касательно религиозной экспансии Саудовской Аравии и Ирана [129]. В связи с этим Турция с ее мусульманским населением, секулярной формой правления, демократическим режимом, многопартийной системой, рыночной экономикой и ориентированностью на США и ЕС виделась многими наблюдателями в качестве идеальной модели государственного строительства для представителей ЦА [130, с. 7]. В общем

смысле Анкара как неотъемлемая часть североатлантического блока выдвигалась на роль некоего связующего моста между последними и западными столицами.

В принципе еще в середине прошлого века с вхождением в НАТО на Турцию была возложена подобного рода функция проводника интересов союзников в рамках взаимоотношений с мусульманским Ближним Востоком. В случае сотрудничества с Центральной Азией важным подспорьем выступали единые исторические корни и культурная и языковая близость на основе общей тюркской идентичности. Указанный момент воспринимался турецкими властями как эффективный инструмент реализации собственных геополитических целей, а именно распространения своего влияния в данном регионе. Однако по сравнению с прошлыми периодами Анкара уже не хотела мириться статусом исключительно посредника, и стремилась выработать самостоятельную повестку дня. Как считает Байрам Балчи, «...родство между Турцией и новыми государствами, вышедших из-под российской орбиты, побудило Анкару проводить комплексную политику по развитию отношений с этими новичками на международной арене. Амбициозная задача заключалась в том, чтобы построить с ними политический блок, контуры которого безусловно были нечеткими, но который вращался бы вокруг тюркской солидарности, тем самым косвенно наделяя Турцию новой сферой влияния» [42, с. 36]. Забегая вперед надо признать, как показали дальнейшие события, в силу различных объективных причин подобные ожидания руководства республики во многом не оправдались.

Тем не менее, на первом этапе для только что получивших политическую независимость Казахстана и его южных соседей, которые тогда находились в поиске собственной национальной идентичности, образ и имидж «братской» Турции действительно выглядели вполне привлекательными. При этом как участник НАТО она виделась в некотором смысле воротами в западный мир. Поэтому центральноазиатские страны искренне демонстрировали встречную готовность к углублению сотрудничества. Тем более что в условиях наступившего внутреннего социально-экономического кризиса на всей территории бывшего СССР, вызванный переходом на капиталистические рельсы и другими болезненными реформами, они остро нуждались во внешней поддержке. В связи с этим предложение турецкой администрации о содействии воспринималось местными правительствами достаточно позитивно.

Катализатором укрепления двусторонних контактов в начале девяностых годов XX столетия считается занимавший тогда пост президента Тургут Озал. Будучи активным сторонником тесных связей между тюркскими государствами, он высказывал мнение о том, что двадцать первое столетие станет веком тюрков. Собственно говоря, его внешнеполитическая стратегия предполагала превращение Турции в региональную державу на Кавказе, в Центральной Азии и Персидском заливе [41, с. 148]. В рамках указанной концепции центральное место отводилось как раз ЦА. Поэтому проникновение в данный регион расценивалось краеугольным камнем в усилении глобального влияния Анкары. Между тем согласно мнению Н.Данфорц, через международную активность

Т.Озал одновременно «стремился продемонстрировать США и НАТО сохраняющуюся ценность Турции» [47]. С окончанием Холодной войны и устранением советской угрозы республика потеряла стратегическую роль в рамках коллективного сдерживания противника.

С учетом вышесказанного неудивительно, что в свое время Анкара первой признала суверенитет Казахстана, Узбекистана, Туркменистана и Кыргызстана, но также самой первой открыла свои посольства в этих странах [131]. Данный шаг имел огромное символическое значение, который до сегодняшнего дня остается важным компонентом в конструировании положительной репутации Турции в общественном сознании республик. Таким образом, в 1990-х годах обоюдное стремление к широкой интеграции предопределило незамедлительную интенсификацию контактов во всех сферах жизнедеятельности. Значимым событием стал состоявшийся в 1992 году по инициативе Т.Озала первый саммит лидеров тюркоязычных государств в столице Турции [61]. Встречи в таком формате впоследствии проводились неоднократно, предоставляя удобную диалоговую площадку для обсуждения наиболее актуальных вопросов взаимодействия. Правда, эти заседания во многом носили консультативный характер, и не приводили к серьезным прорывам касательно политического объединения.

Дело в том, что после имевшей место определенной эйфории по поводу создания единого тюркского фронта, постепенно первоначальный энтузиазм несколько поугас. Настойчивые попытки турецкой стороны добиться практических результатов в данном направлении столкнулись с сопротивлением остальных участников альянса. Центральноеазиатские государства занимали осторожную позицию, поскольку не хотели приобретать в лице Анкары нового «старшего брата» взамен России [132]. Такие опасения тормозили процесс выхода сотрудничества на более высокий уровень. В этом плане показательно, что активно продвигавшаяся администрацией Т.Озала идея разработки общего тюркского алфавита на основе латиницы не нашла широкого отклика среди партнеров. Здесь помимо чисто технических аспектов, связанных с фонетическими различиями тюркских языков, камнем преткновения становилось желание постсоветских республик сохранить свою идентичность в вопросе письменности [133]. Хотя тогда тема отказа от кириллицы действительно изучалась всеми странами ЦА. В итоге перешедшие позднее на латинскую графику Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан приняли собственные варианты шрифта.

Еще одним сдерживающим фактором тюркской интеграции являлась относительная слабость Турции в финансовом и технологическом отношении. Ограниченность ресурсов не позволяло ей активно участвовать в крупных экономических проектах в регионе, следовательно, она не могла предложить республикам Центральной Азии необходимые инвестиции, в том числе в сфере добычи полезных ископаемых. Такая ситуация ставила Анкару в невыгодное положение по сравнению с конкурентами, обладавшими достаточными денежными и иными средствами.

Естественным препятствием служила и географическая отдаленность между Турцией и ЦА [134]. Отсутствие общих границ среди прочего сильно мешало расширению экономических связей. Ситуация дополнительно осложнялась изолированностью региона, не имеющего прямого доступа к открытым морям. Существенные логистические издержки отрицательно сказывались на увеличении торгового потока.

Так или иначе в 1990-х годах Анкара в пределах своих возможностей оказывала гуманитарную и материальную поддержку странам Центральной Азии, максимально используя инструмент мягкой силы. В целях систематизации данного процесса по примеру ряда европейских государств был даже образован специальный орган под названием Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (*ТИКА*). Примечателен тот факт, что в 1992-1996 годах 90 процентов всей международной помощи для развития в ЦА обеспечивала именно Турция [132]. Параллельно в тот период турецкий бизнес, преимущественно представленный мелкими и средними предпринимателями, начал постепенно осваивать местные рынки. Турецкий текстиль и другие бытовые товары обрели широкую популярность среди жителей республик, которые ценились за их высокое качество по сравнению с китайскими аналогами. Но импорт этих изделий главным образом осуществлялся индивидуальными торговцами, челночным методом перевозившие продукции народного потребления [135]. Нельзя не отметить вполне успешный опыт сервисных компаний. Многие турецкие фирмы в качестве поставщика услуг сумели занять определенную нишу в строительной отрасли. Одним из ярких примеров является их активное участие в возведении разного рода объектов в Астане.

Тем не менее, совместный товарооборот Анкары с центральноазиатскими странами долгие годы не отличался высокими показателями. Так, в 2002 году данное значение не превышало и 850 миллионов долларов [136, с. 432], что составляло меньше одного процента от всей внешней торговли Турции [137]. Между прочим около половины указанной суммы приходилась на Казахстан.

Следует отдельно остановиться на отношениях в гуманитарной области, где важным достижением стало учреждение ТЮРКСОЙ (Международная организация тюркской культуры) в 1993 году. Задача данной структуры прежде всего состояла в укреплении связей на уровне народов, поэтому ее иногда называют ЮНЕСКО тюркского мира [58]. По сути говоря, как механизм культурной дипломатии ТЮРКСОЙ представляет из себя официальную площадку для продвижения массовых и индивидуальных контактов между гражданами посредством различных публичных мероприятий. Надо сказать, данная концепция показала свою относительную эффективность. За прошедшие годы было реализовано множество проектов, включая проведение достаточно известного музыкального конкурса «Тюрквидение» и других фестивалей, публикацию специальной литературы, регулярные форумы деятелей искусств, писателей и ученых и т.п. Подобные публичные инициативы способствовали повышению узнаваемости ТЮРКСОЙ среди целевых групп и широкой общественности.

Вместе с тем особенно плодотворно развивалось сотрудничество в сфере образования. Турецкое правительство в 1992 году запустило специальную программу по бесплатному обучению студентов из тюркоязычных стран. Подготовленные в турецких вузах кадры в дальнейшем должны были служить своеобразным соединяющим звеном между обществами. К 2008 году 7719 человек успешно завершили учебный курс в местных университетах [138]. Со временем число грантов постепенно увеличивалось. По официальным данным, только в 2021 году почти 750 претендентам из ЦА и Кавказа были предоставлены стипендии [139]. Одновременно шел значительный рост количества поступающих за личные средства, что в определенной степени отражало подъем популярности образования в Турции. В итоге по состоянию на 2017 год здесь было зарегистрировано более 23 тысяч студентов из стран ТЮРКСОЙ. Среди данного контингента большинство приходилось на представителей Азербайджана и Туркменистана [140].

Кроме того, с самого начала при поддержке Анкары в странах ЦА создавались учебные заведения, в том числе на основе совместного управления. Так, в казахстанском городе Туркестан действует крупный Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави. За тридцать лет работы его выпускниками стали более 90 тысяч студентов [141]. Но главным символом образовательного сотрудничества безусловно считается сеть частных турецких лицеев, получивших широкое распространение в регионе. За период независимости эти учреждения приобрели большую популярность среди местного населения благодаря высокому качеству знаний. Например, в Казахстане казахско-турецкие лицеи (КТЛ) давно занимают лидирующие позиции в различных республиканских рейтингах [57]. В связи с этим указанные школы стали важным компонентом турецкой мягкой силы в Центральной Азии. Однако после конфликта правительства Партии справедливости и развития с движением влиятельного исламского проповедника Ф.Гюлена, которое и контролировало работу лицеев, они были либо закрыты, или же прошли через реорганизацию со сменой названия и управляющей компании.

Тем временем в результате прихода к власти ПСР в 2002 году внешнеполитические приоритеты Турции подверглись некоторым корректировкам. Если раньше Центральной Азии придавалось первостепенное значение, теперь при правительстве Эрдогана акцент смещался в сторону Ближнего Востока и Кавказа [42, с. 42]. Подобные изменения, с одной стороны, отражали идеологические установки ПСР, с другой стороны, объяснялись чисто прагматическими соображениями. Во втором случае турецкий истеблишмент рассчитывал сосредоточиться на наиболее перспективных с его точки зрения направлениях. Однако это вовсе не означало полного сворачивания присутствия Анкары в ЦА. Республика все еще сохраняла повышенную заинтересованность к углублению контактов с данным регионом, только теперь она решила действовать более рационально.

Новый подход в том числе предполагал выстраивание сотрудничества на двусторонней основе, нежели в многостороннем формате. В принципе такая тактика выглядела вполне логичным, поскольку к двухтысячным годам внутри

Центральной Азии наметилась очевидная тенденция к обострению противоречий и конфликтов. Ввиду отсутствия сплоченности затруднялась выработка общей повестки дня. Тем более уже тогда каждая из республик отличалась по таким ключевым параметрам как экономические показатели и внешнеполитические принципы.

В связи с этим стоит выделить эволюцию казахстанско-турецких связей, которые на сегодняшний день вполне можно назвать образцовыми. За последние двадцать лет межгосударственные отношения складывались в исключительно дружеском и конструктивном русле. Собственно говоря, администрация Партия справедливости и развития с самого начала придавала особый приоритет именно сотрудничеству с Казахстаном [130]. Подобная ситуация объяснялась различными факторами.

Прежде всего РК уже к тому моменту стала утверждаться в роли экономического лидера центральноазиатского региона. Благодаря успешно проведенным рыночным реформам и либерализации экономики республика относительно быстро вышла из переходного периода и в двухтысячных годах начала демонстрировать стабильно высокие темпы роста ВВП. При этом ввиду крупных запасов энергетических ресурсов страна обладала огромным потенциалом в долгосрочной перспективе. Данное обстоятельство делало Казахстан привлекательным для Турции с точки зрения рынка сбыта и инвестиций. Между прочим, Анкара параллельно рассматривала РК в качестве одного из источников импорта ископаемого топлива. Более того, она стремилась стать транзитным коридором для дальнейших поставок казахстанских товаров на мировые рынки.

Тем временем прагматичная и проактивная внешняя политика Астаны являлась весомым аргументом в углублении двусторонних контактов. В этом случае казахстанская сторона всегда проявляла заинтересованность в наращивании взаимного сотрудничества. Здесь надо отметить, что в рамках собственной многовекторной стратегии РК расценивала турецкое направление как один из важных компонентов его внешнего балансирования. В особенности на фоне усиления международного влияния Анкары в годы правления Эрдогана данный вопрос приобретал особую актуальность.

Следует сказать, что в тот период динамика казахстанско-турецких связей заметно выделялась на фоне состояния отношений между Анкарой и Ташкентом. В первые годы после распада СССР многие наблюдатели предрекали как раз Узбекистану статус ведущего государства Центральной Азии. Но в том числе из-за сложившейся ситуации с ее экономической и политической закрытостью данная страна не сумела полностью реализовать свой потенциал. Помимо этого, имелись давние проблемные моменты между Турцией и Узбекистаном. В данном контексте камнем преткновения являлись события начала девяностых годов прошлого века. Тогда отказ турецких властей экстрадировать, находившихся на их территории узбекских оппозиционеров, было воспринято правительством И.Каримова как крайне недружественный акт [42, с. 195]. Этот инцидент оказал негативное влияние на дальнейшую динамику двустороннего сотрудничества.

Указанная деталь подтолкнула Анкару сосредоточить усилия именно на казахстанском направлении.

В результате на сегодняшний день Казахстан вполне закономерно является крупнейшим торговым партнером Турции в центральноазиатском регионе. Так, по итогам 2022 года объем взаимной торговли равнялся 6,3 млрд долларов, увеличившись сразу на 33% по сравнению с предыдущим годом [142]. Причем экспорт РК составил 4,75 млрд долларов [143]. В то же время официальные лица стран заявляют о намерениях довести данную цифру до 10 млрд долларов в ближайшем будущем. Надо отметить, что в настоящий момент для Казахстана Турция является пятым основным торговым партнером.

Тем временем за последние 15 лет размер турецких инвестиций в РК достиг 4,35 млрд долларов, а в обратном направлении за этот же период инвестировано более 1 млрд долларов. Тем самым Анкара входит в десятку крупнейших иностранных инвесторов республики [144]. Согласно последним данным, в Казахстане сейчас активно работают порядка 3700 турецких компаний в различных областях деятельности [145]. В годы независимости турецкие подрядные организации реализовали здесь разного рода проектов на сумму в 26 млрд долларов [146]. Из этих цифр можно сделать вывод о достаточно плодотворном сотрудничестве двух стран в торгово-экономической сфере за прошедший период.

В политической же плоскости Астана и Анкара в 2009 году подписали важный договор о стратегическом партнерстве [147]. Данное событие свидетельствовало о сложившемся между двумя государствами высоком уровне доверия. Между прочим, тесные отношения двух стран также стали движущей силой в институционализации сотрудничества внутри тюркского мира. В частности, предложенная в свое время Казахстаном идея о создании межпарламентской организации была активно поддержана правительством Эрдогана, что в 2008 году вылилось в появление Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран (ТюркПА) [41, с. 149]. Этот эпизод в некотором смысле придал импульс дальнейшей интеграции. Уже в 2009 году была учреждена структура под названием Совет сотрудничества тюркоязычных государств, что позволило вывести отношения между странами на качественно новый уровень. В рамках данной платформы ежегодно проходили встречи глав государств, способствовавшие углублению взаимных контактов. В конечном счете в 2021 году объединение было переименовано в Организацию тюркских государств [148]. Это стало следующим шагом на пути расширения сотрудничества. Отметим, во всех случаях именно совместные усилия Турции и Казахстана были катализатором формализации отношений внутри тюркского мира.

Тем временем знаменательным событием стало достижение соглашения о расширенном стратегическом партнерстве между Анкарой и Астаной в мае 2022 года. Тогда во время встречи с казахстанским лидером Касым-Жомартом Токаевым в турецкой столице президент Реджеп Тайип Эрдоган заявил, что: «Турция и Казахстан – две братские страны, которые связывают прочные узы, основанные на общности истории, языка, религии и культуры. Турция придает большое значение миру и стабильности в Казахстане» [149]. При этом особое

значение имели его следующие слова: «Еще раз подчеркиваю, что мы готовы нести ответственность за стабильность, спокойствие и безопасность наших казахстанских братьев». В свою очередь казахстанский глава государства отметил, что «...Казахи всегда будут помнить о том, что Турция первой признала нашу независимость. Наш народ этого никогда не забудет. Казахстан и Турция – братские, дружественные страны, имеющие общие исторические корни» [150].

Подобный обмен мнениями продемонстрировал достаточно доверительный характер взаимоотношений. Анкара и Астана высоко оценивают достигнутый за последние тридцать лет прогресс в двусторонних связях. При этом дальнейшее развитие контактов видится выгодным для обоих государств. Примечательно, что в последнее время турецкие власти публично выражают готовность оказывать содействие Казахстану в вопросе сохранения его безопасности и стабильности. В данном контексте большой резонанс вызвали слова Эрдогана, сделанные им осенью 2022 года в Астане. В частности, он подчеркнул, что «мы и впредь будем продолжать поддерживать суверенитет, территориальную целостность, мир и стабильность братского для нас Казахстана» [151]. На этом фоне показательным выглядит развитие контактов в военно-технической сфере. Согласно казахстанским специалистам, стандарты турецкой армии, считающейся одной из сильнейших среди участников НАТО, может выступать ориентиром для казахстанских вооруженных сил [152]. В данном контексте интересным представляется новость о строительстве в Казахстане завода по совместному производству турецких ударных беспилотных летательных аппаратов [153].

В то же время на сегодняшний день турецко-казахстанское сотрудничество имеет свои объективные ограничения. Прежде всего в экономическом плане негативно влияет географический фактор. Удаленность друг от друга этих стран вкупе с изолированностью территории Центральной Азии сдерживает расширение взаимной торговли. Кроме того, участие Казахстана в Евразийском экономическом союзе также выступает барьером в доступе к рынку республики для сторонних экспортеров. В вопросах же политики и безопасности Астана исторически ориентирована на соседнюю Россию, в том числе в рамках Организации Договора о коллективной безопасности, тогда как в этом аспекте Турция больше взаимодействует с Западом по линии североатлантического альянса. Тем не менее, можно сказать, что потенциал турецко-казахстанских отношений все еще полностью не реализован. Это открывает большое пространство для дальнейшего углубления межгосударственного сотрудничества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках данного исследования в том числе были выявлены основные внешнеполитические принципы Турецкой Республики в двадцатом веке. В частности, международная стратегия Ататюрка характеризовалась активным изоляционизмом. Прежде всего он стремился направить все усилия на внутреннее восстановление. Поэтому направлял все усилия на внутреннее восстановление. В данном контексте внешние дела имели для первого президента турецкого государства второстепенное значение на фоне тяжелой экономической и политической ситуации в обществе. С другой стороны, в связи с отсутствием достаточных ресурсов Анкара даже при желании тогда не могла себе позволить проводить активную внешнюю политику.

В то же время в годы второй мировой войны Турция до последнего момента придерживалась нейтралитета. Только в 1945 году, когда уже стало окончательно ясно о поражении Германии, она официально встала на сторону союзнических сил. Однако такое поведение президента И.Иненю, который перед войной стал главой государства, вызвал крайнее недовольство западных стран, в особенности Великобритании и США. После этого долгое время двусторонние отношения оставались достаточно напряженными.

Тем временем сложившаяся в середине двадцатого века геополитическая ситуация мотивировала Турцию отказаться от нейтралитета, и присоединиться к западному блоку. Таким образом республика вступила в североатлантический альянс. Здесь главным фактором изменения подхода Анкары являлась угроза безопасности, связанная с экспансионизмом СССР, который тогда стремился взять под свой контроль стамбульские проливы. В свою очередь механизм НАТО о коллективной защите виделся турецким истеблишментом важным подспорьем в обеспечении стабильности страны. До окончания периода Холодной войны в целом Турция придерживалась прозападной позиции в международных делах, что было обусловлено факторами безопасности и экономики. Надо сказать, тогда Вашингтон на постоянной основе оказывал республике крупную финансовую и военную помощь.

В то же время доминирование военной элиты в политической жизни страны также влияло на траекторию движения страны. Армия всегда являлась приверженцем кемалистских принципов вестернизации, что сказывалось на сближении с европейскими и американскими партнерами. Но одновременно временами возникали противоречия между Анкарой и Западом, как было в случае с кипрским кризисом, приведшему к беспрецедентному ухудшению сотрудничества. Такие конфликты стимулировали Анкару попытаться диверсифицировать свои международные связи, но в том числе экономическая военная слабость государства не позволяли действовать самостоятельно.

После окончания Холодной войны администрация президента Тургутта Озала пыталась проводить более энергичную внешнюю политику. Надо сказать, таким способом Т.Озал среди прочего стремился восстановить стратегическую значимость Анкары для Запада. В условиях исчезновения советской угрозы республика потеряла статус как элемента сдерживания противника.

Переломным моментом во внешней доктрине Турции стал приход к власти в начале двухтысячных годов Партии справедливости и развития Реджепа Тайипа Эрдогана. Его правительство на определенном этапе начало действовать более самостоятельно, не координируя как раньше свои шаги с традиционными западными союзниками. Тогда же многие наблюдатели стали отмечать присутствие определенных геополитических амбиций у турецкого лидера. В частности, доктрина бывшего министра иностранных дел А.Давутоглу предполагала превращение страны в региональную державу. Важным катализатором такой динамики считается стремительный экономический подъем Турции в первые десять правления ПСР. Это дало государству инструмент для активного продвижения собственных интересов на международной арене. Однако в конце концов подобные цели турецкого правительства столкнулись с определенными сложностями. Например, другие страны региона не хотели превращения Анкары в гегемона, например, на Ближнем Востоке. Более того, замедление экономического развития являлась серьезным сдерживающим фактором. На этом фоне все чаще возникали конфликты с окружающими странами и крупными державами. Параллельно возникновение сложностей в экономике также становилось сдерживающим фактором.

В связи с этим в последние годы Турция резко активизировалась на центральноазиатском направлении, о чем может свидетельствовать формирование организации тюркоязычных государств. В некотором смысле Анкара видит в данном регионе элемент внешнего балансирования в условиях осложнения связей с Западом и рядом ближневосточных государств. В данном контексте следует особо отметить исторически доверительные отношения между Турцией и Казахстаном. О высоком уровне сотрудничества свидетельствует подписанное еще в 2009 году соглашение о стратегическом партнерстве, которое было повышено до формата расширенного стратегического партнерства в 2022 году во время встречи двух глав государств.

В целом с точки зрения дальнейшей траектории турецкой внешней политики очень многое будет зависеть от предстоящих в мае 2023 года президентских и парламентских выборов. В том числе из-за трудности в экономике оппозиция имеет хорошие шансы выиграть голосования. В случае реализации такого сценария внешняя политика страны может подвергнуться определенным ревизиям, в том числе в рамках отношений с Западом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сотрудничество Республики Казахстан с Турецкой Республикой. <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/513?lang=ru> 04.01.2023.
2. Президент Турции посетит Казахстан осенью 2022 года. <https://24.kz/ru/news/top-news/item/543215-prezident-turtsii-posetit-kazakhstan-osenyu-2022-goda> 11.05.2022.
3. Мевлют Чавушоглу: Для нас ценны спокойствие и счастье братского казахского народа. https://www.inform.kz/ru/mevlyut-chavushoglu-dlya-nas-cenny-sпокоystvie-i-schast-e-bratskogo-kazahskogo-naroda_a3903539 24.02.2022.
4. Касым-Жомарт Токаев и Реджеп Тайип Эрдоган договорились вывести взаимоотношения между Казахстаном и Турцией на уровень расширенного стратегического партнерства. <https://akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-i-redzhep-tayip-erdogan-dogovorilis-vyvesti-vzaimootnosheniya-mezhdu-kazakhstanom-i-turciey-na-uroven-rasshirennogo-strategicheskogo-partnerstva-1045142> 10.05.2022.
5. Назарбаев предложил пересмотреть название Тюркского совета. https://tengrinews.kz/world_news/nazarbaev-predlozil-peresmotret-nazvanie-tyurkskogo-soveta-381670/ 15.10.2019.
6. Конституция Турецкой Республики. https://www5.tbmm.gov.tr/yayinlar/2021/TC_Anayasasi_ve_TBMM_Ic_Tuzugu_Ingilizce.pdf
7. R.T. Erdogan. The vision of new Turkey: “The world is bigger than 5”. – Cumhurbaskanligi Yayinlari, 2017.
8. The North Atlantic Treaty. https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm
9. Turkey: customs unions and preferential arrangements. https://taxation-customs.ec.europa.eu/turkey-customs-unions-and-preferential-arrangements_en
10. President Erdogan addresses the UN General Assembly. <https://www.tccb.gov.tr/en/news/542/3255/president-erdogan-addresses-the-un-general-assembly> 24.09.2014.
11. Hasan Kosebalaban. Turkish foreign policy: islam, nationalism and globalization. –NY: Palgrave Macmillan, 2011. – P.53.
12. Hasan Yukselen. Strategy and strategic discourse in Turkish foreign policy. – Peterborough: Palgrave Macmillan, 2020. – P.98.
13. Nur Bilge Criss. Turkey’s foreign policies during the interwar period (1923-1939)//Turkish foreign policy: international relations, legality and global reach / ed. by Pinar Gozen Ercan. – Cham: Plagrave Macmillan, 2017. – P.21.
14. Omer Kurkcuglu. An analysis of Ataturk’s foreign policy, 1919-1938 // The Turkish yearbook of international relations. – Ankara, 1980. – Iss. 20. – P.133-187
15. Baskin Oran et al. Turkish foreign policy, 1919-2006: facts and analyses with documents/ ed. by Baskin Oran/ transl. by Mustafa Aksin. – Salt Lake City: The University of Utah Press, 2010. – P.224.

16. Gulbahar Yelken Aktas. Turkish foreign policy: new concepts and reflections: thesis submitted in partial fulfillment for the degree of Master of science in International Relations. – Middle East Technical University, 2010.
17. Betul Dicle. Factors driving Turkish foreign policy: thesis submitted in partial fulfillment for the degree of Master of Arts in International Relations. – Louisiana State University, 2008.
18. Cezmi Eraslan. In the Way of national pact, in line with national interests; Views on Ataturk's foreign policy understanding//Turkish foreign policy during Ataturk's era 1920-1938: Caucasasia, Balkans, Middle East form political, economic, social and cultural aspects /ed. by C. Eraslan. – Istanbul: Istanbul University Press, 2021. – P.1-30.
19. Sabah Halis Calis. Turkey's cold war: foreign policy and western alignment in the modern republic. – London: I.B. Tauris, 2017. – P.18.
20. M. Ataman. Leadership change: Ozal Leadership and restructuring in Turkish foreign policy// Alternatives: Turkish journal of international relations. – Yalova, 2002. – Vol.1, №1. – P.120-153.
21. S. Laciner. Turgut Ozal period in Turkish foreign policy: ozalism // USAK yearbook of politics and international relations. – Ankara, 2009. – Vol.2. – P.153-205.
22. Gul Tuba Dagci, Kaan Diyarbakirlioglu. Turkish foreign policy during Adnan Menderes period // Alternatives: Turkish journal of international relations. – Yalova, 2013. – Vol.12, №1. – P.18-31.
23. Ali Berk Bilir. The role of ideology in Turkish foreign policy during the Democrat party era: thesis submitted in partial fulfillment for the degree of Master of Arts in International Relations/ Bilkent University. – Ankara, 2021.
24. Soner Cagaptay. The new sultan: Erdogan and the crisis of modern Turkey. – London: I.B. Tauris, Bloomsbury Publishing Plc, 2020. – P.25.
25. Soner Cagaptay. A sultan in autumn: Erdogan faces Turkey's uncontainable forces. – London: I.B. Tauris, Bloomsbury Publishing Plc, 2021. – P.109.
26. Soner Cagaptay. Erdogan's empire: Turkey and the politics of Middle East. – London: IB Tauris, 2020. – P.18.
27. M. Hakan Yavuz. Nostalgia for the empire: the politics of neo-ottomanism. – NY: Oxford university press, 2020. – P.181.
28. E. Fuat Keyman, Sebnem Gumuscu. Democracy, identity and foreign policy in Turkey: hegemony through transformation. – NY: Palgrave Macmillan, 2014. – P.37.
29. Muharrem Eksi. The rise and fall of soft power during in Turkish foreign policy during JDP. – Berlin: Lambert academic publishing, 2016. – P.87.
30. Asli Aydintasbas, Kemal Kirisci. The United States and Turkey: friends, enemies, or only interests. «The center on the United States and Europe at Brookings (Policy paper. №12)» https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/04/aydintasbas-kirisci_united-states-and-turkey.pdf April 2017.
31. Alper Coskun, Sinan Ulgen. Political change and Turkey's foreign policy. «Carnegie endowment for international peace» https://carnegieendowment.org/files/Coskun_Ulgen_Turkey_final.pdf November 2022

32. Sertif Demir. Turkey's foreign policy dynamics in the 21st century// Turkey's foreign policy and security perspectives in the 21st century: prospects and challenges / ed. by S.Demir. – Boca Raton: Brown Walker Press, 2016. – P.9-32
33. Funda Keskin Ata. EU-Turkey relations (1999-2016): conditionality at work? // Turkish foreign policy: international relations, legality and global reach / ed. by Pinar Gozen Ercan. – Plagrave Macmillan, 2017. – P.105.
34. Ali Resul Usul. The Justice and development party and the European union: from euro-skepticism to euro-enthusiasm and euro-fatigue//Secular and Islamic politics in Turkey: the making of the Justice and development party / ed. by Umit Cizre. – NY:Routledge, 2008. – P.176.
35. Asli Aydintasbas, Kemal Kirisci. The United States and Turkey: friends, enemies, or only interests. «The center on the United States and Europe at Brookings (Policy paper. №12)» https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/04/aydintasbas-kirisci_united-states-and-turkey.pdf April 2017.
36. Ayse Omur Atmaca. Turkey-US relations (2009-2016): a troubled partnership in a troubled world? // Turkish foreign policy: international relations, legality and global reach /ed. by Pinar Gozen Ercan. – Cham: Plagrave Macmillan, 2017. – P.63-82.
37. Muge Kinacioglu. NATO-Turkey relations: from collective defence to collective security// Turkish foreign policy: international relations, legality and global reach/ed. by Pinar Gozen Ercan. – Cham: Plagrave Macmillan, 2017. – P.83-104.
38. Sinan Ulgen. Redefining the US-Turkey relationship. «Carnegie endowment for international peace» https://carnegieendowment.org/files/Ulgen_US-Turkey_final.pdf July 2021.
39. Huseyin Isiksal. Turkish foreign policy, the Arab spring, and the Syrian crisis: one step forward, two steps back // Turkey's relations with the Middle East: political encounter after the Arab sprig / ed. by H.Isiksal and O.Goksel. – Cham: Springer, 2018. – P.18-19.
40. Defne Gunay. The roles Turkey played in the Middle East// Turkish foreign policy: international relations, legality and global reach/ ed. by Pinar Gozen Ercan. – Cham: Springer, 2017. – P. 199.
41. Efe Sevin. Public diplomacy and the implementation of foreign policy in the US, Sweden and Turkey. – Cham: Palgrave McMillan, 2017. – P.148.
42. Bayram Balci. Islam in Central Asia and Caucasus since the fall of the Soviet Union, trans. by G. Elliott. – London: C. Hurst & Co., 2016. – P.36.
43. Assel Tutumlu. Turkey-Central Asia relations: strategic overview. «Near East University (Report 1/2020)» <https://yde.neu.edu.tr/wp-content/uploads/sites/170/2020/09/YDE-Orta-Asya-29.09.2020.pdf>
44. William Hale. Turkish foreign policy since 1774 (3rd edition). – NY: Rotledge, 2013. – P.5-7.
45. Bill Park. Modern Turkey: people, state and foreign policy in a globalized world. – NY: Routlege, 2012. – P.107-109.
46. Angel Rabasa, F. Stephen Larrabee. The rise of political islam in Turkey. – RAND corporation, 2008. – P.81-82.

47. Nicholas Danforth. Ideology and pragmatism in Turkish foreign policy: from Ataturk to the AKP//Turkish policy quarterly. – Istanbul, 2008. – Vol.7, №3. – P.83-95.
48. Magdalena Kirchner, Stephan J. Flanagan. Turkish relations with Europe, the European Union, and NATO: reaching an inflection point//Turkey's nationalist course: implications for the US-Turkey strategic partnership and the US army. – RAND Corporation, 2020. – P.169.
49. В. Аватков. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. – Москва, 2020. – С.2.
50. О. Барнашов. Фактор США во внешней политике Турции на Ближнем Востоке (2002-2019): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Москва, 2021. – С.3.
51. Р. Алекперов. Роль ислама во внутренней и внешней политике Турции после второй мировой войны: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Москва, 1999. – С.3-4.
52. М. Колесникова. Внешняя политика Турецкой Республики в Африке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Москва, 2020. – С.3.
53. Саетов И.Г. История партий политического ислама в Турции: лозунги, символы, идеология//Ислам в современном мире. – Москва, 2017. – Том 13, №4. – С. 86.
54. Л.Ж. Абжапарова. Народная дипломатия как стабилизирующий фактор развития международного гуманитарного сотрудничества: диссертация на соискание ученой степени PhD. – Алматы, 2014. – С.25.
55. М.О. Иембекова. Казахстанско-турецкие отношения в 90-е гг. XX в.: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы, 1998. – С.17.
56. Политолог о Турции после попытки переворота. <https://tengrinews.kz/other/politolog-turtsii-popyitki-perevorota-bridetsya-imet-delo-299035/> 20.07.2016.
57. N.Sultanmuratov, F.Kukeyeva, K.Baizakova, E.Chukubayev. Kazakh-turkish lyceums: promotion of gulenism in Kazakhstan// Central Asia and the Caucasus. – 2020. – Vol.21 – ISS 2. – P.17-27
58. F.Kukeyeva, N.Sultanmuratov, E.Chukubayev. Public diplomacy and soft power of Turkey in Kazakhstan// Вестник КазНУ. Серия МО и МП. – 2019. – №2(86). – С. 16-25
59. Е.Пастухов. Сирийский нерв Ближнего Востока// Журнал «Центр Азии». – Алматы, 2016. – №6 (106). – С.11.
60. Ф.Кукеева, А.Смаилова, Н.Султанмуратов. COVID-19 пандемиясы және ИСЕСКО «цифрлық» перспективалары//Вестник КазНУ. Серия МО и МП. – 2021. – №3(95). – С.39-47
61. А.Амребаев. Тюркское сотрудничество на марше. https://inbusiness.kz/ru/author_news/tyurkskoe-sotrudnichestvo-na-marshe%E2%80%A6 20.10.2021.

62. Klaus Dodds. Geopolitics: a very short introduction. – NY: Oxford University Press, 2007. – P.24.
63. Jurg Martin Gabriel. Worldviews and theories of international relations. – NY: ST. Martin Press, 1994. – P.108.
64. John Mearsheimer. Structural realism//International relations theories: discipline and diversity/ ed. by T. Dunne, M. Kurki and S. Smith. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P.77.
65. Niklas Schornig. Neorealism//Theories of international relations/ed. by Siegfried Schieder and Manuela Spindler / trans. by Alex Skinner. – NY: Routledge, 2014. – P.37.
66. Ernst B. Haas. The balance of power: prescription, concept or propaganda? //Theories of international relations/ed. by David A. Baldwin. – NY: Routledge, 2016. – P.480-483.
67. Robert Jackson, Georg Sorensen. International relations: theories and approaches (5th edition). – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P.100.
68. Scott Burchill. Liberalism//S. Burchill, A. Linklater, R. Devetak, et al. Theories of international relations (3rd edition). – NY: Palgrave Macmillan, 2005. – P.58.
69. Clara Eroukhmanoff. Securitisation theory//International relations theory/ed. by S. Mcglinchey, R. Walters, C. Scheinpflug. – Bristol: E-International Relations Publishing, 2017. – P.106.
70. О.С. Гайдаев. Теория секьюритизации, или хорошо забытое прошлое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории//Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». – 2021. – №1(21). – С.20-32.
71. Michael Heinrich. Imperialism//Theories of international relations/ed. by Siegfried Schieder and Manuela Spindler / trans. by Alex Skinner. – NY: Routledge, 2014. – P.179.
72. Metropoll: Turkey's pulse survey. <https://www.metropoll.com.tr/upload/content/files/1908-eu-and-nato-section-tp-mar22.pdf> March 2022.
73. Pew Research Center. NATO seen favorably across member states. <https://www.pewresearch.org/global/2020/02/09/nato-seen-favorably-across-member-states/> 09.02.2020.
74. Yevgeniya Gaber. Turkey's wartime bridge to the West is collapsing. <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/turkeysource/turkeys-wartime-bridge-to-the-west-is-collapsing/> 22.06.2022.
75. B.T.Morgan. Is Turkey coming to a crossroads? <https://www.thechicagocouncil.org/commentary-and-analysis/blogs/turkey-coming-crossroads> 22.07.2022.
76. Юджин Роган. Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке. – М: Альпина нон-фикшн, 2018. – С.28.
77. Michael Winter. The modernization of education in kemalist Turkey//Ataturk and the modernization of Turkey/ed. by Jacob M. Landau. – Boulder: Westview Press, 1984. – P.187.
78. Ozgur Mutlu Ulus. The army and the radical left in Turkey: military coups, socialist revolution and kemalism. – NY: I.B. Tauris, 2011. – P.13.

79. Netherlands scientific council for government policy. The European Union, Turkey and Islam. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2004. – P.46.
80. Sabri Sayari, Bruce Hoffman. Urbanization and insurgency: The Turkish case, 1976-1980. – RAND corporation, 1991. – P.3.
81. E.J. Zürcher, H. van der Linden. Searching the fault-line// The European Union, Turkey and Islam. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2004. – P.106.
82. F. Atacan. Explaining religious politics at the crossroad: AKP-SP//Religion and Politics in Turkey/ ed. by A.Carkoglu and B. Rubin. – NY: Routledge, 2006. – P.45.
83. Jenny White. Milli Gorus//Islamic movements of Europe: public religion and islamophobia in the modern world/ ed. by F.Peter and R.Ortega. – London: I.B. Tauris, 2014. – P.17.
84. D. Vielhaber. The Milli Görüş of Germany. <https://www.hudson.org/national-security-defense/the-milli-g-r-s-of-germany-#footNote5> 13.06.2012.
85. Sedat Avci. Two papers about urbanization in Turkey: cities and urban population & faults, earthquakes and cities. – Istanbul: Cantay, 2005. – P.8.
86. M.Toprak, N.Uslu. The headscarf controversy in Turkey//Journal of economic and social research. – Bolu, 2009. – 11(1). – P.43-67.
87. Ihsan D. Dagi. Transformation of Islamic political identity in Turkey: rethinking the West and the westernization//Turkish studies. – Ankara, 2005. – Vol. 6, No. 1. – P.21-37.
88. Turkey's past elections results. <https://www.dailysabah.com/election-results>
89. Нуриддин Султанмуратов. Турция: перемены наступают? <https://institute.asiakz.com/ru/rubrics/comments/turciya-peremeny-nastupayut> 13.01.2020.
90. Turkey election: Erdogan wins re-election as president. <https://www.bbc.com/news/world-europe-44596072> 25.06.2018.
91. Ertan Aydin, Ibrahim Dalmis. The social bases of Justice and development party//Secular and Islamic politics in Turkey: the making of the Justice and development party/ ed. by Umit Cizre. – NY:Routledge, 2008. – P.202.
92. Gokhan Ergocun. Turkey: strife at top led to 2001 economic crisis <https://www.aa.com.tr/en/economy/turkey-strife-at-top-led-to-2001-economic-crisis/1738484> 19.02.2020.
93. Toygar Sinan Baykan. The Justice and Development party in Turkey: populism, personalism, organization. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – P.53.
94. Kenan Cayir. The emergence of Turkey's contemporary "Muslim democrats"//Secular and Islamic politics in Turkey: the making of the Justice and development party/ ed. by Umit Cizre. – NY:Routledge, 2008. – P.62.
95. Burhanettin Duran. The Justice and development party's 'new politics': steering toward conservative democracy, a revised Islamic agenda or management of new crisis?//Secular and Islamic politics in Turkey: the making of the Justice and development party/ ed. by Umit Cizre. – NY:Routledge, 2008. – P.81.
96. Soaring inflation and collapsing currency: Why is Turkey's economy in such a mess? <https://www.euronews.com/2022/11/09/everything-is-overheating-why-is-turkeys-economy-in-such-a-mess> 21.12.2022.

97. Gokhan Ergocun. Turkish economy expands by 5,6% in 2022
<https://www.aa.com.tr/en/economy/turkish-economy-expands-by-56-in-2022/2833003> 28.02.2023.
98. Snapshot of Turkey's economy before Sunday's vote
<https://www.reuters.com/article/uk-turkey-economy-idUKTRE7595AI20110610>
 11.06.2011.
99. Turkiye logs record exports of over \$254B in 2022: Erdogan
<https://www.dailysabah.com/business/economy/turkiye-logs-record-exports-of-over-254b-in-2022-erdogan> 02.01.2023.
100. N.Turak. Turkey's inflation tops 85% as Erdogan continues to rule out interest rate hikes
<https://www.cnbc.com/2022/11/03/turkeys-inflation-tops-85percent-as-erdogan-continues-to-rule-out-interest-rate-hikes.html> 03.11.2022.
101. Death toll exceeds 50000 in quake disaster.
<https://www.hurriyetdailynews.com/death-toll-exceeds-50-000-in-quake-disaster-181775> 21.03.2023.
102. Составлено автором на основе данных статистического института Турции.
<https://data.tuik.gov.tr/Kategori/GetKategori?p=dis-ticaret-104&dil=2>
103. Turkey saw record exports in 2021: Erdogan.
<https://www.hurriyetdailynews.com/turkey-saw-record-exports-in-2021-erdogan-170533> 03.01.2022.
104. Turkey-EU – International trade in good statistics.
https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Turkey-EU_-_international_trade_in_goods_statistics#EU_and_Turkey_in_world_trade_in_goods
105. Walter Mayr. Who can challenge Erdogan?
<https://www.spiegel.de/international/europe/turkey-s-powerful-prime-minister-who-can-challenge-erdogan-a-495683.html> 16.07.2007.
106. S. Cagaptay, C. Yolbulan. The kurds in Turkey: a gloomy future//Kurdistan: an invisible nation/ ed. by S.M. Torelli. – Milan: ISPI, 2016. – P.46.
107. S. Bermek. The rise of hybrid political Islam in Turkey: origins and consolidation of the JDP. – NY: Palgrave Macmillian, 2019. – P.182.
108. U. Cizre. The justice and development party and the military: recreating the past after reforming it? //Secular and Islamic politics in Turkey: the making of the Justice and development party/ ed. by Umit Cizre. – NY: Routledge, 2008. – P.137.
109. Ministry of foreign affairs of Turkey «Political reforms in Turkey»
<https://www.ab.gov.tr/files/pub/prt.pdf>
110. Erdal Tanas Karagol. The Turkish economy during the Justice and development party decade// Insight Turkey. – SETA Foundation, 2013. – Vol.15, №4. – P.115-129.
111. F. Stephen Larrabee, Ian O. Lesser. Turkish foreign policy in the age of uncertainty. – RAND corporation, 2003. – P.60.
112. Канцлер Германии Меркель против вступления Турции в ЕС
https://www.bbc.com/russian/international/2010/03/100329_turkey_merkel
 30.03.2010.
113. Semih Idiz. Erdogan places blame for protests on international conspiracy
<https://www.al-monitor.com/originals/2013/06/erdogan-gezi-conspiracy-taksim-governance-authoritarian-akp.html> 14.06.2013.

114. Hakan Yavuz. *Toward an Islamic enlightenment: the Gulen movement*. – NY: Oxford University Press, 2013. – P.90.
115. J.Vonberg, L.Said-Moorhouse, K.Fox. 47155 arrests: Turkey's post-coup crackdown by the numbers <https://edition.cnn.com/2017/04/14/europe/turkey-failed-coup-arrests-detained/index.html> 15.04.2017.
116. Selim Yenel. Turkey's disengagement from the European Union <https://www.gmfus.org/news/turkeys-disengagement-european-union> 03.02.2023.
117. Turkish perceptions of the European Union 2022 «The German Marshall Fund» <https://www.gmfus.org/news/turkish-perceptions-european-union-2022> 14.04.2022.
118. EU trade relations with Turkiye. Facts, figures and latest developments. https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/turkiye_en#:~:text=The%20EU%20is%20by%20far,total%20trade%20with%20the%20world
119. Рассчитано на основе данных Турецкого института статистики <https://data.tuik.gov.tr/Kategori/GetKategori?p=dis-ticaret-104&dil=2>
120. Ignazio Corrao. EU-Turkey statement and action plan <https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-towards-a-new-policy-on-migration/file-eu-turkey-statement-action-plan> 20.11.2019.
121. Н.Султанмуратов, Ф.Кукеева, Е.Чукубаев. Перспективы турецко-американских отношений при президентстве Байдена// Вестник КарГУ. Серия «История. Философия». – 2021. – №3(103). – С.109-115.
122. Obama names Turkish PM Erdogan among trusted friends <https://www.hurriyetdailynews.com/obama-names-turkish-pm-erdogan-among-trusted-friends-11897> 20.01.2012.
123. Официальный Берлин не торопится приглашать Турцию в ЕС <https://www.dw.com/ru/официальный-берлин-не-торопится-приглашать-турцию-в-ес/a-4158875> 07.04.2009.
124. Huseyin Isiksal. *Conclusion: Turkey and the Middle East in an age of turbulence// Turkey's relations with the Middle East: political encounter after the Arab sprig/ ed. by H.Isiksal and O.Goksel*. – Cham: Springer, 2018. – P.211.
125. Mustafa G.Sahin. *Turkey and neo-ottomanism: domestic sources, dynamics and foreign policy: a dissertation submitted in partial fulfillment of the requirement for the degree Doctor of Philosophy in International relations*. – Florida International University, 2010. – P.186.
126. Onur Yildirim. *The revival of ottomanism: dissertation submitted in partial fulfillment for the degree of Master of Arts in International Relations*. – Coventry University, 2014. – P.9-10.
- 127.M.Hamed. Turkey's stance on the revolutions on Egypt <https://english.alarabiya.net/features/2013/09/17/Turkey-s-stance-on-the-revolutions-in-Egypt> 17.09.2013.
128. Boycott-hit Turkish exports to Saudi Arabia drop 92% in January <https://www.dailysabah.com/business/economy/boycott-hit-turkish-exports-to-saudi-arabia-drop-92-in-january> 04.02.2021.

129. Bayram Balci, Thomas Liles. Turkey's comeback to Central Asia <https://www.insightturkey.com/commentaries/turkeys-comeback-to-central-asia> 01.10.2018.
130. Zhaniya Khairova. The growth of Turkey-Kazakhstan's strategic cooperation in the modern era: hidden limitations to mutual convergence within and outside the Turkic world. Dissertation submitted in partial fulfillment for the degree of Master of science in International Relations/ University of Aberdeen, 2016. – P.7.
131. 30-летие независимости тюркских республик: прошлое, настоящее и будущее. <https://www.turksoy.org/ru-RU/novosti/2021-02-24-603797714fa38> 24.02.2021.
132. T. Alaranta, K. Silvan. Turkey in Central Asia: possibilities and limits of a greater role. «Finnish institute of international affairs (Briefing paper)» https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2022/01/bp328_toni-alaranta-kristiina-silvan_turkey-in-central-asia.pdf 01.18.2022.
133. Bedii Duru Altug. The 1991 international contemporary Turkic alphabets symposium and its contribution to the Turkic alphabet reform. Thesis submitted in partial fulfillment for the degree of Master of arts in Near eastern languages and civilization/ University of Washington, 2014. – P.9-10.
134. Zeeshan Fida. Central Asia's place in Turkey's foreign policy//Policy perspectives. – Islamabad, 2018. – Vol.15, №1. – P.113-125.
135. Assel Tutumlu. Turkey-Central Asia relations: strategic overview. «Near East University (Report 1/2020)» <https://yde.neu.edu.tr/wp-content/uploads/sites/170/2020/09/YDE-Orta-Asya-29.09.2020.pdf>
136. Kemal Kaya. Turkey //The new silk roads: transport and trade in greater Central Asia/ ed. by S. Frederick Starr. – Washington: Central Asia-Caucasus Institute, 2007. – P.432.
137. World Bank. Turkey trade summary 2002 data. <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/TUR/Year/2002/Summary>
138. Pinar Akcali, Cennet Engin-Demmir. Turkey's educational policies in Central Asia and Caucasia: perceptions of policymakers and experts//International journal of educational development. – Elsevier, 2012. – Vol.32(1). – P.11-21.
139. Turkiye scholarships «Annual report 2021» <https://www.turkiyeburslari.gov.tr/about/annualreport>
140. Muhammet Musa Budak, Hacı Murat Terzi. Scholarship programs as public diplomacy tool and implementations in Turkic council countries// Bilig. – Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, 2021. – №96. – P.229-253.
141. М.Кусайнова, А.Асгарли. Международный университет имени Ахмеда Ясави: 30 лет успеха <https://www.aa.com.tr/ru/образование/международный-университет-имени-ахмеда-ясави-30-лет-успеха/2673396> 10.09.2022.
142. Касым-Жомарт Токаев провел переговоры с президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом <https://www.akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-provel-peregovory-s-prezidentom-turcii-redzhepom-tayipom-erdoganom-1625359> 16.03.2023.

143. Внешняя торговля Казахстана: исторический рекорд и новые вызовы https://www.inform.kz/ru/vneshnyaya-torgovlya-kazahstana-istoricheskiy-rekord-i-novye-vyzovy_a4046134 15.03.2023.
144. За 15 лет Турция инвестировала в Казахстан \$4,35 миллиарда https://www.kt.kz/rus/politics/za_15_let_turtsiya_investirovala_v_kazahstan_4_35_milliarda_1377941111.html 12.10.2022.
145. На казахстанско-турецком бизнес-форуме подписали 10 документов <https://kapital.kz/economic/103545/na-kazakhstansko-turetskom-biznes-forume-podpisali-10-dokumentov.html> 04.03.2022.
146. С.Сабеков. Казахстан и Турция: стратегическое партнерство и дружба, проверенная временем https://www.inform.kz/ru/kazahstan-i-turtsiya-strategicheskoe-partnerstvo-i-druzhba-proverennaya-vremenem_a3759862 03.03.2021.
147. Турция и Казахстан подписали договор о стратегическом партнерстве https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30491563 22.10.2009.
148. R.Rehimov, A.Asgarli. Организация тюркских государств: 13 лет сотрудничества и диалога <https://www.aa.com.tr/ru/мир/организация-тюркских-государств-13-лет-сотрудничества-и-диалога/2701331> 03.10.2022.
149. Abdulrahman Yusupov. Турция нацелена на расширение товарооборота с Казахстаном <https://www.aa.com.tr/ru/политика/турция-нацелена-на-расширение-товарооборота-с-казахстаном-/2584113> 10.05.2022.
150. Эрдоган: Мы будем рядом с нашими казахстанскими братьями https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/erdogan-myi-budem-ryadom-s-nashimi-kazahstanskimi-bratyami-468301/ 11.05.2022.
151. Эрдоган высказался в поддержку территориальной целостности Казахстана <https://kz.kursiv.media/2022-10-13/erdogan-vyskazalsya-v-podderzhku-territorialnoj-celostnosti-kazahstana/> 13.10.2022.
152. E.Teslova, B.Eruygur. В Казахстане нацелены на развитие военно-технического сотрудничества с Турцией <https://www.aa.com.tr/ru/мир/в-казахстане-нацелены-на-развитие-военно-технического-сотрудничества-с-турцией/2834227> 02.03.2023.
153. Турецкие ударные беспилотники будут производить в Казахстане https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/turetskie-udarnyie-besplotniki-budut-proizvodit-kazahstane-468385/ 11.05.2022.